ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

21 1967

Скажем — и будет,
Скажем — и сделаем,
Скажем — и вырастут города,
В Ленина
верим,
В партию
верим
Самое меньшее —
навсегда.
Сердце слева,
Равненье налево,
Сердцу сегодня
Стучится здорово.
Помним, что говорил нам
Ленин,
Слышим Ленина
каждое слово.
Жизнь велика,
Жизнь горяча,
Мы крепнем под встречным
ветром.
Юность моя —
От плеча до плеча —
Тысячи километров.
Я слышал —
над радугой пел
человек,
Поколения нашего
сверстник.
Мой час,
Мой день,
Мой сегодняшний век
Поет комсомольские песни.
Юность!
Мы тверже печатаем шаг,
К нам весны горластые рвутся.
В наших сердцах,
В наших руках
Молодость Революции.

Роман ХАРИТОНОВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Год издания сорокавой

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

21 НОЯБРЬ 1963

ЛЕНИНГРАД — КОЛЫБЕЛЬ РЕВОЛЮЦИИ.

Фото Г. КОПОСОВА

Юрий КАЛЕЩУК

Фото М. МУРАЗОВА

УТРИНЫ

Поезд пришел в Даугавпилс поздно вечером. В окна светили вокзальные фонари. Они слепили глаза, и не было видно, как изменился этот тихий городок. Да и изменился ли он?..

Хотя, честно говоря, я мало думал о городе, больше — о стройке Даугавпилсского завода синтетического волокна, на котором не был два года. Я приезжал сюда, когда он только начинался. Тогда, в суматохе первых дней, городу и стройке было не до выяснения отношений, работа кипела, а в городке продолжалась своя тихая, привычная жизнь.

И вот я снова в Даугавпилсе. Тускло поблескивает асфальт, и вздрагивают огни над витринами магазинов.

Впереди, совсем рядом, пятое парней допытываются у четвертого:

— С вокзала? Откуда приехал?

Этого четвертого я немного знаю. Мы ехали с ним в одном вагоне. За час до Даугавпилса он начал суетиться, приводить себя в порядок, выпрашивал у проводниц иголку с черной ниткой, потом надел темно-синий костюм, поправил университетский ромбик и первым вышел на перрон.

— Из Москвы.

— Земляк! Тоже на химзавод?

— Точно.

Ближе! — кричит через дорогу девчонка в белом платьице.— Ты в отделении в какую смену?

— В первую.

— На главном корпусе?

Я слушаю и ничего не понимаю. Нет, понимаю, конечно, что это говорят о стройке, но я не думал услышать о ней сразу у вокзала. Этот город я знаю и не ждал от него никаких неожиданностей. Но я не был здесь два года.

Тогда, два года назад, эта привокзальная улочка называлась просто «асфальт», и была она местом свиданий и вечерних прогулок. Наверное, «асфальт» не был местом знакомств, но Даугавпилс — маленький городок, и все, кому это надо, уже давно знали друг друга. Последний раз я был здесь в конце лета. Стояла душный август, и по асфальту лениво прохаживались пары. Трое парней в черных рубашках неутомимо следовали за тремя девчонками в одинаковых кофтах. Шел медленный разговор о фильме прошлой недели, о танцах в субботу и о воскресной вечеринке. Так бывало каждый день, и казалось, что этот городок уже обрел свой постоянный ритм, и ничто не может нарушить его. И все-таки он нарушен: стройка начинается с вокзала. Я иду по асфальту и слушаю, о чем говорят кругом. Это уже совсем другой город. И стройка, наверное, тоже другая. И хочется, чтобы поскорее пришло утро, хочется поскорее это увидеть — все это.

Плоский трамвайчик с маршрутной табличкой «ВОКЗАЛ — ХИМЗАВОД» делает крутой, как вираж мотокросса, поворот и проскальзывает между побеленными низенькими домами с аккуратными заборами. Это уже окраина. Прежде трамвай здесь не ходил. Прежде вообще не было этого маршрута.

На обочине дороги планат: «Даугавпилсский завод синтетического волокна — Всесоюзная ударная комсомольская стройка». Этот планат был и тогда, только под ним был укреплен фанерный щит — план будущего завода.

Сейчас плана нет, зато там, немного внизу, в прозрачных лучах утреннего солнца мне открывается новый город: сначала — высокие белые дома с разноцветными балконами и широкими окнами, потом — чуть дальше, за приземистым елькником — бесконечные корпуса, темные сплетения рам, кранов несут на невидимых ниточках стальных тросов панели, и они кажутся спиченчеными робинами.

Точно такой же план украшал раньше стену комсомольского штаба стройки. Мы частенько собирались под ним на перекур: разглядывали здания цехов, нарисованные голубой краской, и говорили о том времени, когда эти здания поднимутся ввысь. План казался нам изумительно красивым. А сейчас — Сейчас в штабе пусто, но план по-прежнему висит на стене, а за окном — завод. Вон опытная установка, на плане она обозначена неправильным прямоугольником, похожим на доминошную фигуру «дупель-пусто». Теперь это «дупель» этажей в шесть, не меньше, фасад из сплошного стекла, вид вполне обжитой: у входа о чем-то судачат две девушки в белых халатах, наверное, лаборантки. Вон химкорпус. Помнится, сколько было тогда хлопот с пятнадцатиэтажными балками! В ветреный день тросы кранов тихо звенели, а балка мерно раскачивалась и вибрировала. Сейчас этих балок не видать, но это они несут на себе здание химкорпуса. А вот и сам главный, темно-серая громада, опоясанная нумачовым обещанием: «Сдадим первую фракцию к 1 декабря!»

Да, сейчас это уже совсем другая стройка. Раньше она была похожа на сивозной осенний лес и видна вся — люди, грузовики, машины, краны. А ныне строительные работы заканчиваются, идет монтаж оборудования внутри корпусов. На площадке пустынно и тихо. Только во дворе работает, отчаянно треща, маленький «Беларусь» с прицепом. У проема в стене стоит парень в выгоревшей робочкине, он размахивает руками и кричит:

— Бливне давай! Ближе! Прямо к стакану!

Я слышу это слово «стакан» и сразу же вспоминаю Виктора Гребенькова и его ребят. Бригада Виктора работала на фундаменте: готовила железобетонные стаканы для опорных колонн. Это там, глубоко под землей, под всеми этими этажами, и еще под землей. Парень в робочкине, конечно, нашел ориентир, понятный только строителю, но мне кажется, что и я сейчас узнаю в немых редутах фундамента плоты рун гребеньковских ребят. Гребеньков начинал на этой стройке плотником. А потом было там.

Давайте знакомиться. Гребеньков Виктор. Назначен к вам бригадиром.

Никто даже не шелохнулся. Продолжали курить молча, сосредоточенно. Наконец один, опаяив пальцы окурком, с сожалением швырнул его в снег. Не оборачиваясь, он бросил беззлобно, но с вполне различимой ехидцей:

— Так-так. Бригадир у нас есть. А бетон будет?

— Будет и бетон.— спокойно ответил Гребеньков.— А пока давайте работать — подготовим опалубку.

Все ждали, что он станет командовать, приготовились к окрикам — дескать, новая метла... Но он больше ничего не сказал, а начал деловито прикидывать доску. И все отметили, что он худ, однако цепок, силен, работает уверенно и ладно. Широченные плёшки, видавший виды бушлат и уголок тельняшки выдавали в нем человека, служившего на флоте.

— Кончай перекур, ребята! — заторопились все вдруг.

Гребеньков приглядывался, изучал людей. Попробовал произвести даже некоторую перестановку сил, перевел плотников в первую смену: они готовили фронт работ бетонщикам. Дело пошло осмысленнее, четче. Но однажды все это чуть не рассыпалось.

Был метельный вечер. Часов в десять Виктор зашел на площадку и увидел: парни стоят стаканами и курят.

— В чем дело? — спросил он.

— Разве не ясно? — огрызнулся один.— В шапках бетон носить будем, что ли?

Гребеньков выскочил на дорогу. Он даже сам не понял сначала, куда идет. Потом где-то рядом услышал гул моторов, негромкий разговор. Вспыхнули огоньки сигарет. И — вытянулся хвост машин.

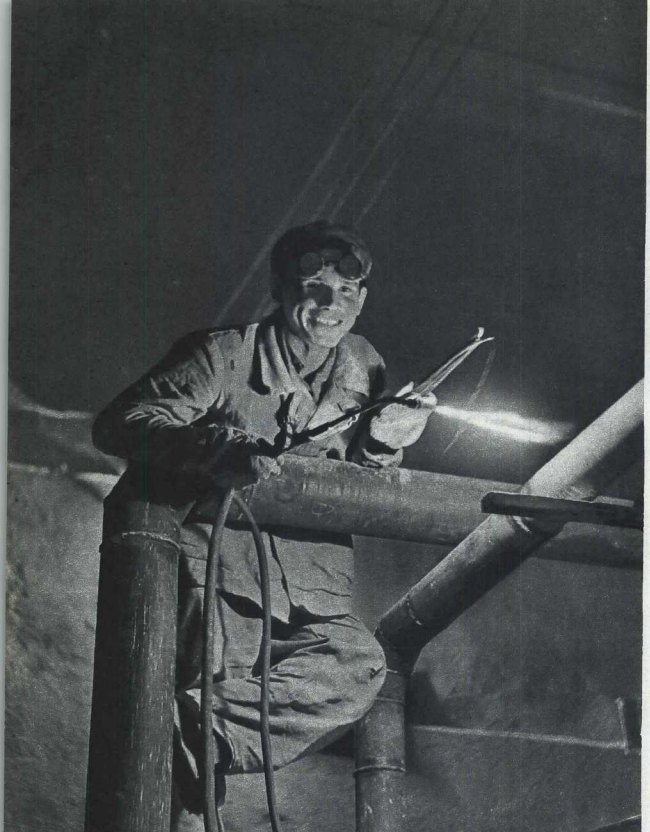
— А-а, там люди бетона ждут, а вы баланду травите! — неожиданно разразился Гребеньков.— А ну, заводи моторы!

— Да ты не кипятись,— оторопело оправдывались шоферы.— Мы привезли бетон, а нам сказали, что уже никого нет.

А ведь метель. И стынь такая — вотинешь совок в бетон, и он застывает там, как пешня в проруби.

— Костер нужен, костер!

И полетели в огонь доски старой опалубки. С огоньком жизнь веселее! Пламя лижет новый, над бетоном поднимается пар, со дна стакана тоже



И пусть узнают потолки по почерку газосварщика Диму Позняка.

идет пар. Выскребли ковш, все кузова выскребли, будто кошка вылизала. Ни один нубометр бетона зря не пропал.

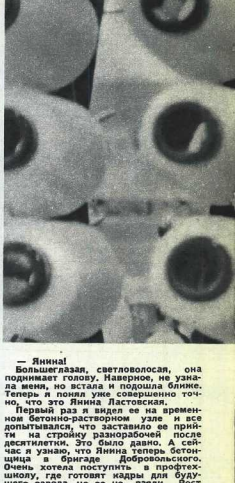
Кажется, после этой ночи они и явились все к начальнику комсомольского штаба стройки.

Есть у нас идея: объявлем войну потерям. Каждый гвоздь, каждый грамм бетона экономить. Вот так.

О бригаде Гребенькова на стройке заговорили. Да и сами ребята в разговоре старались подчеркнуть: «Мы из бригады флотского. Знаете нашего Виктора?»

...Бригада Гребенькова работала тогда на фундаменте. Сейчас на этом фундаменте выросло многоэтажное здание главного корпуса. Не каждый может похвастать такими автографами, оставленными на земле. И мне захотелось во что бы то ни стало найти Гребенькова, найти его ребят. Выросла стройка, а какими же стали они?

Какими? И тут же на главном корпусе, у окна, точнее, у того, что еще только будет окном, натыкаюсь на трех девушек. Они заглаживают мастерками бетон, свесив ноги в неглубокую шахту. Лицо одной из них мне кажется знакомым, и я зову наудачу:



— Янина!

Большеглазая, светловолосая, она поднимает голову. Наверное, не узнала меня, но встала и подошла ближе. Теперь я поняла уже совершенно точно, что это Янина Ластовская.

Первый раз я видел ее на временном бетонно-растворном узле и все допытывался, что заставило ее прийти на стройку разнорабочей после десятилетки. Это было давно. А сейчас я узнаю, что Янина теперь бетонщица в бригаде Добровольского. Очень хотела поступить в профтехшколу, где готовят кадры для будущего завода, но ее не взяли. Рост подвел, маленькая она, а станки высокие. В школу только рослых берут. Ужасно она тогда расстроилась, прямо ревела.

— А чего тебе так хотелось в эту школу-то?

Она смотрит на меня с недоумением.

— Я бы на этом заводе хотела! А то как же — три года его строю, привыкла, а работать кто-то другой будет, да?

— Ну, ты не расписай. Вырастешь еще — люди до двадцати пяти лет растут.

— А я уж про школу не думаю. Все равно буду здесь работать. Я в политехнической поступила, инженером стану.

Нет, люди не отстают от стройки. Они тоже поднимаются вверх, по своим этажам.

Я спросил Янину о Гребенькове, ведь должна она его знать — такой видный был парень. Да, он здесь, работает сейчас прорабом на главном корпусе, только на этой неделе он в командировке. Витя Гребеньков — прораб! Был плотник, стал бригадиром, а сейчас прораб.

— В общем, все течет, все меняется,— улыбается глазами Янина.— Вот уже первая очередь готовится под сдачу. Запарка страшная. Уже кондиционер монтируют. Прямо на пятки нам наступают.

Окно во всю стену загораживал грузный неуклюжий ящик, отдаленно напоминающий славянский шкаф. Лебедка вздрагивала и скрипела. С пола струйками поднималась бетонная пыль.

— Бисовы диты, эти генэказчики,— миролюбиво ругался небритый парень, хлопотавший у лебедки.— Нет чтоб совместить монтаж. Понатыкали балок. Развернись тут.

— А ты еще про Чернигов расскажи,— предложил другой, с насмешливым лицом.

Я подошел к лебедке. Небритый парень, оказавшийся бригадиром монтажников Виктором Кудряшовым, тут же начал рассказывать Черногов, где такая же стройка, такой же завод, а вот монтаж продуман получше... Но тут кондиционер крякнул и застыл неподвижно. Очень важная штука, этот кондиционер. В будущем цехе он станет регулировать чистоту, влажность и температуру воздуха.

Парень с насмешливым лицом — Кирилл Всесвятский и здоровяк с роскошной шевелюрой — Вачель Мазуров монтировали правую стенку, а Володя Прудников и молчаливый латыш Рихард Анцан полезли наверх. Там, под самым перекрытием, было тесно и неудобно. Володя сострил на этот счет, Кирилл с Василием засмеялись. Кудряшов заворчал головой:

— А вот хлопцев таких в Черниго-

В хозяйстве перемотчицы Леры Ясинович не вдруг и разберешься.

ве не было. Были, конечно, хлопцы, хоть куда были хлопцы, но таких — нет. Бригаду будь здоров! Мы ведь сами в бригаду принимаем.

Я слушал Виктора и думал: вот уходят со стройки бетонщики, плотники, каменщики, бульдозеристы, их место занимают электросварщики, сантехники, монтажники, электрики. И все они здесь хозяева, дома тот парень, мой попутчик с университетским значком, приехавший сюда вчера. От каждого из них зависит жизнь этих безмолвных машин и корпусов. И каждый поднимается по своим ступеням жизни вместе с этими корпусами.

— Явление четвертое! — заорал сверху Володька Прудников. — Те же и Геракл.

У колонны стоял щуплый паренек, рыжий, с большими невинными глазами. Это был, как я позже узнал, отменный плут Герка Домашев, окрещенный в бригаде Гераклом. Свободолюбивая душа его мгновенно от суровых нер воспитателей. Он бунтовал, не выходил на работу. Не помогало. Тогда он решился на крайнюю меру — уволился. Как это кончилось, он помнит прекрасно. И Виктор Кудряшов тоже помнит. Прошатавшись недели две, Герка явился поздно вечером к Кудряшову и сказал:

— Принимай обратно. Не могу так. А это было очень трудно — сказать, что вот он, Герка Домашев, не может без бригады.

Кудряшов сказал:

— А что я? У бригады спросишь. Приходи с утречка.

Он пришел, когда еще восьми не было. Взяли, но с условием: пусть поработает немного один, докажет, что он имеет право работать в бригаде Кудряшова. И вот он пришел опять.

— Сделал я там все.

— Еще дело будет,— сказал Виктор.

— Ну, знаешь! — взметнулся Герка.

Подошел Кирилл.

— Ты не кипятись, Геракл. Кстати, знаешь, кто такой Геракл был?

— Слышал, в пятом классе проходили.

— Так вот, двенадцати подвигов Геракла от тебя никто не требует. Только научись делать, что надо. И не смотри на меня такими невинными глазами. Знаю я эти глаза. Уяснил?

Не знаю, чем бы закончился диалог, если бы в этот момент не появился комсорг общестроительного треста Витя Петров и не сообщил:

— Будем вручать вам знамя. За спайку и выполнение. Переходящее Красное знамя ЦК комсомола Латвии. После обеда.

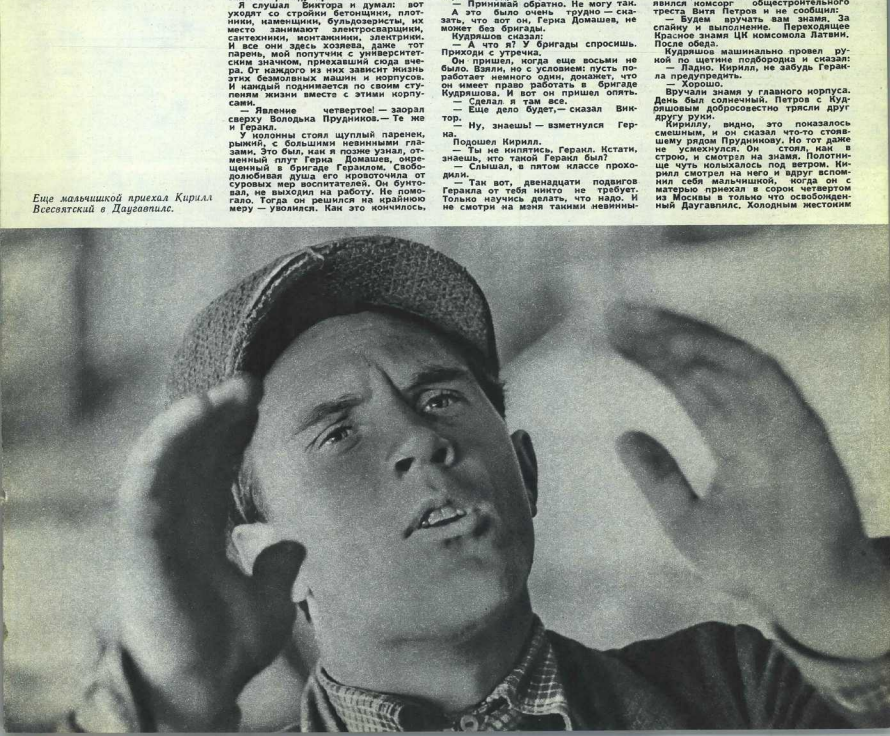
Кудряшов машинально провел рукой по щетине подбородка и сказал:

— Ладно. Кирилл, не забудь Геракла предупредить.

— Хорошо.

Вручали знамя у главного корпуса. День был солнечный. Петров с Кудряшовым добросовестно трясли друг другу руки.

Кириллу, видно, это показалось смешным, и он сказал что-то стоявшему рядом Прудникову. Но тот даже не усмехнулся. Он стоял, как в строю, и смотрел на знамя. Полотнище чуть колыхалось под ветром. Кирилл смотрел на него и вдруг вспомнил себя мальчишкой, когда он с матерью приехал в сорок четвертом из Москвы в только что освобожденный Даугавпилс. Холодным жестоким



Еще мальчишкой приехал Кирилл Всесвятский в Даугавпилс.

Когда редколлегия берется за дело.

Пока монтажник, а дальше...
— Дальше тоже монтажник,— улыбается Василий Мазуров.

Может, и нет в жизни Виталия Авсюкевича ничего важнее этого последнего «чуть-чуть».

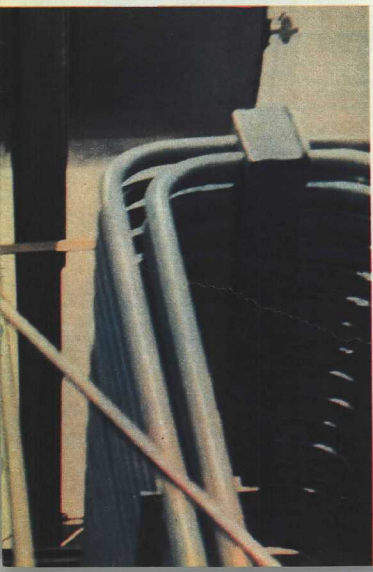
пламенем полыхали дома, а части Советской Армии уходили дальше на запад и несли впереди пробитые пулями знамена.

Стало как-то очень тихо и торжественно. Вот Кудряшов, вот Мазуров, вот Володька Прудников, Оля Титаренко, притихший Геранд и он, Кирилл Всесвятский, и это красное полотнище, чуть шуршащее под ветром и стольно значащее для всех...

Я уезжал рано утром. Но как мне не хотелось отсюда уезжать! Утренними шагами идет юный завод, в ногу с ним идут его строители, и нельзя не идти с ними в ногу. Это старые слова, мудрые слова: делая добро, люди сами становятся лучше.

Я иду по пустынному утреннему асфальту. Иду к вокзалу и думаю, что вечером здесь опять будет многолюдно и шумно, только уже не будет тех пустых разговоров о веселых подробностях прошлой недели,— это уже далеко. Каждый вечер здесь — это ожидание нового утра. Даугавпилс больше не маленький тихий городок, у него есть большая стройка, большое будущее, а говорить о будущем куда интереснее.

Даугавпилсский завод синтетического волокна, Латвийская ССР.



Евгений КОЗАК,
секретарь комитета комсомола
Тираспольского производственного
управления

ИСКУССТВО ГОВОРИТЬ «ЗДРАВСТВУЙ»

На пологом склоне холма девчата — будто выпускают на волю тысячи зеленых змеек — высаживают табачную рассаду. Я первый раз в звене Марии Ситниченко из совхоза имени Суворова. Как кадры киноленты, мелькают в свежепрочерченных бороздках еще не оперившиеся ростки табачной рассады. Отлично идет дело! А разговор чихнул и заглох.

— Так как, девчата, пойдете учиться? Ведь как-никак за звание коммунистического звена боретесь...

Девчата, не оборачиваясь в мою сторону, плеснули таким саркастическим смешком, что у меня тоскливо засосало под ложечкой. Вот так агитнул секретарь селькома!

— Табачок бы заставить сажать этих, которые курящие,— не поднимая головы, бросила Маша Науменко.

Я нервно смял папиросу, встретил лукаво-уклончивый взгляд секретаря совхозного комитета комсомола Степы Сухина.

— Я пока, Женя, за водой съезжу. Ты уж тут...

Ликует, наверное, дьявол такой, девичий пастух. Ну, погоди!

Мой пиджак полетел на землю. Не мытьем, так катаньем! Слева ведет борозду Маша Науменко, справа — Маша Иванченко. Я орудую колышком меж двух Маш.

— Сверху землей сухой чуть присыпайте: влага не так быстро уйдет. Да не спешите: спина заболит. За качество у нас тоже рогами сенут, неправ на лица.

Смейтесь, смейтесь, черти! Вот если бы только не солнце! Словно оно сейчас из Сахары.

— Антракт — сорок минут! Агроном опять набрехал насчет второй машины с водой: видишь, Степка мадчит, как пон на троицу!

Девчата цепочкой вынырнули в тень придорожной акации, освободив мне место в кружочке. Что с ними? И глаза уже будто не те, что при начале нашего знакомства.

— А вы не гордый.

— Какой есть.

— Жены городские, наверное, не любят таких, что в грядках копаются и борщ варят.

— Моя, говорит, любит.

— Эх, а наши ребята посбегали в соседние колхозы: расценки, говорят, там выше. Придешь вечерком — станцевать не с кем. Жизнь называется!

— У тебя только и в голове: подцепить кого-нибудь,— кольнула соседку девчонка в горошковом платке.— Вон наши в техникумах...

— А кто десятый класс среди зимы закрыл? Я?

— Из-за таких, как ты, и закрыли: раз придет, другой — не придет. А учителям с пустой комнатой разговаривай?

У Маруси Федоренко совесть, видно, не совсем на месте, но она еще не сдается.

— В Чобручах вон учителя сами ездят в бригады, на фермы.

— И домой, прямо на печку?

Ну и ну!.. Час назад я бился, как об стену, пытаясь вызвать звено на этот разговор, а сейчас гвалт такой, будто и нет никого чужого, постороннего. Какая пружина разжалась?

— Вы, наверное, Женя, институт кончали?

— Да, сельскохозяйственный. С седьмого класса учился заочно. Пропустил года два: страшно было за книги браться. А потом ничего.

Разговор утонул в грохоте вездехода, подкатившего с долгожданной водой.

— Глушит трактор, ничего не слыхать!

Степан посмотрел на меня, как на выплывшего утопленника, и безапелляционно заявил:

— Вот закрою танцплощадку — сразу сядут за книгу.

— Мы тебе, Степа, чуб выдерем. Учиться и так будем.

И снова моя бороздка между двух Маш. Через час разговор в кабинете директора.

— Воду подбросим немедленно, а насчет расценок — придется перешерстить дополнительную оплату...

В управлении объясняю инструктору Толе Березе, почему у меня ногти в земле, а Толе мне:

— Представь, я тоже сегодня та-

Вряд ли можно представить себе документы более искренние и волнующие, чем письма в редакцию. В них самое сокровенное, самое близкое человеку. Взволнованный рассказ о замечательном поступке товарища и решительное требование вмешаться, помочь человеку в беде, трепетные мысли о будущем и хозяйская забота о настоящем — в каждом письме точная, активная реакция на жизнь. А все вместе эти письма рассказывают о тех невидимых, но крепчайших связях, которые соединяют всех нас в единую семью — советское общество. Читаешь письма — и будто держишь руку на пульсе жизни нашей страны, становишься как бы свидетелем и участником тех больших и добрых дел, на которые так щедро наше время. Вот несколько случаев, взятых из писем читателей. В каждом из них — приметы нашего радостного и доброго времени.

СЧАСЬЕ НЕ РАЗМЫШЛЯЯ

Казани работает маляром Валя Заурбекова. Комсомолка. Общественница. Учится в восьмом классе вечерней школы. Обыкновенная биография. Как говорят, типичная.

А всего два года назад Валю... продали. За три тысячи рублей. Родители девушки придерживались древних чеченских обычаев: они сами выбрали мужа для дочери, сами назначили цену — и сделка состоялась. Сначала Валя долго не могла понять, почему ей запрещают ходить в школу, заставляют целыми днями шить, готовить обеды, стирать. И главное, почему не разрешают встречаться с друзьями. Потом она с ужасом поняла: ее готовят кому-то в жены. А когда узнала, что за нее уже отдали калым, что ее попросту продали, решила бежать.

И вот она в Казани, одна в незнакомом городе, без денег, без документов. Валя пришла в горком комсомола: тоненькая, в длинном черном платье. Она прикрывала лицо широким рукавом и молчала. А огромные черные глаза кричали от боли: помогите, люди!

...Девчата в общежитии плотнее сдвинули свои койки и поставили возле окна еще одну — Валину. На тумбочке они расставили флакончики духов, коробки с пудрой, красивые открытки — трогательные доказательства заботы о человеке. Они купили новой подруге нарядные платья, а то, черное, траурное, куда-то исчезло. Никогда еще Валя не чувствовала столько тепла, участия, радости.

И вдруг снова несчастье. Родственники разыскали ее. Шантажом и угрозами двое дюжих мужчин запугали девушку, и та под страхом смерти вынуждена была солгать пришедшему за ней участковому милиционеру: да, она действительно сбежала от мужа и детей, предварительно ограбив их...

Она сидела в ожидании самолета за ресторанным столиком аэропорта. Опять в длинном черном платье. Сидела молчаливая, покорная. А по обе стороны от нее те двое. Но из соседнего зала с них не спускали глаз ребята из общежития. Когда диктор объявил о посадке, Валя поднялась, и те двое, точно конвоиры, проводили ее до двери туалета.

Оттуда Валя вышла шатаясь и, сделав несколько шагов, рухнула на пол. Ее подхватили ребята, выбежавшие из зала. Подозрительных родственников задержали перед выходом на летное поле, а Валю в бессознательном состоянии отправили в больницу.

Отравление хлоркой привело к шоковому состоянию. День и ночь под окнами ее палаты—доступ к ней был запрещен врачами — дежурили друзья. Может, те столько искусство врачей, сколько любовь и забота людей вернули девушке жизнь.

Валя снова стала работать и учиться. Но вся она как-то сникла, замкнулась. Шантаж и угрозы со стороны родственников продолжались. Приезжала мать Вали. И опять девушка переживала страшные часы.

Но комсомольцы из ее бригады были начеку: рядом с Валей всегда был кто-то из друзей. А их у нее с каждым днем становилось все больше — на стройке, в школе, в общежитии: секретарь комитета комсомола Фасхутдинов, Роза Гохштейн, бригадир Андреев. Друзья были сильные, веселые, надежные.

Валя будто просыпалась от страшного сна. Рассеивался страх, уходила подавленность, в сердце поселялась вера в собственные силы. Трудно, медленно, но радостно входила в нашу жизнь человек...

Поздний субботний вечер. Погода сумасшедшая: холод, дождь, ветер. Отложены билеты на концерт Александровича.

В залиянной грязью машине Надя и Люба, озябшие, продрогшие, едут в далекую Кизьву. Обе волнуются и думают об одном и том же: какой он, этот Володя? Как с ним разговаривать: сочувствовать или ничего не замечать? Чем заинтересовать его? А вдруг не найдется даже общей темы для разговора?

Больной парень, десять лет прикованный к постели, он давно не видел никого, кроме матери. Никто из сельских комсомольцев даже не предполагал, что рядом с ними живет такой человек. За десять долгих лет Володя Шарапов заочно окончил школу, курсы иностранных языков. Он стал писать рассказы, заметки для районной газеты. Человек боролся и жил, и побеждал болезнь. Один на один. Но, наверное, очень трудно держать связь с жизнью только через книги и окно, выходящее на деревенскую улицу. Маленький квадрат неба, длинная березовая прядь, мертво ударяющая о стекло. Одиночество... Он понимал, что для него это смерть.

И вот приезд Любы Кетовой и Нади Селиванової, делегаток от двух комсомольческих бригад Пермского завода имени Дзержинского. Сколько часов провели тогда они в маленькой избе, наперебой рассказывая Володе о своих бригадах, о работе, о городе! Володя оказался интереснейшим собеседником: он знал о научных результатах космических полетов и о матче между Ботвинником и Петросяном, он любил Бетховена и Вагнера и непременно хотел, чтобы Люба и Надя тоже полюбили их.

Девушки с завода стали частыми гостями в маленьком сельском домике. Володю начали постоянно привлекать в качестве переводчика научно-технической литературы: ему помогли получить для перевода книгу из Детгиза. Девчата заочно включили его в свой коллектив. Володя почувствовал, что он нужен людям. И тогда он написал: «Включаюсь в соревнование за звание ударника коммунистического труда, я обязуюсь:

1. В меру своих сил и возможностей трудиться на избранном мной поприще переводчика, чтобы стать достойным членом бригады коммунистического труда сборочного цеха.

2. Доводить начатое дело до конца. Работать над собой, много учиться.

3. Верить в свои силы, не падать духом. Не вешать нос. Помнить, что друзья никогда не оставят тебя в беде. Верить в свое выздоровление и выздороветь — наперекор всему».

Человека вернули к жизни или просто помогли бак сажал. Прихожу к девчатам из колхоза «XX партсъезд» поговорить насчет вступления в комсомол, а передо мной целый айсберг. Миша Зязятинцев, комсорг, говорит: «Люди хорошие, пойдем подожжем обеда». Залегли в овраге, а душу сосет. «Не могу,— говорю,— Миша, пойдем лучше подсобим».

— Ну и как насчет вступления? Получилось?

— Под вечер антирелигиозной пропагандой занимался. Бабка попалась предтая, в одном звене с дочкой, грозит ей: «Покажу тебе комсомол!» Так ее девчата сами утихомирили.

С чем же тебя едят, уважаемый «подход к людям»? Под каким соусом? Почему так часто комсомольские вожаки страдают болезнью, очень похожей на водобоязнь?

Нина Укропова, комсорг колхоза имени Калинина,— толковая, деловая девушка. Поговорить с ней в правлении интересно. А стоит прийти ей на ферму, слова, как говорится, из нее не вытянешь. Тихоня не тихоня, но не умеет человек влиться в интересы людей, завязать непринужденный разговор. А если заговорит, звучат ее слова малоубедительно.

— Вот теоретика послал, бог и взял,— язвительно вслед ей ребята.

И в общем-то они правы, потому что молодежь любит простоту, невымученную откровенность. Ценит умение убедить, умение доказать. В этом качестве соединяются и знание дела и собственная убежденность.

Были две кандидатуры на пост секретаря колхозного селькома в Чобручах. Один работает в гараже диспетчером: парень образованный, но с гординкой, может пройти мимо ребят и не заметить их. Другой попроще, колхозник из строительной бригады. Скромница, исполнителен, но с огоньком, показал себя организатором «комсомольского прожектора». С таким и нашу работу приятнее. Ребята предпочли его, Юрия Изюмова. Так и сказали на собрании: «Человек с подходом».

Многое значит это — «человек с подходом». Мы как-то мало еще печемся об умении общаться с людьми. А ведь это — целое искусство!

Как случается даже у бывалых комсомольских работников? Пришел. Потолковал в правлении с председателем, парторгом, на ферме — с заводующим. Они привыкли встречать «начальство», с ними проще говорить. Они не ответят на вопрос: «Как дела?» — лаконичным «ничего». А доярка так ответит, она может и вообще промолчать. Тракторист отделается незначительной репликой. И вот комсомольский работник выкручивается. Или выступает в роли этакого пустопорожнего бодрячка, или уныло мямлит, отбывает время, проклиная в душе необходимость, занесшую его сюда. Вилась-вилась нитка, скажем, из селькома, прошла через игольное ушко колхозного совстава и оборвалась перед рядовым колхозником. С хорошими мыслями вродеехал сюда человек, о многом передумал в дороге, что-то людям собирался принести. И вот, как тихая волна набежала на берег, слизнула две-три песчинки и снова откатилась, подняв легкую встречную рябь...

В нашей работе первое — нигде не быть гостем. Отыскать ключ к людям, не тот постоянный ключ, которым ежедневно пользуются в квартире, а свой, найденный именно

ТЕБЕ, ЖИЗНЬ

НАДПИСЬМАМИ ЧИТАТЕЛЕЙ

в беде — я он снова обретает силы. Так произошло с Валей Зарубековой, с Володей Шараповым. И в том, что сейчас они в полную силу работают, думают, мечтают, радуются удачам и переживают неудачи своих товарищей — заслуга их настоящих друзей, людей с отзывчивыми, бескорыстными сердцами.

Люди, друзья, коллектив. Именно в коллективе сложился моральный кодекс строителей коммунизма, сформулированный в Программе партии. В коллективе родился девиз нашей жизни: «Все — за одного, один — за всех». Он, этот девиз, очень верен, потому что в нем, как в гигантском фокусе, собрались воедино и мудрая сила советского коллектива и лучшие возможности свободной личности, которая, становясь богаче в коллективе, сама щедро обогащает его.

Наверное, у каждого из нас в жизни был человек, который помог нам выбрать правильный курс, показал верный путь тогда, когда мы остушились. Почему этот человек так поступил? Потому что он руководствовался самым человечным принципом: «Один — за всех, все — за одного». В молодости особенно важно встретить такого человека. И Саша Воронежко встретил его. Впрочем, письмо Саши расскажет об этом.

«Дорогая Луиза Касымовна! Я пишу Вам обо всем, что мне дорого. Работаю я горновым. Мне кажется, в это слово вложена слава многих поколений металлургов, самых сильных людей, которые никогда не опоротят своей рабочей чести. Это не просто высокие слова. Я их прочувствовал всем сердцем. И как я рад, что работаю и живу рядом с этими людьми, что могу говорить с ними как равный, и люди улыбаются мне, и я знаю, что в трудный момент они всегда поддержат меня! Я помню тот спор в Вашей комнате о смысле жизни, помню Ваш девиз: «Ищи живых среди живых!» Эти слова стали девизом моей жизни, а смысл жизни я нашел здесь, в работе, среди этих людей!

Вы научили нас коллективизму и человечности. Теперь я понял, как дороги, просто необходимы были для меня Ваши разговоры о музыке, литературе, наши культпоходы с группой. Они послужили для меня как бы трамплином, с которого я теперь уже самостоятельно поднимаюсь в высокий мир настоящей культуры. Я страшно полюбил Маяковского, его стихи постоянно живут в памяти, такие емкие, крепкие, что, кажется, их можно взвесить на ладони. Запоем читаю Луговского, Паустовского. Я прочитаю все, что Вы советовали мне. Шекспира читаю впервые и с увлечением. Вот что, казалось бы, старо, но не состарится и вечно будет новым. Недавно по радио слышал Бахиану — прекрасно! Спасибо Вам за все, дорогой наш Человек!

Ваш постоянный ученик Саша Воронежко».

Я прочитала много подобных писем, адресованных одному человеку — Луизе Касымовне Сайфуллиной, преподавателю математики в горном техникуме города Балхаша. Для учеников она не только математик. Она их друг. Идеалы и вкусы Луизы Касымовны стали идеалами и вкусами ее учеников. Для нее работа преподавателя — сражение за каждого человека. Я помню рассказанную ею историю трудного ученика Жени Т., историю, в которой Луиза Касымовна выступала и в роли обвинителя и в роли защитника, била тревогу, поднимала на ноги общественность, городские власти, прокуратуру.

Луиза Касымовна не бывает по-настоящему счастлива, когда она слушает музыку или смотрит на долине степные закаты. Она не может быть счастливой в одиночку: раскрытую ею глубину мелодии Баха, емкость стихотворной строки, красоту вечерней звезды она несет ученикам, словно подключая их к высокому накалу своей души. Для нее незаделанная радость — совсем не радость, и она щедро раздает ученикам свои знания, любовь к жизни, к людям, к искусству. А получает взамен человеческую благодарность, которая удесятеряет ее силы.

Редакционная почта — это как бы барометр настроения молодежи. И характерно, что из года в год стрелка этого барометра все больше движется к слову «ясно». Действительно, яснее становятся мысли и чувства людей, искренние и человечные их отношения друг к другу. Это результат мудрой и кропотливой работы нашей партии, на основе всенародного мнения выработавшей кодекс жизни и деятельности строителя коммунистического общества.

Яснее, искреннее, человечнее... Эти добрые свойства человеческого характера начинаются еще в молодости, в лучшую пору воспитания чувств. От многих обстоятельств и в первую очередь от самого человека зависит, попадут ли в его сердце зерна щедрости или затянется оно паутиной равнодушия.

Всегда немного завидуешь Маяковскому, читая его гордые слова:

«Я
себя
огромным чувствую
заводом,
вырабатывающим
счастье».

Вырабатывать счастье для людей — что может быть замечательнее, выше, благороднее? Здесь все: улыбка одобрения, сочувствие и готовность, если надо, пойти на жертву, на конфликт, вступить в борьбу за человека, против лицемерия, лжи, бюрократизма.

С самого начала своей сознательной жизни следует воспитывать в себе точную реакцию на человеческую боль и радость. Только тогда падут в сердце золотые зерна любви, наполнив его бесценным богатством — чувством постоянной близости к людям, причем не к человечеству вообще, а конкретно к каждому человеку.

Как все-таки это прекрасно, что человек человеку стал по-настоящему другом, товарищем и братом! Комсомольцы-строители из Казани, девчата из бригады коммунистического труда с пермского завода, учительница Сайфуллина из Балхаша... О них можно написать книгу, но их можно и не заметить, настолько естественно, повседневно то, что делают, как живут они, эти люди большого сердца.

«Ценность человека определяется той пользой, которую он может принести людям» — эти слова принадлежат Джузеппе Гарибальди, человеку, отдавшему людям жизнь.

А принести пользу людям, оставить свой добрый след на земле — это не только построить город и вырастить урожай... Это значит еще — постоянно отдавать людям тепло и щедрость своего сердца. Потому что людям нужны не только хлеб и кров, но и доброе участие. Это очень важно и очень нужно, чтобы люди сказали: «Спасибо тебе, человек!»

Л. ВАСИЛЬЕВА

здесь, на месте, именно для этих, а не других людей. Неумение найти такой ключ идет прежде всего от поверхностного знания предмета, которым озабочен комсомольский работник.

Ну что из того, если мы скажем доярке: «Покажи-ка своих коров, какая из них лучше? А как у вас с рационом? Молодчина!» Пробубнит человек несколько таких фраз и, считай, горелся с вашим, упал в глазах как собеседник. Два-три однословных вопроса-ответа сведут все на нет. Не слащавое панибратство нужно нам, комсомольским работникам и активистам, не искусная подделка под «рабоче-крестьянский» тон, не похлопывание по плечу, а прежде всего разговор о деле и его существе.

— Хватит, девчата, махать тяпками, пора самим садиться на трактор! — решительно предложил весной комсорг совхоза имени Суворова Степан Сухин.

— Ручку вам ночь крутить? Пусть мужики крутят.

— Глупые, айда со мной!

И показал, какие не те сейчас трактоpы. И убедил. И сам преподавал на курсах, где обучались двадцать комсомолок. Теория пройдена, девчата сели за рычаги тракторов.

Когда Степан, усталый, является с поля и не может как следует улыбнуться, люди улыбаются ему. Потому что они любят людей труда, людей с честным сердцем. Даже просто «здравствуй» звучит у таких людей располагающе. А если Степан приходит и спрашивает: «Почему плохо работаете?» — ему в ответ не пожимают плечами, не смеют отговариваться пустяками.

Знать и уважать дело, которым занят молодой человек,— первая, на мой взгляд, предпосылка откровенности и целесообразности разговора с ним. Нет этого — и разговор заморожен, натянут. Дешевая сентенция типа «Как поживаешь?» не достигнет цели, не найдет отклика: это разговор для скучающих соседей пенсионного возраста. Трудящийся парень—я в этом убежден—втройне раскроет душу (пусть даже пожалуется), только, будь добр, поговори сначала о деле, которому он отдает свою мускульную и нервную энергию, а потом спрашивай, какие сны он видит по ночам. Не суметь в нашем деле поговорить с человеком, не оставить следа в его сознании — значит подать рапорт об увольнении без выходного пособия.

Может возникнуть вопрос: а если сегодня комсомольский работник говорит с трактористом и дояркой, а завтра — с плотником и учителем, неужели он должен быть таким всезнающим и вездесущим?

Не обязательно быть специалистом во всем, но разбираться нужно в каждом из многих. Из решений июньского Пленума ЦК КПСС, третьего пленума ЦК ВЛКСМ прямо вытекает: нам нужно учиться говорить с юношеством языком его профессиональных забот, знать острые вопросы и не обходить их молчанием —одним словом, мыслить конкретно, а не вообще — в этом сейчас ключ подхода к людям. Значит, надо многое постигать, со многому присматриваться, узнавать — словом, учиться.

У нас в комсомоле кое-кто привык считать: мы организация воспитательная, ну, и дуй-чеши обо всем и ни о чем. А ведь воспитывать — значит отвечать. И не просто отвечать за мировоззрение молодого человека, но, я бы сказал, отвечать за его умение трудиться. Нет этого — нет воспитательной работы. Иными словами, нет ничего.

— Понятно,— сказал парень.

— А почему вам хочется строить именно школу?

— Да так,— ответил парень.— Просто так. Хочется — и все.

— Если бы все было просто так,— медленно произнес начальник,— все бы просто так и было. Но так как все не просто так, то и есть не просто так.

Он захохотал и посмотрел на меня, как бы приглашая вместе посмеяться над его шуткой. Мне было не смешно, я не понимал, зачем обязательно надо знать, почему человек хочет работать на строительстве школы. Ну, хочет — и хочет.

— Но так как все не просто так, то и есть не просто так! — со вкусом повторил начальник.

— Правильно, — подхватил я, — а если ходить по потолку, то полом будет потолок, а если по полу на руках, пол будет потолком!..

Парень с любопытством посмотрел на меня. Я не останавливался:

— А если ходить по стене, то пол и потолок будут стены!

В глазах начальника мелькнула растерянность. Он заметно встревожился и напряженно погладил волевой подбородок.

— Ладно, уговорили, — сказал парень и шлепнул ладонью по барьеру.

Когда мы вышли, прихлопнув дверью голос начальника, парень сказал:

— А он здоровый дурак, этот начальник.

— Да, — согласился я, — век бы таких не видел.

— Жалко, — сказал парень, помолчав, — только девять.

— Чего «девять»? — не понял я.

— Только девять школ построил, — ответил он.

— Ровно на девять больше, чем я. А сколько надо?

— Миллион, — сказал парень.

— Ну, — успокоил я его, — на столько и детей не наскребешь.

— А ты голова, — сказал он. — Тебя как зовут?

— Валька, — сказал я. — Валька Котов.

— Хм,— сказал он,— и меня Валька. Валька Петров.

— Да, дела...— сказал я.

Нас поселили в одну комнату, и работали мы на одном участке — на канале золоудаления — и держались вместе. Сдружило нас и то, что работа эта сразу не понравилась обоим: надо было возиться почти под землей, и ни черта нельзя было заработать. Мы хотели на главный корпус, где плотники получали прилично, и когда бригадир сказал, что нас временно переводят на другой объект по просьбе Климова, мы даже обрадовались. Но потом удивились. Что это он о нас так печется, и кто он — этот Климов?

— Это который по кадрам, — сказал бригадир.— Он обо всех печется. Особенно об новеньких.

— Ладно, увидим, — сказал Валька.

— Увидим,— сказал я.— Слышь, бригадир, а где этот объект?

— А недалеко. В Голышеве. Утром туда машина еще с некоторыми пойдет. От промплощадки, утром.

Я взглянул на часы: было без двадцати девять.

— Вставай, Валька.— Я толкнул ногой спинку его кровати.— Пора идти.

— Что-то не нравится мне это дело, Котов,— сказал Валька, поднимаясь.

— Пошли,— поторопил я его.

С бригадиром мы договорились, что встретим машину не на сборном пункте, у ТЭЦ, а присоединимся по дороге, у мостика, так нам получалось ближе. Опаздывать было нельзя: уйдет машина, а потом ищи это Голышево!

Евгений БОГДАНОВ

Рисунки **А. НИКОЛАЕВОЙ**

РАССКАЗ

Дай р

Мы познакомились две недели назад, когда устраивались на работу. Я уже был оформлен плотником по третьему разряду и торчал в управлении, поджидая коменданта,— поговорить насчет общежития. И тут вошел какой-то невысокий парень. Не голова, а нахохлившаяся птица: это волосы у него были густые и у корней русо-рыжие, а на концах светлые, отбеленные солнцем. Словом, птица.

— Малец,— сказал он,— где здесь отдел кадров?

— Да вон,— сказал я.

Мы зашли в отдел. Начальник его был стройный офицер в отставке. Лицо красивое, волевое, нос прямой, губы и подбородок твердые, как у какого-нибудь киногероя.

— Вот трудовая, военный билет,— хмуро сказал парень,— это — свидетельство об образовании, это — квалификационное удостоверение.

— Пятый разряд! — приятно удивился начальник, бегло просмотрев документы и остановившись на удостоверении.— Такие кадры нам нужны.

— Просьба у меня...— пожевав губами, сказал парень.

— Аванс выдается только после трех дней работы.

— Я про другое. Я хотел бы работать на строительстве школы.

— Школ мы не строим. У нас главное — ТЭЦ. Теплоэлектроцентраль.

Мы спустились по черному ходу и вышли на улицу.

Был конец августа. Городок наш старый, весь зарос липами, желтой акацией, еще какими-то деревьями, похожими сразу и на клен и на тополь, и вся эта растительность пожелтела, покраснела и сорила листьями.

Мы шли по разным сторонам тротуара. Валька переваливался с ноги на ногу, толкался, потому что у него такая походка, а тротуар был узкий, деревянный, и когда мы шли по разным его сторонам, это было все равно что рядом. За окраиной сразу начиналось поле, заросшее пыльною и репьем. Там была хорошая, твердая тропинка, которая вела к речке.

Мы дошли до мостика и стали ждать. Мимо нас юркнули две девчонки в коротких платьицах, сверкнули на солнце голенастыми ногами. В руках у них были корзины, а лица закутаны в белые платки. Они оглянулись на нас и прибавили шагу. Был десятый час, а машина все не появлялась.

— Что делать будем? — спросил я.— Надо идти, Валька. У тебя есть девчонка?

— Была,— ответил он.

— А теперь?

— Поэтому, машина, верно, сломалась.

У переезда остановились. С запада несся товарный состав, грохал на рельсах, гудел бархатно: «Па-а-м! Па-а-а!» Мальчишка лет двенадцати едва удерживал лошадь с возом. Она шарахалась, храпела. Мы нырнули под шлагбаум, подбежали к мальчишке. Он висел на узде, ругался пронзительно:

— Дура! Куда прешь? Куда пре-ошь!

Валька вырвал у него повод, погладил лошадь по морде, сказал парнишке:

— Тихо надо! Таким путем.

Лошадь заметно успокоилась. Втроем мы спятили ее, высвободили тяж, зацепившийся за ограничительный столбик. Я держал повод, паренек собирал свалившееся сено, а Валька ходил за ним и внушал:

— Она же не дура! Видишь, какая у нее большая голова? Ты понял, что она умная?

Мальчишка сопел, бормотал что-то. Когда поезд прогрохотал мимо, он сказал сердито:

— Она, дядя, может, и умная, а только она у меня нынче кепку прокусила. Шестнадцатичочку.

— Дай такую кепку,— протянул ко мне руку Валька.

— Вот, валяй,— сказал он, натянув ее на мальчугана.

— Валяй, малец,— сказал я тоже, сняв с Вальки кепку и надевая ее на себя.— Счастливо!

И мы пошли дальше.

— Отчего это, Валька,— спросил я,— люди размахивают руками, когда идут?

— Кто их знает,— неохотно сказал он.— Может, оттого, что долго ходили на четвереньках...

— А мы? Тоже!

— Мы тоже. От нуля и до двух лет.

— Ну да, я, еще году не было, ходил!

— Ты... другое дело.

— Чего ты все толкаешься? Как это ты с лесов еще не упал с такой походочкой!..

Лесок кончился, начиналась степь, ощетинившаяся белой стерней. Там и сям торчали скирды. А мы все шли и шли, и дорога пылила под нами, черная борозда осенней пашни тянулась куда-то в степь за маленьким синим трактором. Потом дорога вывела нас на косогор. Открылось село, просторное, тихое, черепичные крыши краснели в желтых садах, дымные березы стыли у околицы. И над всем этим — над березами и садами, над крышами и над степью — стояло солнце, прохладное и мирное.

И тут я взглянул на Вальку. Лицо у него было бледное и ласковое, и губы шевелились. Я даже удивился, потому что привык уже к его пренебрежительной физиономии, к лохматой шевелюре, в которой тоже чувствовалась какая-то пренебрежительность, а это новое выражение было в диковинку. Мы шли и молчали; впереди показались какие-то домики с палисадниками, и над ними торчали телевентены и журавель.

— Это Зимино,— сказал Валька.

— Врешь! — сказал я, теряясь в догадках.

— Молчи! — строго сказал он.

Мы вошли в селение. По левую руку была почта, по правую — чайная. У самых ее сеней стояла трехтонка с шифером, а возле юлился зеленый мотоцикл с коляской.

— Подожди меня здесь,— решительно сказал Валька.— Я сейчас.

Я пристально посмотрел ему в лицо: давешнего выражения уже не было, только где-то в самых дальних уголках глаз пряталось что-то такое, чего я никак не мог ни определить, ни понять.

Он пересек улицу и исчез в здании почты. Я сел на крыльцо. Валька вернулся минут через пятнадцать, встрепанный, красный, кривя рот в усмешке.

— Ты что, подрался с кем-нибудь? — спросил я.

— Все б тебе знать...

— Чья это машина, может, подбросит нас? — вслух подумал я.

Валька быстро глянул на меня, немного помолчал, потом, как бы вспомнив что-то, сказал:

— А, сейчас!

Он вскочил на подножку и нажал клаксон.

«Кра-е-е-е-е-е!» — раздался гудок. И тотчас из чайной выскочил потный лысый человек с белесыми бровями и ресницами.

— В чем, собственно, дело? — спросил он набитым ртом.

— Петров,— сказал Валька, пожимая лысому руку.

— Котов,— сказал я и тоже обменялся пожатием.

— Очень рад,— растерялся лысый.— Максимов.

— Голышево не по пути будет? — спросил я.

— По пути,— ответил Максимов.— Но я — не доезжая.

— А кому шифер-то? — спросил Валька.

— Да тут одному... Коржинцеву Федору, парализованный он. Крышу, собственно, докрыть надо.

— Ладно, мы согласны,— посерьезнев, сказал Валька.

Шофер даже опешил.

— Ты что? — сказал я.— А работа?

— А это что, не работа?.. Ты положись на меня, Котов!..

И мы влезли в тесную кабину с продавленным сиденьем.

— Зимино,— сказал я, когда машина тронулась,— деревня-то вовсе не Зимино называется. Я узнавал: Усовка!

— Видишь ли, Котов, видишь, какое дело...— сказал Валька, глядя на дорогу.— Что-то думается мне сегодня, что-то думается и думается... Зимино? В Зимине я жил когда-то. И очень уж оно похоже на эту Зубовку.

— Усовку,— поправил я.

— Ну да, Усовку.

— А почему это ты мне ничего об этом не говорил? У тебя там семья?

— Нет,— ответил он.— Я холостяк.

— Я про другое,— сказал я.— Вот у меня есть мать и братан, и я тебе, про них уже все рассказал и даже письма давал читать!

— Спасибо,— сказал Валька.

— Хочется мне вам сказать, панове,— пробормотал Максимов,— что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов... в какой чести у всех была земля наша: и греком дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы... и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки...

Мы переглянулись, Максимов пояснил:

— Учусь я в вечерней, в шестом, на осень, собственно, по литературе остался. Перезанаменовка на носу — готовлюсь. «Все взяли басурманы, все пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша...» Земля наша... так же как и мы, земля наша...— Максимов вздохнул.— Забыл дальше. Дочка в седьмой с одними пятерками перешла, а я — на осень.

— «Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство»,— подсказал я.

— Нет, все равно не помню,— снова вздохнул он.— А дочка с одними пятерками перешла. Толковая растет, вся в меня...

— Так есть у тебя девушка или нет? — спросил я Вальку.

— Не знаю... раньше была... четыре года назад.

— В Зимине? — спросил я.

— Конечно, не в Зубовке.

— В Усовке.

— Ну, в Усовке,— согласился Валька.

— А почему ты уехал из Зимина?

— Уехал,— сказал он.— Все уезжали. Такое было время...

— Плохо там было, да?

— В общем, в школы стал строить. Если хочешь знать, Котов, это тоже красиво — строить школы.

Я не возражал. Школы — это учение. Учение — это свет.

— Да,— сказал Валька.— Девять школ построил.

— А зачем это у тебя разные книжки по сельскому хозяйству?

— Надо. Я, Котов, агрономом хочу.

— А школы?

— Школы — красиво, но я к земле хочу. У меня в роду все крестьяне были. Меня земля тянет.

— «...Земля наша»,— пробормотал Максимов.

— Да, земля наша...

— А ты, оказывается, разговорчивый, Валька,— сказал я немного позже.— Ты не выпил где-нибудь?

— Все бы ты знал. Ты что, следователь?

— Нет, я просто так.

— «Если бы все было просто так...»

— Что это он об нас печется, этот Климов? Какой объект в Голышеве? Ты не знаешь, Максимов? — снова встревожился я.

— Я знаю,— сказал Валька.— Я звонил из Зубовки.

— Из Усовки!..

— Угу. В общем, я все выяснил.

— Что выяснил?

— Приехали, ребята,— сообщил Максимов.

Пятистенник Коржинцева ничем не отличался от других домов той деревеньки. Только с одной стороны стропила были обнажены, и на них свежим тесом желтели слеги.

Навстречу нам вышли двое: красивый усатый старик в поддевке и мужчина лет сорока, худой, в шляпе и в галстуке, выбившемся из-под фартука. Мы поздоровались. Старик назвался Ипатом, в шляпе — Иваном Семеновичем.

цку, Валька

Валька весь подобрался. Он аккуратно снял свой серый пиджачок, закатал рукава ковбойки, даже волосы пригладил. Я тоже сбросил такой же серый свой пиджачок, но закатывать мне было нечего: на мне была тенниска, и я пожалел об этом.

Из домика вышла старуха, поглядела, как мы сгружаем шифер, всплакнула. Мы полезли на крышу.

Я сверлил коловоротом отверстия под гвозди, Валька прибивал и тоже сверлил, а Ипат лазил на коленях по крыше и прикладывал — примерял листы. Работы было часа на полтора, но дед медлил со своей примеркой, да и приятно было сидеть там, наверху: теплый ветер обдувал лицо, и руки, и шею, а от садов тянуло запахом спелых яблок. Стояла тишина, едва нарушаемая скупыми звуками нашей работы да хлопотанием хозяйки. Я смахивал пот со лба, и сверлил дырки, и думал о том, какое это замечательное мое ремесло, и очень оно древнее, и что, наверно, никого так не уважают, как мастерового человека.

— Не разевай рот! — бросил Валька, когда я чуть замешкался,

— Ладно,— пообещал я.— Не буду!

Максимов, стоявший на лестнице, принял от Ивана Семеновича последний лист и протянул его Ипату. И в этот лист последний гвоздь забивал я. Это большое искусство — забить гвоздь с двух ударов; чуть сильнее стукни второй раз — и лист готов: раскоелешь. Я забил.

— Молодец,— похвалил Валька,— я так не умею.

— Ловко,— сказал Ипат. Он спустился на землю, стряхнул со штанов шиферную крошку, остановил старуху.— Ну, а на стыки досточки я завтра сам настрогаю. Да на конек надо будет...

— На конек надо пошире...— заметил Валька.

— Пошире,— согласился Ипат, глядя на крышу.

— Ну, как работка? — спросил я у Максимова.

— А чего,— улыбаясь, ответил он,— ничего, собственно.

Мы стояли вчетвером — я, Валька, Ипат, Максимов, четыре рабочих человека,— и любовались крышей, а Иван Семенович куда-то исчез.

— Чьи будете-то, ребята? — спросил старик.

— Со стройки,— ответил я.— С ТЭЦ.

— Дело,— кивнул Ипат.— Скоро построите?

— Скоро,— сказал я.— Первую турбину уже установили! И вторую скоро будем, дед! Немного подожди, дед!

— Дело,— сказал Ипат.

Из избы снова показалась старуха, а следом вышел Иван Семенович.

— Федор зайти просит.

Мы вошли в дом. На кухне был беспорядок: разная старая одежда, ведра, ящики, поломки, но в горнице чисто и прибрано. Вначале я увидел большую деревянную кровать, застланную суконным одеялом, и на ней бледного, костлявого человека с черными блестящими глазами. Он лежал в одном белье, разве что ноги были закрыты каким-то ватником. Поверх спинок кровати была натянута веревка.

Человек ухватился за нее левой рукой, подтянулся, а правую подал нам.

Мне было как-то не по себе поникать его влажную, худую кисть, я покраснел, будто в чем-то был виноват перед этим человеком.

— Свежей районки нет ли? — быстро спросил он и облизнул губы. Я растерянно пошарил в карманах, хоть и знал наверняка, что газеты у меня не было.

— Жалко,— очень искренне огорчился инвалид.

Мы еще о чем-то перемолвились с ним, но я не помню уже о чем, я только видел его глаза, чуть воспаленные и слишком живые для такого неподвижного, мертвенного лица.

Мы вышли во двор, простившись со стариком и Иваном Семеновичем; как выяснилось, они были никакие не родственники, а просто жили по соседству.

— И ему жить надо,— рассудил Валька.— У меня бабушка есть. Слепая совсем, а нас двоих с братом вырастила.

— Корженцев стихи пишет,— сказал Максимов,— он газету со своими стихами ждет. А я эту газету видел, нет там его стихов.

Мы уже выходили из калитки, когда старуха окликнула нас:

— Ребятки! А пауженать? У меня пирог рыбный в печи!

— Спасибо! — ответил я, глотая слюну.— Дела у нас, некогда.

— Обождите,— сказала старуха. Она вынесла нам какой-то сверток.— Вот придете куда, поедите.

Сверток был горячий.

— Спасибо,— снова сказал я и, не обращая на Вальку внимания, сунул сверток в боковой карман.

— Минуточку,— сказал он, отнимая у меня сверток.— Тут что-то написано, мамаша!

— Это Федя балует,— слегка смутилась она.— Еще как мы не пожелились, писал. И сейчас не перестает, пишет и пишет. Чисто малый ребенок...

Она застенчиво улыбалась, и я увидел, что она никакая не старуха, а просто женщина, рано состарившаяся.

— Да вы не разворачивайте пирог-от, у него ишо много.

Когда мы снова попали на тракт, то увидели большое озеро, защищенное тальником и камышами.

— Искупаемся? — предложил я.

— Мудро,— согласился Валька.

Солнце уже склонялось на запад, но еще горело и золотило берег и дальний край озера и искрящейся дорожкой бежало оттуда на середину.

Мы быстро разделись и осторожно вошли в воду. Она была горячая. Но чем дальше мы забирались вглубь, тем вязкое дно становилось студеней.

— Комарье,— сказал Валька на середине озера.— Кусаются, гады.

Он нырнул. Я стал барахтаться, плескаться, но не потому, чтобы разогнать комаров, а просто на меня нашел такой стих.

— Не шуми,— сказал Валька, лежа на спине,— мешаешь. Видишь, я занят.

И мне вдруг показалось, что никакой прогулки у нас и не было и мы сейчас вовсе не купаемся в этом незнакомом озере, а просто отдыхаем в своей комнате, как всегда, когда откуда-нибудь вернемся, и Валька стряхивает пепел на то место, где положено лежать коврику.

— Пора,— сказал я.— У меня уже судорога.

— Да,— сказал Валька и пристально посмотрел на меня.— Пора.

— Давай, Валька,— сказал я, когда оделся,— давай будем «пужнать»!

Мы поднялись по отлоге туда, где рос конотоп, и уселись. Я здорово промялся и ел рыбу из пирога прямо с костями.

— Надо идти, Валька,— сказал я потом,— нам здорово влетит за опоздание!

Он повернулся ко мне, взял меня за плечо, сказал:

— Нам туда не надо идти, Котов.

— Как? — Я даже растерялся.

— Я тебя все объясню. Понимаешь, там не объект. Там кругом бор и озеро, и тракт рядом. Благодать. Климов там дачи строит. Себе, и управляющему, и еще кому-то. Понял?

— А при чем здесь мы? Пускай строит, если ему хочется!

— В том-то и дело, что мы должны строить. Сволочь какая!

— Мы же... мы не шабашники, мы же ТЭЦ строим!.. Мы...

— То-то и оно. Нарды нам бригадир закрывает за опалубку канала, а строить мы должны дачу. Они новичков на это ловят: мол, им деваться некуда.

— Ты звонил из Усовки насчет этого?

— Я звонил Климову. Я сказал, что чихать хотел на его дачу. Пусть сам и строит.

— А про меня, про меня он спрашивал?

— Да, спрашивал. Я сказал, что ты тоже хотел чихать на его дачу. Я сказал, что ты напишешь в газету.

— Дела...— только и сказал я. И вдруг подумал, что никогда уже не будет у меня таких безоблачных дней, как нынче, что в этом залитом солнцем мире всегда таилась тревога и пришло время познать ее и мне. Что-то зябко мне стало у озера, и я встал и побрел на дорогу.

— Зачем ты это сделал? — сказал я.— Кто тебя просил?

— Ты не скажешь мне спасибо? — жестко спросил Валька.— Ты хотел бы остаться в приятном заблуждении насчет Голышева?

— Нет,— ответил я.— Но я и сам имею язык!

— Не сердись, Котов,— сказал он.— Ты слишком добрый. Ты бы мог и не отказаться.

— Иди к черту! — заорал я.— Какой проницательный!..

— Я ему так и сказал: сам строй, а мы чихать хотели.

— Что же ты не сказал мне сразу... все-таки...

Я посмотрел на него: он был спокоен, небрежные двухцветные космы на его голове как же торчали, как перья взъерошенной птицы, и маленькие глаза смотрели твердо и даже насмешливо. Мне стало завидно, что он так спокоен, я никогда не бывал в таких переделках, и ТЭЦ была моя первая стройка. Самая первая!..

— Котов,— сказал Валька,— ты хороший парень. Мне такие редко попадались.

— Век бы тебя не видел!..

— Знаешь, поедем ко мне в Зимино! Знаешь, какая там бывает трава! В рост человека. А когда в поле выходят машины, земля дрожит. Она там, как живая, земля!..

Мы шли, мягко ступая в горячую пыль.

Г. АНАТОЛЬЕВ

КОГДА ОЖИВАЕТ ИСТОРИЯ

Строчки, написанные ленинской рукой... Спрятанные на груди Ивана Бабушкина, они слышали стук его пламенного сердца. Они прятались в двойном дне чемодана. Переодетые в чужой почерк, чтобы не быть узнанными, они смело появлялись перед глазами жандармов и шли к респектабельному издателю. Они выжидали своего часа, укрытые на чердаке, закопанные в земле. Они переходили границы. Ехали на перекладных по Сибири. Шли по ночам в дождь и слякоть и стучались условным стуком в темное окошко.

Сколько раз они попадали в засаду! Но, несмотря на все тяготы и преграды, продолжали великое дело.

Ленинские строки звали и вели вперед борцов, вселяли уверенность и силу в колеблющихся, завоевывали сердца сомневающихся, освещая ярким светом гениальной мысли путь к правде, правде социализма.

Владимир Ильич придавал огромное значение собиранию и хранению партийных документов, рукописей, изданию сочинений классиков марксизма. Именно по его инициативе был создан в 1921 году Институт Маркса и Энгельса, положивший начало теперешнему Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Ленин мыслил себе не холодный мемориал, воздающий музейную дань великим основоположникам научного коммунизма, он видел институт живым делом, важнейшим научным центром. Он мечтал собрать рукописи Маркса и Энгельса, книги из их личной библиотеки, хранившие драгоценные пометки. И это не случайно. Дело в том, что после смерти Энгельса большая часть его архива и архива Маркса попала в руки ренегатов Каутского, Бернштейна и других, которые сознательно положили под сукно труды великих ученых. Ведь даже классический труд Энгельса «Диалектика природы» мир впервые смог прочесть лишь в 1925 году на русском языке. Не менее известный совместный труд Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» также впервые опубликован у нас в 1934 году. А создан в 1846-м! Восемьдесят восемь лет пролежал он под сукном!

...Перешагнем порог институтской библиотеки. Здесь хранятся труды Маркса, Энгельса и Ленина, изданные во всем мире и на всех языках. Ежегодно библиотека пополняется 20 тысячами книг по истории социальных учений, по истории философии, книгами общественно-политического характера, историко-революционной литературой. Библиотека располагает поистине уникальными изданиями.

Известно, что Ленин хорошо знал немецкий, английский, французский, итальянский языки, понимал по-чешски, по-польски. В библиотеке есть книги на девятнадцати языках из личного собрания Ленина. Помимо общественно-политической, экономической, философской и художественной литературы, в его библиотеке встречаются и такие книги: «Физико-химические работы» М. В. Ломоносова, «О специальной и общей теории относительности» А. Эйнштейна, «Насущные вопросы современного естествознания» К. Тимирязева.

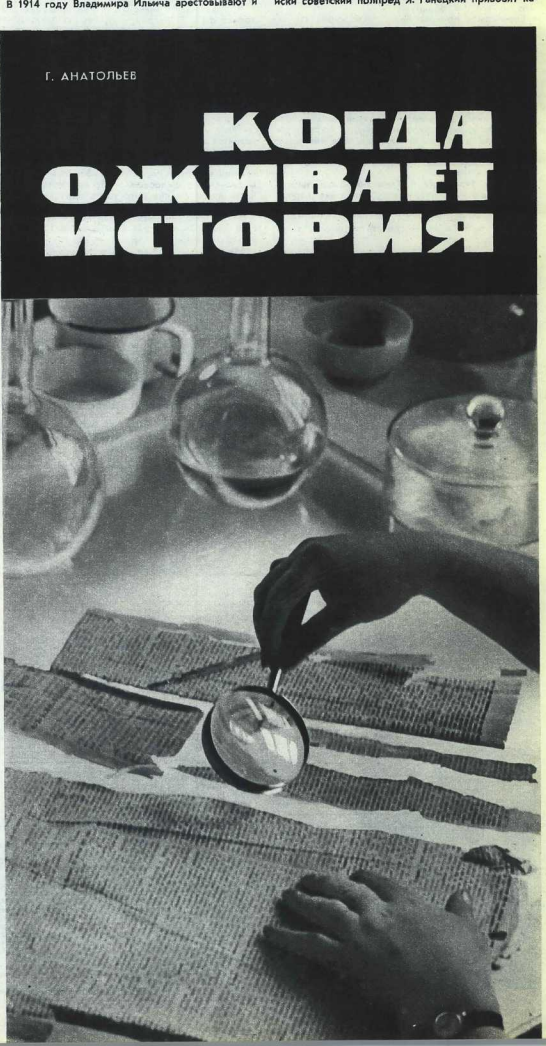
После смерти Ленина весь его архив, рукописи, письма, книги из личной библиотеки перешли в институт. И началась работа по научному изданию наследия Ильича. Она продолжается и сегодня, хотя уже вышло в свет четыре издания Собрания сочинений.

Связанный с колоссальным количеством людей в России и за границей, руководивший народными массами, Ленин был кровно заинтересован в судьбе каждого человека. Его письма, указания, тезисы, характеристики, мандаты доходили до таких мест, куда подчас не добиралась почта. Казалось, бурное время унесет все эти документы в Лету. Но нет, люди сохранили ленинские строки как реликвию. И они до сих пор продолжают поступать в институт.

После поражения первой русской революции Ленину пришлось эмигрировать за границу. Чтобы быть ближе к России, чувствуя и предвидя надвигающиеся грозные события, он с Надеждой Константиновной переезжает в 1912 году в Краков, где живет до 1914 года, проводя лето в Поронине. Это были чрезвычайно важные годы — начиналась новая революционная волна, которая в конечном итоге привела к Октябрю. И Ленин в центре событий: он руководит деятельностью большевистских депутатов в IV Государственной думе, составляет тезисы их выступлений, почти ежедневно посылает статьи в «Правду». К нему часто приезжают товарищи из России.

В 1914 году Владимира Ильича арестовывают и высылают. Огромный архив, содержащий в себе протоколы Пражской конференции, письма, рукописи, его личная библиотека остаются в Кракове и в Поронине.

Что случилось с этими материалами? Начавший в 1924 году, по просьбе Владимира Ильича, поиски советский полпред Я. Ганецкий привозит ке-



Руки реставратора... Порой вот так восстанавливаются номера ленинской «Искры».

Фото **Г. ДУБИНСКОГО**

кие-то крохи и малоутешительные известия. Он выяснает, что ленинский архив попал в подвалы варшавского генштаба. Представители панской Польши и не думают возвращать документы. Они учтиво и любезно обещают... навести справки. А «чиавелёк», также любезно и учтиво отвечают, что ничего не обнаружено.

Однажды в Краковс безвестный журналист зашел в букинистическую лавочку, что была на углу улиц Любомирской и Могильской, и, роясь там, вдруг поднял книгу со штампом: «В. Ульянов».

— И много у вас таких книг?

— Да найдется с десяток. Только зачем они вам? Я вам лучше предложу...

Но журналист, уже не слушая, продолжал выискивать книги со штампом. Хозяин лавочки, почуствовав добычу, заломил цену. У журналиста было мало денег, и, купив лишь две книги, он показал их большому библиофилу — писателю Гжиньла-Седлецкому, который немедленно отправился в лавку...

И вот в 1932 году Я. Ганецкий среди тысячи книг, переданных писателем библиотеке города Бидгощ, нашел двенадцать из личной библиотеки Владимира Ильича.

Большего Я. Ганецкий сделать не смог. Но поиски продолжались.

Январь 1945 года. Краков только освобожден. По поручению Института марксизма-ленинизма старший инструктор политуправления 1-го Украинского фронта майор Щукин, профессор Московского юридического института, вновь ищет ленинский краковско-поронинский архив.

В один из дней на пороге квартиры, где остановился Щукин, появляется пожилой седой человек. Он принес том сочинений Августа Бебеля, в котором были заложены несколько страниц рукописи статьи Владимира Ильича в «Правду».

— Это все, что мне удалось сберечь с восемнадцатого года,— сказал доктор Казимеж Седлачек. Он рассказал, как в то далекое время холодной осенью в комендатуре солдаты топили печку книгами. Тогда-то он, молодой солдат, и спас несколько экземпляров...

Теперь стало ясно, почему поиски не давали результата.

Но в начале пятидесятых годов сотрудник Краковского воеводского архива, разбирая фамильные бумаги высокородных князей Чарторийских, вдруг прочли: «С чем кадеты идут на выборы?»

Прямые, энергичные строчки остроугольных букв. Почерк решительный, красный...

Так был найден краковско-поронинский архив, который искали тридцать лет. В нем оказалось 1 070 документов. Из них 250 (579 листов) принадлежало перу Ленина.

В 1954 году польские товарищи торжественно, в серебряном сундучке с серебряным ключом передали этот архив в дар ЦК КПСС.

Чтобы показать значение архива, приведем один только факт. По надписи, сделанной Владимиром Ильичем на конверте письма из США, удалось установить, что это сокращенный перечень его статей в «Правде» за май — июнь 1913 года. Так установили, что Ленин был автором четырнадцати статей, опубликованных в это время без подписи. Кстати, сотрудники института установили, что Владимир Ильич пользовался почти восьмьюдесятью псевдонимами.

Много документов разыскали работники института. Более 30 тысяч ленинских документов хранится здесь. Но и сегодня еще не найдено значительное число материалов. Известно, например, что знаменитой работе «Материализм и эмпириокритицизм» предшествовали «Записки рядового марксиста по философии». Их нет. Нет и второй части книги Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Не найдена большая группа писем, относящихся к девяностым годам. Они хранились в Самаре у социал-демократа Арцыбушева. По неточным сведениям, он закопал их в оцинкованном ящике на одном из островов против города. Многочисленные поиски общественности и специалистов даже с помощью миноискателей результатов не дали. По всей видимости, остров ушел под воду... Кто знает, может быть, и сверкнет этот ящик перед глазами удачливого аквалангиста?

Зоркое документов! И каждый из них будет сражаться вечно. Но ведь бумага подвержена старению и разрушению. Да и неудобно документы поступают в очень плохом состоянии. Как уберечь их?

Этим занимаются в институте сотрудники лаборатории консервации и реставрации документов.

На первый взгляд все, что они делают, очень просто. Но эта простота требует виртуозного, артистического мастерства.

Документ прошел обработку в специальной дезинфекционной камере. Пары формалина убили споры плесени — самого страшного врага бумаги.

Большую трудность представляет монтаж отдельных фрагментов документа. Неправильный монтаж может привести к деформации оригинала, а клей — со временем — «погасить» текст. Реставратор должен знать характер и свойства различных сортов бумаги и клея. Н. Ф. Анисимова пользуется мучным. В результате многочисленных опытов и проб она составила собственный рецепт: клеит на вод водой, а прочность отличная.

В последнее время в целях более надежной сохранности документов в институте приступили к так называемому ламинированию. Приведенный в порядок, очищенный и, если был порван, смонтированный на микелентной или конденсаторной бумаге документ покрывается тончайшей эластичной пленкой или ацетат-целлюлозной пленкой. В специальном аппарате пленка, нагреваясь, немного растапливается и под давлением соединяется с документом. Теперь ему не страшны ни вода, ни солнечные лучи, ни какие-либо механические повреждения. Пленка защитит его.

Но вот поступил документ, текст которого почти выцвел, угас или залит чем-то. Он отправляется в лабораторию секции кинофотодокументов, где его прочтут обязательно.

Выявляет текст, фотографируя его в различных спектральных зонах с использованием специальных фильтров, а также с помощью съемки в невидимых инфракрасных и ультрафиолетовых лучах. Или фотографируют ультрафиолетовой или инфракрасной люминиоскопией. Тот или иной способ диктуется причиной угасания текста, его основой — бумагой и составом красителей — чернилами. Интересно, что иногда помогает именно бумага: она реагирует на лучи, а чернила нет.

Прежде чем документ поступит в стальные сейфы на вечное хранение, где всегда создан самый лучший климат (температура 16—17°, влажность 60—65%), в лаборатории снимут с него фотокопию, которой и будут пользоваться ученые...

Напряженной жизнью живет институт: военные историки завершают шеститомный труд о Великой Отечественной войне. Готовится к изданию новое, 55-томное Собрание сочинений В. И. Ленина. Особенностью этого издания является публикация не только законченных трудов, но и подготовительных материалов. Кстати, подготовительные материалы к знаменитой книге «Развитие капитализма в России» занимают столько же места, сколько и сама книга. Выпускается 2-е издание Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. И, конечно, главное научно-творческое задание института — написание многотомной истории КПСС.

ФОТОГРАФИЯ НАЙДЕНА!

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «СМЕНЫ»

В «Смене» № 13, рассказывая об издании многотомной Истории КПСС, мы сообщили: сотрудники Института марксизма-ленинизма на протяжении ряда лет разыскивают фотографию одного из двадцати «исчезнувших» делегатов II съезда РСДРП, Г. М. Мишенева. Девятнадцать фотографий уже подготовлены и опубликованы. Отсутствовала лишь эта, двадцатая.

Тогда «Смена» спросила у читателей: «Может, в семейных фотографиях ваших дедов и прадедов как раз и находится разыскиваемый снимок?»

Вскоре в редакцию пришло письмо из Уфы. Писал племянник Г. М. Мишенева — Николай Прокопьевич Борисов. Он сообщал, что в Уфе живет сестра Герасима Михайловича — Евдокия Михайловна. В Уфу полетела телеграмма: нет ли у вас фотографии? Ответ был неутешительный.

Но тут появилось второе письмо. На этот раз из Тбилиси. Его написал нам кандидат сельскохозяйственных наук, сотрудник Грузинской опытной станции пчеловодства Георгий Ираклиевич Мчедлишвили. В письме сообщалось: «У Мишенева были сын и дочь. Сын читал лекции по марксизму в одном из институтов Москвы, а после войны переехал в Киев. Дочь живет в Москве».

Ни киевского, ни московского адресов Георгий Ираклиевич нам не сообщил. То ли не знал, то ли в спешке забыл это сделать. Не назвал он и имен детей Герасима Михайловича.

Свяжаемся по телефону с Тбилиси. Но вот неудача. Георгий Ираклиевич уехал в отпуск. Куда? Никто не знает этого. Дело опять осложнилось.

Мы решили раньше всего искать сына. Почему не дочь, которая могла оказаться совсем рядом, в Москве? Но ведь дочь Герасима Михайловича могла сменить фамилию, а это затрудняло бы поиск.

Итак, звоним в Киев. Заместитель начальника Киевского городского розыска Григорий Нафтулович Вульфин обещает помочь. Через несколько часов мы узнаем, что в Киеве живет и работает Владимир Герасимович Мишенев — сын Герасима Михайловича. Сотрудники Министерства охраны общественного порядка Украины встречаются с ним. Увы, фотографии отца у него нет. Но снимок наверняка сохранился у сестры — Галины Герасимовны. Она живет в Москве. Из Киева сообщают адрес: Москва, Арбат, улица Федотовой, дом 10, квартира 2.

И вот мы в квартире Галины Герасимовны. На старинном снимке, сделанном в 1902 году фотографом Шепелевым в городе Саратове, Галина Герасимовна (ей тогда был только год) на руках матери, рядом сидит Герасим Михайлович. Фотография найдена!

В тот же день «Смена» передала репродукцию снимка в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Член редакционной коллегии первого тома Истории КПСС, старейший деятель Коммунистической партии Советского Союза Федор Николаевич Петров просил передать сердечную благодарность всем товарищам, принимавшим участие в поисках снимка: сотрудникам Министерства охраны общественного порядка РСФСР и Украинской ССР А. Г. Зимянину и Г. Н. Вульфину и их помощникам, а также родственникам Герасима Михайловича — Г. Н. Мчедлишвили и Н. П. Борисову, приславшим письма, которые оказали большую помощь при поиске исторической фотографии.

К 60-летию со дня рождения А. КОСАРЕВА.

ЕМУ И СЕГОДНЯ — 35...

Лев ГУРВИЧ,
работник МК и ЦК ВЛКСМ в 1921—1930 гг.

На окраине Москвы, там, где течет речка Хапиловка, стоял приземистый, покосившийся домишко с зарешеченными окнами. Сюда, на цинковый завод, к хозяину Анисимову, привела в 1913 году Александра Косарева своего десятилетнего сына Сашу. Привела, постояла над мальчишками, что на коленях прямо на полу отмывали изъеденными кислотой руками посуду из-под химикатов, пригорюнилась, всплакнула. Да нечего делать: дома мал мала меньше. Поклонилась хозяину в пояс, улыбнулась заискивающе, упросила взять сына в работники. Так с десяти лет началась трудовая жизнь Саши Косарева. Едкие испарения, газы, отсутствие вентиляции, каторжный, отупляющий двенадцатичасовой труд.

В углу двора, на бревнах, которые и столовая и столы — все вместе, проглотив свой сухомятный обед, жался мальчуган поблизке к взрослым, прислушивался. Отрывистые, тяжелые слова о несправедливости, эксплуатации западали в душу, и сами собой сжимались кулаки, и хотелось в большую драку, где «мы наш, мы новый мир построим».

Февраль семнадцатого года гнал по узким улочкам поземку. Деревянная фабричная Москва клокотала за оградами. На фабрике «Рихард Симон» тоже неспокойно. Готовится забастовка. Еще заседают комитетчики, и не вынесено еще решение, а из закопченного корпуса с клубами пара вырывается во двор вихрастый мальчишка.

— Бросай работу! Хватит набивать их карманы!

Он кидается к воротам, широко распахивает их. Выскочили рабочие, на ходу срывая фартуки.

Текла по улицам темная людская масса. Рвался развеваемый февральским ветром красный стяг. А впереди бежал пацан в одежде мастерового, и казалось в тот миг, что нет на свете человека счастливее его. Мальчишке, бежавшему впереди демонстрантов, было 14 лет. Это был Саша Косарев.

Лобастые мальчики революции

Когда садятся писать историю современника, стараются восстановить в памяти обстановку, в которой тот жил и работал. Вспоминают, какие книги он любил, и как был обставлен его кабинет, и к кому из друзей был он привязан.

С Александром Косаревым я работал в МК и ЦК комсомола. Мы встречались с ним на предприятиях и в его кабинете, на совещаниях, бывали вместе на концертах, ходили на байдарках по рекам Подмосковья. Географически наши встречи были ограничены Москвой и ее окрестностями. Но удивительное дело: когда я думаю о Косареве, я вспоминаю всю огромную нашу страну, вспоминаю молодость первой в мире республики Советов.

Биография Косарева неразрывна с биографией комсомола. И, пусть это не покажется странным, я не могу сказать, что биография эта исключительная. «Это многих славный путь» — как сказал поэт. Революция пробудила в рабочем мальчишке человека-борца, партия научила его быть человеком-созидателем. В условиях жесточеншей классовой борьбы, в условиях разрушенного хозяйства загруженный черновой, текущей работой, не имея времени для спокойного, систематического приобретения знаний, но упорно и жадно занимаясь самообразованием, мальчишка из рабочей семьи с двумя классами церковноприходской школы в короткий срок проходит путь до поста генерального секретаря ЦК комсомола, руководит громадной армией молодых строителей нового общества. С 1929 по 1938 год был Александр Косарев на этом посту, избирался делегатом XIII, XIV, XV, XVI и XVII съездов партии. Это совершенно закономерно для революции, для страны, для того неугомонного племени людей, которых кто-то очень метко назвал «лобастыми мальчиками революции».

Шестое чувство

Потомки никогда не перестанут удивляться выносливости, энергии, какому-то сверхчеловеческому неуемному жизнелюбию людей, создавших и выпестовавших нашу страну. Еще труднее понять иностранцам, что вся эта гигантская работа по созданию одной из мощных экономических систем мира проделена обыкновенными людьми.

А люди были действительно обыкновенные. Те же 24 часа были в их сутках, и те же пять чувств помогали им ориентироваться в пространстве. И все-таки никому и никогда с начала существования человечества не удавалось еще с такой неумолимой властностью покорять «пространство и время». Люди, начинавшие свой жизненный путь в комсомоле, все, как правило, были счастливыми обладателями шестого чувства — чувства классовой революционности, чувства хозяев страны.

...Зима 1922 года. В фойе Колонного зала Дома союзов собираются делегаты общегородской конференции молодежи. Время трудное — безработица. Никаких путей получить квалификацию, кроме оставшегося от старых времен ученичества. Только-только возникают первые школы фабзавуча, едва нащупываются пути их развития. А рядом резким контрастом — «прелести» угарной жизни нэповской буржуазии.

На многих предприятиях еще не созданы комсомольские ячейки, распавшиеся в годы гражданской войны из-за массового ухода комсомольцев на фронт. Да и сами предприятия только начинают восстанавливаться. В быстро расплодившихся частных мастерских хозяйчики нанимают молодежь по своему усмотрению и подчиняют ее своему влиянию. Спекулируя на трудностях, зашевелились меньшевики, пытаясь восстановить молодежь против Советской власти.

Московский комитет комсомола решил провести широкие конференции молодежи, откровенно рассказать ей о всех трудностях и их причинах, дать бой меньшевикам и их подголоскам.

Войдя в фойе, я увидел толпу, в центре которой Косарев ожесточенно спорил с каким-то молодым меньшевиком. Под одобрительные возгласы окружающих он громил своего противника, тот в ответ бормотал что-то о низких заработках молодежи.

— Так ты же поешь с чужого голоса! — наступал Косарев.— Это ж твои заграничные учителя научили тебя болтать об эксплуатации в России. Мы — хозяева своих предприятий. Но если тяжело взрослым рабочим, то и молодежь не будет требовать для себя особых привилегий.

Революционная убежденность, ясное понимание классовой задачи, напористость и аргументация прирожденного оратора заметно выделяли Косарева в среде комсомольских работников Москвы 20-х годов. Его любили слушать, ему верили, за ним шли. Может, поэтому прямо с XIV съезда партии, делегатом которого он был, Александра Косарева послали в Ленинград, на борьбу с троцки-

стско-зиновьевской оппозицией. Это было трудное для партии время. По пять-шесть раз в день приходилось Александру выступать на собраниях. Бок о бок вместе с Сергеем Мироновичем Кировым сражался на идеологическом фронте Косарев. Здесь, в Ленинграде, в жаркой схватке с противниками партии Косарев быстро завоевал симпатии молодежи и вскоре был избран секретарем Московско-Нарвского райкома комсомола.

Мы новый мир построим

— Мы — революционеры,— любил повторять Косарев. И действительно, в любое, самое мирное хозяйственное дело, которым приходилось ему заниматься, он умел внести революционную струю. Он просто не мог без этого. Не терпел равнодушных и пасующих перед трудностями.

— Это — притупление воли и энергии,— говорил он,— и нет большей опасности, чем замазывание трудностей и подмена нетерпимого отношения к недостаткам тупой покорностью перед «объективными условиями». Ведь мы революционеры!

Это были не только слова. Помню, с какой твердой решимостью защищал он созданные комсомолом школы фабрично-заводского ученичества. Работники центрального института труда требовали упростить обучение в этих школах, свести его к примитивному овладению трудовыми навыками.

— Зачем усложнять подготовку рабочих кадров? — говорили они.

— Зачем? — отвечал им Косарев.— В условиях борьбы за новое общество мы не имеем права ограничивать воспитание нашей рабочей молодежи (а мы ведем его сейчас в основном через фабзавуч) приобретением только трудовых навыков. Мы строим новое государство, и нам нужны не просто рабочие, нам нужны культурные рабочие, хорошо понимающие задачи страны, потому что именно им предстоит решать эти задачи. Я понимаю это так: защита интересов молодежи — это в конечном итоге защита интересов социалистического государства.

Ленинские слова о том, что в новом обществе каждая кухарка должна уметь управлять государством, были для Косарева не просто указанием. Он хорошо понимал, что комсомол — это школа разносторонней государственной деятельности, что именно здесь, в комсомоле, у молодых членов общества должно сформироваться и закрепиться это самое шестое чувство—хозяина страны. Отсюда его пристальная внимательность к людям, искренняя радость от встреч с дельными, думающими людьми, отсюда же его нетерпимость ко всему застойному, бюрократическому.

На совещаниях и встречах Косарев внимательно приглядывался к товарищам, выступавшим и вносившим предложения.

— Надо выдвигать актив на самостоятельную работу,— не раз говорил Косарев. — Надо не на словах, а на деле бороться против артельности и семейственности. Выдвигать не тех, кто согласен с секретарем только потому, что он секретарь, а талантливых, смелых, толковых.

Как-то на заседании бюро МК при обсуждении доклада экономическо-правового отдела вдруг выяснилось, что докладчик не автор проекта предложения. Косарев настоял на снятии вопроса и вызвал на следующее заседание бюро работника райкома, выдвинувшего вопрос и разработавшего предложения.

— Кто же лучше него расскажет об этом деле? — возмущался Косарев. — Да и бюро познакомится с живым человеком, думающим, ищущим. Это ведь не твоя мысль, — повернулся он к заведующему отделом,— а другого. Пусть он сам о ней и расскажет.

Помню, как отстаивал Косарев право нашего туризма на жизнь. Сейчас это может показаться странным, а тогда, в середине 20-х годов, против массового туризма выступали работники Наркомпроса и ВЦСПС. Косарев, работая тогда секретарем МК комсомола, понимал богатые возможности туризма как средства коммунистического воспитания молодежи и очень деятельно помогал небольшой вначале группе энтузиастов-организаторов туристской работы. Созданное с его помощью бюро туризма при МК стало центром развития туризма во всей стране.

В 1930 году я в составе группы ударников первой пятилетки посетил Германию, Италию, Турцию. Мы увидели Западную Европу в условиях жесточайшего кризиса, узнали, что́ такое социальные контрасты. В Неаполе нашим гидом стал Алексей Максимович Горький.

Косарев внимательно слушал рассказ о нашей поездке, и глаза его светились гордостью за свою страну, за ее народ, за ее будущее. Он стал расспрашивать об Алексее Максимовиче, а мне вспомнился 1928 год. Мы с Косаревым заехали тогда за Горьким, чтобы вместе поехать на его встречу с комсомольцами в клуб имени Кухмистерова.

Горький только недавно вернулся из-за границы и подробно расспрашивал Косарева о настроениях молодежи, о том, как она проводит свой досуг, чем увлекается. Косарев отвечал уважительно и в то же время задорно. Эта задорность явно нравилась Горькому, и он задавал все новые и новые вопросы.

— А как теперь с кулачными боями, «стенками»? Есть еще? В свою молодость я их нагляделся. Жестокая штука!..

— Теперь уже мало, — отвечал Косарев. — А еще пару лет назад на московских окраинах случались. Я сам с Благуши и помню, что драки были почти единственным развлечением. А с «трамами» вы незнакомы, Алексей Максимович? Сейчас в Москве выступает ленинградский театр рабочей молодежи с интересным спектаклем «Плавятся дни». Сходили бы посмотреть, покритиковали бы, посоветовали...

В кабинете, в Машковом переулке, сидели и оживленно беседовали двое: большой писатель и человек, чье поколение, с детских лет войдя в революцию, пройдя огонь гражданской, не имело возможности учиться ни в школах, ни в вузах.

И вдруг я увидел, что с Горьким беседует интеллигент, глубоко разбирающийся не только в вопросах социологии, но свободно толкующий с писателем о сложных процессах, происходящих в литературе и искусстве.

Я зримо увидел, сколь громаден путь, пройденный им, — от рабочего паренька с московской окраины до деятеля государственного масштаба. Этот путь мог быть более долгим и более славным. Но в тридцать восьмом году Александр Васильевич Косарев по навету клеветников был арестован. В тридцать девятом он погиб.

В своих воспоминаниях я пытался показать некоторые эпизоды светлой жизни одного из наиболее ярких представителей молодого поколения Октября.

Документальный фильм «Комсомольцы» был снят в суровые дни 1943 года, когда отмечалось 25-летие ВЛКСМ. Это был рассказ о молодых воинах, героически сражавшихся на передней линии огня, о юношах и девушках, самоотверженно трудившихся у станков...

Нелегко далась нам победа. Многие не вернулись с поля брани. Не вернулись и некоторые из героев фильма. В одном из очерков мы рассказали о 19-летнем бронебойщике Григории Кагамлыке, ставшем грозой фашистских танков. Григорий посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Он погиб, не отступив назад ни шагу. Рассказали мы и о 16-летнем разведчике Викторе Чаленко, тоже геройски погибшем в боях за Родину... А вот что написала в редакцию Мария Игнатьевна Шарапова: «На одном из снимков, опубликованных вашим журналом, я, как мне кажется, узнала своего сына — Петра Шарапова. Он был старшим лейтенантом медицинской службы и участвовал в боях под Москвой... Я получила извещение о том, что в октябре 1941 года мой сын пропал без вести... Очень прошу вас сообщить мне: где и когда снят этот кадр, какие у вас есть сведения о других людях, сфотографированных вместе с моим сыном!»

К сожалению, мы не можем пока дать точный ответ Марии Игнатьевне о судьбе ее сына. Но поиск героев фильма «Комсомольцы» продолжаем. И, может быть, в один прекрасный день сумеем рассказать о подвиге Петра Шарапова, о подвигах тех, кто плечом к плечу с ним отстаивал от врагов каждую пядь родной земли...

Читатели «Смены» уже знают, что многие герои фильма живы и плодотворно трудятся сейчас на благо своей страны. Мы рассказали о прославленном снайпере Людмиле Павлюченко, имя которой наводило страх

З. АЛЕКСЕЕВ

ДВАЖ

«Герой Советского Союза Дмитрий Остапенко за один день огнем своего противотанкового ружья уничтожил 13 вражеских танков».

«Комсомольцы 1943 года». «Смена» № 4.

С Героем Советского Союза разговариваешь не каждый день...

Стоит перед тобою человек, весь в пыли (в огороде копался), моет руки, тщательно вытирает их полотенцем, здоровается.

— Дорога была дальняя,— говорит,— айда обедать!

И вот мы сидим за столом, едим наваристый борщ, хрустим огурцами, берем неземных размеров помидоры, говорим о жаре, «оседлавшей» Луганщину, о кино, еще о чем-то, не имеющем к моему редакционному заданию ну буквально никакого отношения. Все то, что я знаю о Дмитрии Яковлевиче Остапенко, нет-нет да кольнет меня — все жду я чего-то необычного, но потом, совсем «войдя в колею», толкую о новостях футбола и вдруг спохватываюсь: пора на автобус. Все-таки от Александровска, где живет Остапенко, до Луганска добрый час езды. Прощаюсь с хозяином до завтра, так и не попросив его: «Расскажите о вашем подвиге».

* * *

— Вот ты все меня пытаешь, мол, как, да что, да почему,— лукаво прищурившись, говорит Дмитрий Яковлевич.— Конечно, из ружья в танк угодить не всякий может, слов нету. Но самое большое геройство было у меня в детстве, до войны годов за десять.

Рассказывает Остапенко, рассказывает, а сам на меня искоса поглядывает: не чувствую ли подвоха?

— Желтое называется село наше. Маленькое оно. Вот ты клуб, роддом, дома каменные видел — так это все уже после войны построили. А нам с Колей Матяшем да с Федей Витчинниковым — корешами моими — на интересные края хотелось посмотреть. Как хлеб молотят, как садят картошку, мы это знаем — скучно! Подавай чего поживее, позанятнее.

Была у нас лодка, припасли мы сухарей, еще кой-чего, спустились к Донцу и в путь. Помню, Иван, брат мой, все отговаривал нас. Первое сентября, мол, на носу, нечего баклуши бить. Ну, да моя ватага его не послушалась. Мы так решили: будем все время путешествовать, кто что делает, смотреть будем.

Плыли-плыли, смотрели-смотрели — надоело. Бросили лодку, пошли пешком. Только в Мариуполе, теперь это город Жданов, дней через пять словила нас милиция, и родители за нами из Желтого вызваны были. Оттаскал меня отец за вихры и говорит: «Погулял, огарок, будет. Пора и честь знать, домой поедешь». А жизнь наша вольная мне до того понравилась, что я возьми да и скажи батьке: «Чем за чуб драть, дал бы ты нам денег да хлеба побольше, а то мы еще до Крыма, до моря синего не добрались...» А отец мой, Яков Мефодиевич, у нас в Желтом, в колхозе «Парткоммуна», человеком был уважаемым, сам его поднимал, на ноги ставил, столько пота в землю пролил, столько силы в дело положил — каково ему было мои слова слушать?! «Ну,— отвечает,— вижу, что ты в босяки стремишься, легкой жизни шукаешь. Иди с моих глаз вон, куда хочешь иди! Узнай, почем она, ржаная коврижка, а пока ни копейки от ме-

на самых знаменитых вражеских стрелков. Вы узнали, кем стал 13-летний паренек из Ленинграда Витя Петров, заменивший у станка убитого отца. Известна нашим читателям и судьба летчика-истребителя Вениамина Мещерякова, совершившего 215 удачных боевых вылетов и удостоенного одиннадцати правительственных наград.

Но пока нам не удалось ничего выяснить о комсомольском расчете сержанта Федора Старикова, о братьях-пулеметчиках Алексее и Петре Киселевых, о 18-летнем юноше Борисе Назарове, принятом в ряды комсомола во время кратковременного затишья между боями на орловском участке фронта, о молодом конструкторе Алексее Суранове из Удмуртии, о юном строителе Викторе Иванове, восстанавливавшем город-герой на Волге, и многих других. А ведь у каждого из них, несомненно, интересная судьба, необычный жизненный путь.

Хочется сослаться еще на одно письмо, полученное редакцией. Его автор — ленинградец П. Колпак. Вот что он написал: «Если не ошибаюсь, на одном из опубликованных вами кадров командир вручает награды. Справа стоит танкист. Фамилия его Шнайдер. Имени и отчества не помню. Он был наводчиком орудия... После вручения наград мы получили приказ, и танки рванулись в бой. Кажется, в фильме «Комсомольцы» запечатлен именно этот эпизод... Мне хочется вспомнить о Шнайдере. Я не знаю, где он сейчас... Но я помню о его подвиге... Это было в 1944 году. Шел бой на шоссе Миколлахти, западнее Кандалакши. Шнайдер был наводчиком в экипаже старшего лейтенанта Матрененко. Танк проскочил тогда через мост и остался один на противоположном берегу. Мост взорван. Мы уже ничем не могли помочь экипажу. Болото вдоль берегов и мины, мины... Экипаж — на той стороне, среди немцев. Танк подорван. Радио вышло из строя. Целый день Шнайдер уничтожал немцев огнем своего орудия. Наконец иссякли боеприпасы... Командир составил схему обороны противника, вручил ее Шнайдеру и приказал доставить в штаб... Экипаж не сдался. С наступлением темноты немцы взорвали танк. Погибли командир танка Матрененко и механик-водитель Александров... А Шнайдер! Он сумел доставить ценные разведывательные материалы в штаб. Тяжело раненный, он прополз в расположение своих войск...»

Где ты сейчас, боевой наводчик Шнайдер! Твой подвиг записан в историю части. Действительно, сколько еще у нас таких неизвестных героев! Мы с радостью расскажем об их судьбе. Ведь это судьба целого поколения людей, прошедших славный и трудный путь.

Фильм «Комсомольцы» был снят, когда наша страна отмечала 25-летие комсомола. Недавно мы отмечали 45-ю годовщину славной комсомолии. И очень приятно, что Центральная студия документальных фильмов решила снова вернуться к комсомольцам 43-го года и создать киноповесть, рассказывающую о нынешней судьбе героев, запечатленных в фильме. Наша молодежь, безусловно, с огромным интересом встретит этот фильм, повествующий о славных традициях ее отцов и старших братьев.

Сейчас героям фильма «Комсомольцы», оставшимся в живых, около сорока лет. Они трудятся бок о бок с нами. Они, как и прежде, на передовой. Ведь это комсомольцы боевого 1943 года!..

ДЫ РОЖДЕННЫЙ

ня не жди. Так-то». Вот и вернулись мы всей компанией в Желтое, к земле...

* * *

Братьев Остапенко и их друзей-однолеток на фронт не брали: год не вышел. По вечерам после работы, слушая сводку: «Оставлен Киев...»,— ребята молча смотрели друг на друга и думали об одном. Все горело в них, хотелось туда, на передовую, в самое пекло, казалось, именно их там сейчас не хватает. Вот сожмут они винтовки, бросятся в бой — и тогда держись, фашист, нет тебе пощады!..

Быстро пролетела осень, и наконец в начале зимы сорок второго года в дом пришла повестка: явиться с вещами. Братья Остапенко были зачислены в военно-десантное училище. Наголо остриженных пареньков повезли в Волгоград. Фронт уже был близко: по утрам пунктуально, с минутной точностью над городом появлялись «юнкерсы». В короткие промежутки между налетами издалека доносилось орудийное эхо — немец рвался к Волге. На окраине города, в поселке завода «Баррикады», где наспех расположилось училище, братья Остапенко рыли окопы — из таких же окопов, быть может, завтра им надо будет вести огонь по танкам врага. Они осваивали тяжелое ПТР.

— Не скупитесь, ройте глубже,— басил русоволосый тамбовец лейтенант Шубкин, стоя над учебным окопом, в котором действовал саперной лопатой мокрый от пота Дмитрий Остапенко. — Лишний пуд земли вытащите — от артналета уцелеете, не заденет вас, и, значит, худо танку придется. Бронебойщика голыми руками не взять...

— Огонь! — командовал Шубкин. И от прямого попадания вдребезги разбивалась мишень — железная бочка, катящаяся с обрыва.

Такими были будни. И не раз Дмитрий добрым словом вспоминал их там, под Владикавказом, когда, лязгая траками, подминая под себя деревья и кустарник, перли на его окопчик уверенные в себе стальные громадины с белыми крестами на башнях...

* * *

Приглушенно свистел паровоз, и скрипучая военная теплушка снова качала братьев Остапенко. Просили они начальство не разлучать их, чтобы в бою быть рядом, воевать бок о бок. Желание их было удовлетворено, и теперь ехали они на Северный Кавказ, в десантную бригаду, формировавшуюся во Владикавказе. За спиной осталось училище, оконченное досрочно, торопливое прощание с друзьями, спешившими в свои части, горящий город на Волге, где так и не удалось братьям получить боевое крещение. Опять потянулись долгие дни учений.

Ждать, как оказалось, было недолго. Приказ пришел ночью. Бригаду бросили на прорыв: надо заткнуть брешь, образовавшуюся в районе станции Нагай-Мирза.

И вот оно пришло, утро, холодное ноябрьское утро сорок второго года.

Из-за чахлого леска, тронутого слабым осенним багрецом, донесся далекий, нарастающий с каждой минутой гул моторов. Это были танки.

— Ну теперь держись!— крикнул Дмитрию из соседнего окопа брат.

Остапенко внимательно следил за танками. Что-то оборвалось в нем. Пальцы перестали трястись, исчезла смутная тревога, сосавшая под ложечкой. Он приник к ружью, как бы сросся с ним. Взгляд его стал острым, словно бритва. Он считал машины: одна, две, пять, восемь... Потом сбился. Прямо перед ним маячил первый, вырвавшийся вперед танк. Готовясь к решительному прыжку, буквально встал на дыбы, чтобы обрушиться всей своей тяжестью на Остапенко. Дмитрий давно уже прицелился, ждал только удобного момента. Медлить было нельзя.

Палец, лежавший на гашетке, плавно надавил на нее. Остапенко даже не почувствовал отдачи. Все в нем подпрыгнуло от радости. Танк, как зверь, пораженный в самое сердце, замер на мгновение, вздрогнул и закрутился на месте. Из нутра его повалил черный дым вперемежку с яркими языками пламени. Кажется, Дмитрий закричал.

Время перестало существовать для Остапенко. За плечами лежала родная земля, и за нее он и брат Иван, дерущийся рядом, и тысячи таких же стиснувших зубы парней готовы были умереть, но не отступить.

К полудню бой немного утих, ушел влево, к Моздоку. Восемь обугленных чудищ, бывших некогда танками, вытянулись в мрачную цепочку перед окопом Остапенко.

Но это было не все. Фашисты решили повторить атаку здесь же, на ослабленном, как они полагали, участке нашей обороны. После длительной артподготовки танки показались снова.

Остапенко ничего не знал о судьбе брата, о судьбе товарищей. Изредка он перебрасывался словом с командиром лейтенантом Шубкиным, приползшим к нему в окоп. Расчет Шубкина был уничтожен, и он, раненный в бедро, истекающий кровью, заменил убитого напарника Остапенко. Потом надсадно взвизгнула мина, и Шубкин, охнув, упал навзничь. Дмитрий остался один.

Земля горела. В этом кромешном аду, собрав всю волю в кулак, Остапенко вел огонь по машинам врага. Выстрел. Опять выстрел. И очередной дымящийся танк, дав задний ход, тяжело откатывался в сторону. Еще пять танков, догорая, медленно превращались в груды металла.

И тут кончились патроны. Остапенко выбрался из окопа и залег неподалеку, за неприметным бугорком. Многотонная стальная черепаха, все еще чего-то опасаясь, безнаказанно подобралась к окопу, где пять минут назад находился Дмитрий, стала утюжить его. За танком пошла пехота. Встав на колено, Остапенко бил по ней из автомата. У него был целый запасной диск — надо было драться до последнего. Но неожиданно яркая вспышка обожгла ему глаза...

* * *

Остапенко очнулся от удара. Чьи-то увесистые сапоги ходили по его бокам. Он мучительно медленно поднял тяжелые веки и увидел над собой качающиеся фигуры солдат в чужих черных мундирах. Было их человек пять-шесть. Заметив, что русский пришел в себя, они приказали ему встать. Дмитрий не мог пошевелить пальцем, тело, налитое свинцом, не двигалось. Солдаты о чем-то гортанно заговорили между собой. «Все»,— подумал Остапенко. Мысль эта, мелькнув в сознании, исчезла, не вызвав ни страха, ни отчаяния: теперь ему все равно, только очень хотелось пить, в горле сухо, как в забытом колодце. Солдаты, посовещавшись, взяли Дмитрия за ноги и куда-то поволокли.

И снова вяжущая пелена затуманила зрачки: Дмитрий впал в забытье. Мог ли он знать о том, что мощной нашей контратакой фашисты были через полтора часа отброшены на двадцать километров, что Иван, сжегший в этом же бою семь танков, после боя облазил каждый вершок изрытого воронками поля в надежде найти брата. Напрасно! Дмитрий в то время вместе с такими же, как и он, ранеными военнопленными трясся в закупоренном наглухо, душном вагончике с железными решетками на двух крохотных окошках.

Дни, проведенные в плену, соединились для Остапенко в один нескончаемый день. Хотелось ущипнуть себя за руку, чтобы прервался этот день, похожий на страшный сон, на бред больного воображения.

Здесь, в концлагере под Новочеркасском, где жизнь человеческая ценилась не дороже котелка овсяной похлебки, люди — а их согнали туда несколько тысяч — должны были, казалось, превратиться в лютых зверей, готовых перегрызть глотку соседа ради лишней минуты существования. Но коммунисты оставались коммунистами. Были в лагере и просто хорошие люди, которые, делясь с Дмитрием последней коркой хлеба, отрывая крохи от своих скудных пайков, помогали ему встать на ноги. Ходить он все-таки не мог: раненая нога распухла, неестественно толстая, она не двигалась. Тогда-то он услышал короткое режущее слово: гангрена.

«Надо звать Андреича»,— решили друзья.

В бараке появился сухонький старичок Николай Андреевич Кислов, лагерный врач. Он осмотрел ногу, сокрушенно покачал головой, что-то сказал ребятам и ушел.

Он появился через час с небольшим, туго набитым портфелем.

Операцию решили делать здесь же, в бараке. Товарищи наблюдали за подступами к нему. Появись в эту минуту эсэсовец, в жизни больного и врача операция оказалась бы, видимо, последней...

Через месяц Остапенко уже ходил. Мысль о побеге жила в нем с первого дня плена. Теперь откладывать было нельзя: военнопленных эшелонами увозили в Германию.

Черной мартовской ночью сорок третьего года он бежал.

* * *

Остапенко ничего не знал о судьбе брата Ивана. Вернувшись в строй, стал помощником командира взвода бронебойщиков. Воевал под Курском.

Кто-то посоветовал ему: «Напиши в «Комсомольскую правду». Газета должна помочь».

Письмо его было напечатано, и вскоре пришел радостный ответ: Иван жив, воюет, награжден орденом Ленина. Из этого же письма Остапенко узнал, что самому ему присвоено звание Героя Советского Союза. Присвоено посмертно.

— Вот как вышло,— сказал Дмитрий Яковлевич,— вроде бы я родился два раза. Не со всяким это случается, а со мной было...

Остается рассказать совсем немного.

Спустя несколько недель после награждения Золотой Звездой Героя и орденом Ленина, еще молодым человеком, но уже инвалидом вернулся Остапенко в родные места и поселился под Луганском, в Александровске... Живет он в скромном домике с женой и двумя сыновьями. Здесь же, неподалеку,— его брат, работающий на заводе.

...Вечером мы сидели с Дмитрием Яковлевичем на лавочке у его дома. Я все смотрел и смотрел на него. Война отметила Остапенко контузиями, ранениями, сильно пошатнула здоровье, унесла родных, друзей... Но какой гордостью наполнится сердце, как дрогнет оно, когда посмотришь в глаза этому человеку, когда пожмешь его ладонь, только что гладившую коротко остриженный сыновний «ежик»!

«ПОТОКИ ОКТЯБРЯ»

В Одессе в 1922 году при клубе «Январских мастерских» был создан литературный кружок «Потоки Октября». Руководил им милейший Лагутинский, учитель словесности.

В журнале «Шквал» (1924 г., № 5) напечатаны любопытные заметки первых организаторов кружка И. Чернова и А. Баршта «Как создавались «Потоки Октября».

«— Почему вы не создаете литкружок?

— Да как его создавать? Фабрики писателей еще нет, слыхал я.

— Но вы ведь пишете?

— Пишу.

— Вот и прекрасно. Я... тоже пишу.

— Вы?

— Да.

— Тогда давайте сорганизуемся.

Разговаривали в 1921 году зав. клубом имени т. Ленина — т. Чернов и т. Резников.

Заговорщики пожали друг другу руки и разошлись. Родился родник пролетарских писателей Одессы».

Багрицкого не приглашали. Он сам пришел.

По его почину пришли и мы, его товарищи, прозаики и поэты: И. Ильф, И. Микитенко, Т. Тэсс, Л. Славин, С. Гехт, С. Бондарин, С. Кирсанов, С. Олендер, Д. Бродский.

Багрицкому доставляло особое удовлетворение на нетронутой почве художественного воспитания прививать благородные, правильные вкусы.

Он вливал в нас, в своих слушателей, драгоценное вино чужой поэзии.

Виноделы знают о существовании «винного камня». Им покрывается внутренняя сторона бочонка после долгого хранения в нем вина. С «винным камнем» я сравнил бы эстетический вкус, который вырабатывается в человеке с годами от знакомства с сокровищницей поэзии и культуры и который Багрицкий умел вырабатывать в каждом из нас.

Обаяние личности Багрицкого заставляло ему верить. Рабочие, пробовавшие себя в литературе, начинали писать грамотнее.

Рабочий И. Яковенко, терпевший на литературном поприще поражение за поражением, прочел на каком-то очередном заседании кружка совсем недурные стихи.

Звезда в стеклянном
колпаке!
Ты светишь ровно,
не мерцая,
Не там, где светят вдалеке
Другие звезды, умирая.

...Звезда в стеклянном
колпаке!
Ты с неба пленницей
попалась!
О, в чьей мозолистой руке
Впервые ты
затрепыхалась!

Читал Яковенко балладу об электрической лампочке, которая робко начинала вспыхивать по вечерам над возрождавшейся после разрухи Одессой. И в этом было знамение эпохи! Рабочий Одессы воспевал возрождение города.

Эдуард Георгиевич насторожился. В зале заседания установилась тишина. Я напряженно следил за Багрицким, имевшим обыкновение, слушая стихи, косить куда-то в сторону серые мечтательные глаза, хрипло откашливаться и нервно ломать длинные, с заметным увечьем пальцы.

— Настоящие стихи! — закричал он, поздравляя смутившегося автора.— Значит, наша работа не пропала даром! Я счастлив!

Конечно, эти стихи рабочего поэта отнюдь не были совершенны. Багрицкого взволновал тот бесспорный факт, что рабочий поэт начинал мыслить метафорами.

Так росла связь Багрицкого с рабочим коллективом Одессы. Рабочие-кружковцы, или «потоковцы», как их называли, часто навещали поэта. В каждый свой визит к нему на Дальницкую я обнаруживал новых знакомых.

Разговоры велись уже не только на литературные темы. Багрицкий присматривался к быту рабочих, прислушивался к их языку, обогащая свой словесный багаж. А если у посетителя вдобавок ко всему прочему обнаруживалась страсть к птицам или рыбам, интерес Багрицкого к такому товарищу увеличивался вдвое. Багрицкий был страстным любителем птиц, заядлым птицеловом. Многих своих приятелей — в том числе и меня — он приохотил к разведению рыбок в аквариуме, к покупке певчих птиц, к голубеводчеству.

Из крохотных гонораров за стихи, печатавшиеся в «Известиях» и в «Моряке», две трети предназначались для жизни и немедленно передавались жене Лидии Густавовне, а треть шла на птиц, клетки, корм.

Я написал «немедленно передавались». Да, во избежание соблазна все деньги истратить на птиц...

...«Потоки Октября» — одна из самых интересных страниц в литературной летописи Одессы. Организация крепла с каждым собранием. Здесь, помню, читал Багрицкий своего «Летучего Голландца» с посвящением, очень характерным для того времени:

...Пусть, важной
мудростью объятый,
Решит внимающий Совет:
Нужна ли пролетариату
Моя поэма — или нет?

Поэма «Летучий Голландец» была рождена воображением заядлого романтика, она была пропитана солью бугшпритов и разорванных бурями парусов, она пахла морским йодом и бакланами. Совет принял решение в пользу поэмы. И совершенно справедливо.

Осип КОЛЫЧЕВ

* * *

В ноябре 1929 года в Вологде собрался съезд местных писателей, входивших в литературное объединение «Перевал». Для участия в работе съезда в Вологду приехал Эдуард Багрицкий. На съезде он познакомился с самым юным делегатом — пятнадцатилетним поэтом из Великого Устюга Павлом Вячеславовым.

В 1929 году Вячеславов приехал в Москву и поселился в Кунцеве, вблизи дачи, на которой жил Багрицкий. Завязавшееся в Вологде знакомство перешло в дружеские отношения ученика с учителем, часто встречавшихся и читавших друг другу свои стихи и стихи любимых ими поэтов.

На этом, впервые публикуемом снимке, сделанном на вологодском съезде, запечатлены Эдуард Багрицкий и Павел Вячеславов, ныне литературовед, переводчик, текстолог, составитель и комментатор произведений Бунина и Куприна.

В будущем году в Гослитиздате выйдет однотомник произведений Эдуарда Багрицкого, составленный и подготовленный к печати П. Вячеславовым спустя почти 35 лет с тех пор, как он впервые увидел Багрицкого.

Ал. ЛЕСС

Под микроскопом — время

СТРАННАЯ СУД

К 125-летию со дня смерти

Если бы была выполнена предсмертная воля римского поэта Вергилия и его последняя недоработанная поэма «Энеида» была бы сожжена, может быть, храброму троянцу Энею с товарищами не пришлось бы совершить своего второго путешествия — на этот раз в шароварах запорожского казака. Вторую «Энеиду» написал Котляревский.

У «Энеиды» Вергилия странная литературная судьба: почему-то именно она наиболее часто вызывала желание травестировать ее — перевернуть героическую поэму на комический лад. Так, в конце XVIII века в России была издана пародийная по-

И С Т О Р И

Это портрет поэта Александра Полежаева. Судьба Полеж
тяжелой, словно кандальная цепь. И у портрета, ставшего в
цей, звеном,— своя печальная история.

13 июля 1826 года на кронверке Петропавловской крепост
нены декабристы. А в конце июля Москва била в колок
из пушек: император Николай I прибыл в древнюю столицу
цию. Вскоре после приезда царю подали донос, именуемый
ском университете». Автор доноса писал: «Профессоры зна
шей с пагубной философией нынешнего века... Воспитанни
жают закона, не почитают своих родителей и не признают
никакой власти». В качестве примера доносчик привел несі
мольных строф из поэмы студента Полежаева «Сашка».

Полежаева подняли ночью и привезли в Кремлевский дв
рю. Николай протянул ему тетрадь.

— Ты ли сочинил эти стихи?

— Я.

— Читай!

Полежаев читал вслух свою поэму. Он обращался к несча
отчизне:

Когда ты свергнешь с себя бремя
Своих презренных палачей?

Министр народного просвещения, участник этой сцены
закрывал глаза.

— Что скажете? — зло спросил Николай. — Я положу пр
разврату! Это все еще следы, последние остатки; я их искор

Участь Полежаева была решена: поэт был сдан в солдаты.

В жизни случаются необыкновенные истории.

...Лето 1834 года отставной полковник Иван Петрович Б
водил со своей семьей в подмосковном селе Ильинском. Здес
светское общество. В июне Ивану Петровичу пришлось отпр
делам в свое степное имение. Возвратился он оттуда не о
рода Зарайска привез к себе погостить известного поэта Пол
торый тянул там лямку в пехотном полку.

Две недели, проведенные у Бибикова в обстановке друже
мания и сочувствия, были самым счастливым, самым солнеч
дом в мрачной полежаевской жизни. Полежаев не знал, кт
его. Не знал, что отставной полковник И. П. Бибиков и был
дином, который восемь лет назад представил Никола
«О Московском университете» и подсунул «для сведения п
части» цитаты из «Сашки».

Книги наших авторов

НАДЕЖНЫЙ

Эта небольшая книжка, появившаяся недавно на полках книжных магазинов, привлекает своей обложкой: по черному фону — светло-зеленые полосы, и не сразу различаешь среди листьев лицо пограничника и ствол его карабина.

Уже обложка вводит читателя в тревожный, настороженный и в то же время уверенный и спокойный мир пограничной заставы. Забегая вперед, нужно отметить, что и внутреннее оформление книги, выполненное художником В. Авдеевым, представляется очень удачным. Рисунки дополняют, расширяют зрительное представление о героях рассказов Георгия Дмитриева, собранных в его сборнике «Граница и люди», выпущенном издательством «Молодая гвардия».

Граница и люди... И ждешь по привычке захватывающих погонь, перестрелок, преследований... Да, они есть в книге. Но не это в ней главное. Главное — люди. Люди в зеленых фуражках. К ним и приковывает внимание читателя автор. Во многих рассказах погони и перестрелки остаются «за кадром». Иногда они просто заменяются словом из погра-

ничного обихода —
сто главными ге
Г. Дмитриева являк
граничники, а их
горе»), их сыновья
ства»), люди, окруж
ников в их повсед
учителя их детей
ре»), жители пог
(«Вода»).

Георгий Дмитриев,
ступавший на стран
рошо знает будни г
он проработал корр
нала «Пограничник»
бывал на заставах,
героями этих расск
дости и невзгоды. П
но проступает скво
новка пограничных

Для творческой
наиболее показа
«Яхонт». Это истор
чинает пересматрив
на жизнь молодой п
Воинов, «успевший
ботать слесарем гор
привыкший делать д
лишь за мзду». Это
как впервые сталки
стями воспитания л

ЬБА «ЭНЕИДЫ»

И. П. КОТЛЯРЕВСКОГО

эма Н. Осипова и А. Котельницкого «Вергилиева Энеида, вывороченная наизнанку». Французским писателем Сварроном написан «Травестированный» Вергилий, немецким Блюмауром — «Приключения благочестивого язычника Энея». Эти «травести» давно забыты, и только один комический двойник Вергилиевой поэмы живет полнокровной жизнью — «Энеида», написанная Иваном Петровичем Котляревским, выдающимся украинским писателем.

Котляревский в шутливой форме довольно точно пересказывает сюжет Вергилия. Основное достоинство поэмы Котляревского — щедрый украинский юмор. Если подлинная «Энеида» начинается великолепными словами: «Я пою брань к мужа, который, бывши много кидаем по землям и по морю... и много претерпел на войне»,— то украинская «Энеида» звучит весело и задорно: «Эней сучий парубок моторный и хлопец хоть куды казак...» И так на протяжении шести частей поэмы воюет, буйствует, гуляет удалая казачья ватага в образе древних троянцев. И даже когда Эней спускается в пекло, он находит там украинских панов, над которыми надеваются черти.

Высоко ценил «Энеиду» Котляревского Н. В. Гоголь, поставивший три цитаты из нее эпиграфами к «Сорочинской ярмарке».

«Энеида» Котляревского — из тех произведений, которые надо читать в подлиннике, чтобы уловить все оттенки народного украинского юмора. Лучший, наиболее близкий к оригиналу перевод на русский язык сделан Б. Потаповой (Гослитиздат, 1961 г.).

Д Е Б Ю Т Т Д Ж Е К А Л О Н Д О Н А

Когда в «Транснонтинентальном вестнике» появился рассказ «За тех, кто в пути», его автор, никому еще не известный 23-летний Джек Лондон, вынужден был занять десять центов на покупку журнала. Гонорар в размере пяти долларов он получил с большими трудами. Позже он рассказал об этом в автобиографическом романе «Мартин Иден». Но в действительности свое первое произведение Джек Лондон напечатал не в журнале, а в газете. Это был очерк «Тайфун у японских берегов», который Лондон послал на объявленный редакцией конкурс. Очерк был удостоен первой премии (25 долларов), две другие премии получили студенты университетов. Это было семьдесят лет назад. 12 ноября 1893 года. Джеку Лондону было всего 17 лет. Вряд ли он мечтал тогда стать профессиональным писателем. Лишь спустя шесть лет, полных скитаний и приключений, появилось его второе произведение. Но, и начав печататься, Джек Лондон некоторое время продолжал бедствовать, зарабатывая 10—15 долларов в месяц.

Я Д В У Х П О Р Т Р Е Т О В

Портрет Александра Полежаева, выполненный Е. Бибиковой.

Екатерина Бибикова. Автопортрет.

Невозможно теперь точно сказать, что побудило Бибикова снова вмешаться в судьбу Полежаева. Раскаяние? Стремление уберечь от окончательной гибели раскрывшийся литературный талант (Иван Петрович считал себя ценителем изящной словесности)? Желание прослыть меценатом, «спасителем» опального поэта? Ведь о том, что Бибиков предал Полежаева, никто, кроме жандармов из III отделения, не знал, а «благородство», «великодушие» отставного полковника, «приютившего» кравального литератора в солдатской шинели, видели все.

В эти солнечные дни к Полежаеву пришла любовь. Он познакомился с дочерью Бибикова — шестнадцатилетней Екатериной. Девушка тоже полюбила поэта. Любовь была безнадежной, как вся полежаевская жизнь. Почти полвека спустя Е. И. Бибикова писала в воспоминаниях: «Семья, общество, сам рассудок непреодолимой преградой разделяли нас. На что мне было будущее? Я полной жизнью жила настоящим».

Настоящее продолжалось всего две недели. За это время Екатерина успела сделать акварельный портрет Полежаева, который, по ее собственному свидетельству, «разительно похож». Полежаев написал под портретом:

Судьба меня в младенчестве убила!
Не знал я жизни тридцать лет,
Но ваша кисть мне вдруг проговорила:
«Восстань из тьмы, живи, поэт!»
И рассудка холодная могила.
И я опять увидел свет...

Полежаев посвятил Екатерине Бибиковой несколько стихотворений, среди них одно из лучших — «Черные глаза». Отец-полковник, узнав об этом, был страшно разгневан. Стихи были объявлены «ужасными», имя Полежаева перестали произносить в доме. Открылась истинная цена «лицемерному «меценатству доносчика, двуличному «великодушию» предателя.

Меньше чем через четыре года Полежаев, истерзанный солдатской муштрой, умер от чахотки.

Екатерина Бибикова оставила и словесное описание внешности Полежаева:

«А. И. Полежаев не был хорош собой. Рост он был невысокого. Черты лица его были неправильны. Но вся наружность его, с виду некрасивая, могла в одно мгновение осветиться, преобразиться от одного взгляда его чудных, искренитых, больших черных глаз. Этот ВЗГЛЯД ОРЛА... выражал все могущество его творческого духа».

Вл. ПОРУДОМИНСКИЙ

ЗАМОК ГРАНИЦЫ

Александр ИВАНОВ

Медведи снег жуют.
На псах на черных еду-еду...
Там жил олень высокий, вольный...
Резвился тот высоковольный
По тебу длинному его.
И потому медведь — не конь.

(Юнна Мориц)

Я шла по Баренцову морю,
Дерика галошин в рюкзаке.
— Привет, товарищ Юнна Мориц! —
Смеялись ненцы вдалеке.

Я ощущала мир как глобус,
Стучало сердце, словно гонг.
Олень, понятно, не автобус
И уж, конечно, не шезлонг.

О наилучшая из азбук!
Я победила естество:
Спала на льду. Сосала айсберг,
Жевала снег — и ничего!

Есть у меня одна идея.
Осуществимая тогда,
Когда, от зависти худея,
Умрет Полярная звезда.

Все растеряются. А значит,
Вознаграждая за труды,
Меня, полярную, назначат
И, о, сиончавшейся звезды.

Не орел я сегодня, а горлица,
Дикий витютень, голубь лесной.

Зови меня орлом и кречетом —
Мне эти званья по плечу.

Я люблю лошадиное оно...

(Виктор Боков)

Я люблю свое громкое имя
И зернистую в банках икру,
Нравлю кому и неважно мыма,
Лошадиное оно и круп.

Обожаю звериные лица,
Стать пернатым безумно хочу,
В зоопарке вчера буйволица
Потрепала меня по плечу.

Я сегодня орел и синица,
Перепелка, сорока, дрофа...
Поглядит на меня кобылица —
И рождается в муках строфа.

Издаю я пестранные крики,
Слышу твой умоляющий клич:
— Виктор, Витя, мой Витютень
диский,
Перестань вырабатывать дичь!

ПАРОДИИ

«операция». Часроями рассказов ется не сами тожены («На дикой «Летние знакомающие пограничнеевной жизни,— Далеко на Севеничной полосы

неоднократно выших «Снегы», хоНаходясь. Много лет еспондентом журчасто и подолгу жил бок о бок с ров, делил их радтому так явственны строки обстаастай.

манеры писателя телен рассказ я о том, как начить дней взгляд рнишка Анатолий по призыва порадодского завта и ело «по-хозяйски» о истории о том, вается со сложнопейтенант Фирин,

ВЛАДИМИРОВ

недавний выпускник училища, как он учится не по книгам а в жизни находит «ключ к людям».

Часто у Дмитриева рассказа начинается «детективной» фразой, схожем, такой: «Перед рассветом подняли тревожных». Но на том, «детектив» и кончается, основное действие рассказа — на заставе.

Новая книга — это встреча с новыми друзьями. «Граница и люди» в этом смысле не исключение. Со страниц ее входят в нашу жизнь яркие, запоминающиеся образы Хурмата Мирзабаева («Хочу лошадь Ягги»), Петра Завгороднего («Ночью был буран»), лейтенанта Кавуна, водителя Юрикова и рядового Векшина («В сосновой тишине»).

Не все равноценно в сборнике «Граница и люди». Порой недостаточно мотивированы поступки героев, слишком поспешны, психологически необоснованны «перевоспитания» молодых солдат, грешат сухой информационностью некоторые описания. Это несколько снижает ценность в общем хорошей, интересной книги, в которой показаны люди в зеленых фуражках.

В. ВЛАДИМИРОВ

Т. ИЛАТОВСКАЯ,
специальный корреспондент «Смены»

„Я — как все"

ЗАМЕТКИ О МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ СИБИРИ

Это было ранней осенью пятьдесят седьмого года. Москва еще дышала пушной радостью фестиваля. Окна в институтах стояли раскрытыми настежь. Когда в лаборатории вошел ВВ (член-корреспондент Академии наук Владислав Владиславович Воеводский), рванул упругий сквозняк. ВВ сел на краешек стола и усмешливо огляделся:

— Ну, а кто бы поехал в Сибирь?

Сначала никто не откликнулся: ВВ всегда заряжен юмором, любит розыгрыш, да и при чем тут Сибирь?

Но Воеводский не шутил. В мае заговорили о Новосибирском центре. Требовалось ядро. В Институте химической физики, которым руководит академик Н. Н. Семенов, лаборатория спектроскопии была популярна. Ребята здорово работали: дружно, упрямо, легко. И отдыхали вместе. Но главное была работа. И главное, в этой работе были они, все; не каждый среди всех, а все. И ответы сотрудников ВВ получились, как под копирку: «Я — как все». В январе шестьдесят первого года лаборатория перекочевала в Академгородок, близ Новосибирска.

Обя-зать Се-ме-но-на за-щи-щать-ся! — это скандирует хорал.

— Форсировать ускоритель для Молина!

— Приставить к Бурштейну гувернантку!..

Производственное собрание, где решаются интимные дела лаборатории ценных реакций, идет на спад. Можно представить сотрудников, бегло и субъективно.

Глава радиогруппы Анатолий Григорьевич Семенов — серьезный, мрачный мужчина. Не тратит времени на пустяки. Ему под сорок, всего на четыре года меньше, чем ВВ. Но он до сих пор даже не кандидат наук. На созданных им приборах защитилось человек десять. Он не защитился. Ему некогда. В лаборатории четыре кандидата. Но когда ВВ уезжает, за него остается Семенов. В профиль Семенов как Гулливер на рисунках Гранвилля — прямой нос и длинные, откинутые назад волосы. Улыбаться — для него роскошь. После трех-четырех фраз разговор ему кажется законченным.

В лаборатории Воеводского Семенов пришел шесть лет назад. О его прежней жизни никто ничего не знает. Он столь же замкнут и непроницаем, сколь выразительны, подвижны его руки. Во всем, что касается работы, Семенов педантично аккуратен. Не терпит пристрастия теоретиков к «надомной» работе. Утверждает, что работает только в лаборатории. Но частенько нерешенное вечером вдруг решено у него утром. В работу вторгается ночь. Говорят, вахтеры проверяют по Семенову часы: пришел — стало быть, девять.

Сделанный Семеновым радиоспектрометр электромагнитного резонанса «РЭ-1301» известен всему миру. Он побывал на выставках в США, Бельгии, Чехословакии. Чешские инженеры приглашали Семенова в гости. Он уже бывал в Праге — восемнадцать лет назад радистом на самоходке.

Образование получил заочно. Вместо «высшего пилотажа» в электронике ремонт старенькых приемников.

Сейчас под мрачностью Семенов прячет, помоему, неуклюжую нежность к своим электронным «уникам». Во всяком случае, он заметно оживляется, возвращаясь в комнаты, огражденные металлическими листами, наполненные осциллографами, вольтметрами, какими-то кнопочными гигантами.

Ничем не связана с радиоэлектроникой и потому не совсем понятна в нем только страсть к охоте. Осенью Семенов берет своего лопоухого спаниеля и пропадает в чертовой глуши.

Утратив юмор в общественной работе, прямо с собрания удрал в лыжный поход председатель месткома «всея кинетики» Юрий Молин, голова, кремень, человек железной воли и жесткого фокуса.

Зато остался Николай Бубнов, румяный, отглаженный,— «Кола Брюньон». Неуязвимо оптимистичный, ко всем внимательный, неторопливо талантливый. Бубнов — химик, кончал химфак МГУ. Практику проходил у ВВ. Здесь его взрывно «прижало» на стыке наук. Вместо разгонок-перегонок пришлось мастерить прибор по резонансу. Прибор, почуяв дилетанта, упрямился. На следующий год в лабораторию пришел Семенов. И Николай с великим удовольствием обрел свое истинное место: не физик при химии, а химик при физике. Химики задумали проникнуть в «святая святых» — реакцию. Раньше довольствовались головой и хвостом — исходное и результат. А что там — между головой и хвостом? Какая взрывчатая, напряженная жизнь молекул рождает конечное вещество? Молекулы раскалывались на куски-радикалы; становились агрессивными, что-то у кого-то отбирали. Подслушать и измерить эту борьбу могла физика. Всепроникающий и всевидящий мир электроники! Первые осторожные опыты. Ошеломляющие результаты. Еще опыты. И где-то глубоко-глубоко томительная, издавна мечта — фотосинтез. Великое, щедрое чудо природы.

Бубнов умел обуздать свой ум. Он шел к цели ровно, неторопливо. Сначала все взвесить, подумать, покопаться.

А вот Молин нетерпелив. Его работы взрывчато-оригинальны, с таранной логикой и неожиданными выводами. Юрий и общественную работу воспринимает по-своему: горячо и взволнованно. А теплое добродушие Коли Бубнова не изменяет ему и на самом «нервотрепном» посту председателя жилкомиссии. Ему каким-то чудом удается удовлетворить всех.

Молин и Бубнов очень дружны. Они и кандидатские диссертации защищали здесь, в городке, вдвоем, даже втроем,— «три мушкетера»: Юрий Молин, Николай Бубнов, Юрий Цветков. Это химический центр лаборатории.

Оба Юры пришли из московского Физтеха и работали с облученными полимерами. После «защиты» Цветкова на девять месяцев отправили в Англию, в национальную лабораторию в Теддингтоне. Недавно он вернулся и бегает по институту, неинтеллектуально сияя. Дома? В последнее время, говорит, уже слышать не мог, как на Москау-стрит уличные музыканты играют «Подмосковные вечера»,— брало за горло. Другие иностранцы этого не понимают. Для них наука не связана с понятием родины. Была бы хорошая лаборатория, все равно где. Доктор Виффен дал Юре тему облученных монокристаллов. И, кажется, был им доволен. В Теддингтоне работали американцы, французы, шведы. Русский был впервые. К нему приглядывались. Приятно удивились: неплохой парень. Русский начал с того, что восстановил равновесие женщин. Англичанки очень внимательны к своей еде. В девять — начало работы, в десять тридцать — кофе, в двенадцать — ленч, в три тридцать — чай. В зависимости от международных и спортивных событий варьируется длина перерывов. Посуду всегда убирали девушки. В первый же день Юра засучил рукава и мужественно стал полоскать чашки под краном. «О'кей»!— засмеялся американец и взял из рук лаборантки стопку грязных блюдец. С тех пор посуду мыли все.

После работы холостяки звали Юру в бар, женатые — домой обедать. Ставили пластинки Шостаковича и Прокофьева. О, они очень любят русскую музыку и балет. Юра слушал и видел сосновый бор, Зырянку, отлогий берег Обского моря. Как-то совсем по-другому виделись из чопорного Теддингтона веселые вечеринки, когда закатывались запросто, всей лабораторией, в коттедж к ВВ, распевали туристские песни, спорили о работе.

Юра вывез из Англии много полезного. Сейчас он носится с идеями немедленных внедрений. Но критичность его слаба. Он упивается запахом стен, иронических стычками друзей, тем, что они забывают пообедать и надеть галстук.

На третий день к Юре подошел Виктор Панфилов, поправил пальцем очки:

— Когда докладываешься на семинаре?

— Через неделку, уважаемый лорд-канцлер. Можешь записать в свой талмуд.

Талмуд — это сверхуязвимая летопись лаборатории, конспект творческих семинаров. Первая запись: «8/I—61 г. Приехали в Академгородок.» Вторая: «12/I—61. Семинар. Доклад Воеводского». Дисциплина есть дисциплина. Особенно в творчестве.

Панфилов волею судеб аспирант. Но вооб-

ще в лаборатории ВВ не признают этого звания. Работай, может, получится «диссертабельно». Так защищались «три мушкетера», так защищался «теоретик».

«Теоретики» — это Толя Бурштейн. Большеглазый, близорукий, самоуверенный и неуравновешенный, как все теоретики. Он «надомник». Некоторых это сердит. Но когда Толя делает очередной доклад, ему все прощается. Толя мыслит дерзко и интересно. Но с ним всегда держи ухо востро: любая мелочь может «детонировать» взрыв неуемного воображения. Толя любит ботать «от нуля». Там, где ничего не было, вдруг появляется кирпичик мысли. Он лежит один-одинешенек. И уже ясно, что этот кирпичик не просто так — часть фундамента. А на фундаменте — стены. А над стенами — гулкие своды. А под сводами — залы, мерцание витражей, витки лестниц, легкие галереи. И попробуйте вернуться назад: мол, не было здания, был пустырь. Да где же? Стоит себе здание, наверное, давно. Пусть построенные Толей теории пока не притязают на фундаментальность, творчество остается творчеством. Его законы универсальны.

Группа теоретиков — мозг лаборатории.

В отличие от многих старожилов лаборатории Толя рационалистичен. Выход в науку давался ему нелегко. ВВ правильно и вовремя помог. Между ними, правда, бывают стычки: от ВВ «улетает» за свободный бурштейновский график. Но это все-таки лучше сентиментов. Толя ненавидит сентименты. И вообще не любит ничего лишнего: лишние слова, лишнюю мебель, лишнюю мысль. Суждения его обычно резки, бескомпромиссны, иногда обидны. Он не поет туристских песен, не увлекается стихами. Очень любит серьезную музыку, особенно когда играет жена Вали, одаренная виолончелистка. Иногда роняешь он может показаться слишком рационалистом. Это ошибка. Человек творчества не живет для себя. Кстати, Толя — активный член Совета молодых ученых.

На совете он часто бывает вместе с Володей Толкачевым, комсомольским секретарем их института. Володя — индикатор достоинств лаборатории. Он совсем «зелененький»: в позапрошлом году окончил Физтех. Институтскую практику проходил у ВВ. Приглядывался к работе, к к нему приглядывались. В лаборатории Воеводского требования сложные: способности плюс наклонности. Талант с парадным характером не возьмут. Тактично предложат: перестройся. Володя прошел это деликатное старжерство. Но лаборатория уехала в Сибирь. Диплом он делал у других. Сбежал.

Володя еще не сделал никаких открытий. Он только «зарабатывается». ВВ никого не торопит: тему не дают, тему ищут. А найти свою тему в науке нелегко. С поверхности все взято, надобно вкопаться. Это ценнее, чем хвататься за что-нибудь неближнее или случайное. Здесь считается аксиомой: человек не мятается без дела; если он не у прибора, он думает.

От гармоничной слаженности в лаборатории Володя получает почти такое же наслаждение, как от музыки своих любимцев: Генделя, Баха, Глюка (уж такая причуда — энергичный, современный, компанейский парень без ума от старинной музыки).

Я и раньше знала мнение Эйнштейна: «Настоящая наука и настоящая музыка требуют однородного мыслительного процесса». Но здесь это стало вдруг зримой реальностью.

Есть в лаборатории Воеводского свой «затворник», хозяин таинственного «каземата». Так все и говорят: «затворник, каземат». Это казалось таинственным. Однажды на собрании мне показали: вот он. Я всмотрела разочарованно. Очень обыкновенно: черноволосый, медлительный, громоздкий молодой человек. Говорит Юра Наберуцкин неохотно, короткими, незаконченными фразами, без опознаваемых знаков принадлежности. Невозможно устаешь за него. Юра очень умен и эрудирован. Питает презрение к скоропелым решениям. Он окончил Физтех по оптике. С ним приехали проницательные аппараты. Для лаборатории открылся целый мир новых возможностей. Поначалу этим злоупотреблял. Юра безропотно терпел, ночами сидя в «каземате», что-то неторопливо ковырял, что-то придумывал. А потом вдруг оказывалось, что все готово для недавно задуманного ювелирного эксперимента. Как ни странно, с «затворником» сработались все и даже спорили, с кем он будет работать.

На исходе второй недели я решилась войти в «каземат». Юра был любезен, кивнул на стул: мол, садитесь. В длинной комнате горел желтый свет. Окон не было. Большие, как в самолетах, машины молчаливо поглядывали разнообразными глазками: у кого один посредине, у кого два на боку, было пять глаз и даже больше. Некоторые приборы тихо урчали, погруженные в свое сосредоточие, инфракрасное или электронное. «Каземат» жил тонкой, ускользающей от глаз жизнью. И казалось совершенно необходимым, чтоб не было окон.

— Окна?.. Кто-то заказывал... не приехал...

Я правильно перевела фразу: для Юриных опытов не нужно затемнения, даже неплохо время от времени посматривать в окно, но кому-то нужны были слепые комнаты, ему сделали, и он не приехал. Вот так всегда: никаких загадок, никакой таинственности. Стоит на растопыренных толстых лапах что-то головокружительно сложное, с металлическим хоботком. И уважаешь его и слегка побаиваешься: возьмет сейчас и что-нибудь скажет! И вдруг сунут под хобот какую-то стеклянку с жидкостью и еще посетуют: «Неточный спектр дает старик — пора в утиль».

...Вечерами, гуляя по Академической, часто замедляешь шаг на углу, у проспекта Науки. Из окна, прикрытого цветной шторой, рвется шквал удивительных звуков. То снежный вихрь Грига, то осенняя грусть Мендельсона, Чайковский, Скрябин, Лист... Кто-то легко и страстно управляет порывами мелодий. Это удивительно: идти по пахучему снегу под звездами (все до единой на черном небе!) и слушать. Музыка всегда помогает понять, полюбить, запомнить. Капнет — и в ответ на ремонты возвращается гуляя улочка Риги; а то соленая раковина рыбацкого порта и мокрый от шторма катер. Теперь Григ — это вечерние улицы городка, пушистые от снега, тихие и блестящие.

Трудно было представить пианиста. Кто он? Очевидно, не профессионал. Но откуда тогда такое ясное чувство музыки?

Однажды я не выдержала. В конце концов люди здесь приветливые, вежливые—не прогонят.

За стареньким пианино сидел Юра Наберуцкин и играл. Маленькая комната ломилась от книг. И целое богатство — ноты. Вплотную, тетрадь к тетради прекрасные издания всех колоссов, писавших для фортепьяно. Библиотека выросла из скудной студенческой стипендии.

Юра, как и в лаборатории, не замечал посторонних. Он привычно выламывал с полки своих любимцев. Играл он с нот, без всякой мимики и жестикуляции, сосредоточенно и отрешенно. И в старенькем пианино под тяжелыми пальцами зажигалась, переливалась искрами, дрожала зное. Потом мне сказали, что Юра почти не учился музыке. Он заиграл, оставшись с нотами наедине. Публично он никогда не выступает. «Техника не та... с нот... только для себя...» Лишь близкие друзья знают, что Юра не только талантливый физик.

Я пишу эти заметки и ловлю себя на том, что все лаборатории вдруг сливается для меня в одно органическое — в Исследователя. Его нельзя расчленить, нельзя разобрать по частям. Талантливость ВВ, вдохновение Бурштейна, кропотливость Семенова — все это он, Исследователь.

Воеводского не беспокоит уверенная самостоятельность сотрудников и широкий профиль тем. У каждого ведь свои «сумасшедшинка» — чуть заметно было умение поиск ищущих. А наметанный глаз уже видит в нынешних «параллельных» крен, который рано или поздно приведет к пересечению в одном центре. Важна целеустремленность в познании истины, в раскрытии тайн природы.

И еще. Диогенову бочку исследователей-одиночек сдали в научный утиль. Прочность коллектива — качество науки, которую он делает. Коллектив силен: один ум хорошо, а десять лучше. Но возможна опасность: вдруг одна голова вздумает решать за всех!

Лекарство от бюрократической склероза — творческие коллективы, где действует сила только таланта и поиска.

ПЕРВ ЗНАКОМ С ПОЭ

Альберт ШИЛИН

ОГНИ

Далекие и близкие огни,
я трону вас
озябшими ладонями...
Моей работы будничные дни
Вы прочертили линиями строгими.
Свет автогена
И костер походный,
Глаз бакена
И лампочки в домах,
Ловлю ваш зов
В сиянье ночи звездной,
Иду на вас,
Когда иду впотьмах.
И забываю,
Так бывает часто,
Что —
у всего у мира на виду —
Не огоньки мигают,
А лучатся
Сердца людей,
к которым я иду.

г. Подольск.

В. ПРОКУРОВ

ПЕСЕНКА МОЙЩИКА УЛИЦ

Я работаю мойщиком,
улицы мою.
Когда город уснет на плече у покоя,
вывожу на проспект голубую машину,
обливаю асфальта уставшую спину.
Я работаю мойщиком.
Чем не работа!
Правда, ей далеко до межзвездных
полетов.
А когда
по утрам
я купаю газоны,
Заполняется город
прохладным озоном.
Меня знают витрины больших магазинов
и подругу мою,
голубую машину.
Я работаю ночью и утром...
И когда на рассвете поднимется солнце,
Запоет новый день
мелодично и звонко,
среди тысячи струй
биться радуга будет —
я везу ее людям,
везу ее людям.

г. Ростов-на-Дону.

Сергей КАРНЕЕВ

Я ВЫРОС В ЛАДОНЯХ АЗИИ

Я выросс в ладонях Азии,
мозолистых и тугих.
А вы не заметили разве
рабочую жесткость их!
Тяжелые эти ладони
так ласково держат внутри
кусочки блестящей латуни,
полоски холодной зари,
как плоские камешки, сола —
они от солодов зелены, —
и камни, шипящие солью
взлохмаченной жестко волны,
и малую эту крупицу
из громкого боя реки —
судьбу мою,
неистово
трубящую в медь строки.
Высокой завидуя доле,
вы пальцами бережных рук
потрогайте: как мозоли,
шершавые губы вокруг.

г. Душанбе.

ПОРАЖЕНИЕ ПОДВЕНОЙ

А. КУЗНЕЦОВ

Вечером мы приехали в Вену. Но программа нашей туристской поездки по Австрии привела нас сначала в Зальцбург, где мы должны были осмотреть замки, древние крепости, парк с фонтанами-шутихами. В поезде Вена — Зальцбург мы принялись изучать розданные нам проспекты. В них, между прочим, говорилось, что ночь в Вене — время проведения всякого рода международных мероприятий, фестивалей и так далее.

Составители проспектов были правы. В Вене действительно намечалось международное мероприятие, которое представляло для нас, молодых туристов, большой интерес. Речь идет о «всемирной» встрече молодежи, созванной так называемой международной конфедерацией свободных профсоюзов (МКСП).

В Зальцбург люди обычно приезжают отдыхать, газеты читают, естественно, жельком и интерес к политическим событиям предпочитают отложить до осени. Поэтому там нам ничего не удалось узнать о встрече МКСП. Наверстать упущенное решили в Вене.

Среди нас было трое журналистов. И вот однажды утром мы направились в Герндльвальд — центр «всемирной» встречи. Мы увидели железный забор с колючей проволокой поверху, сквозь сетку забора виднелись палатки. Подошли к воротам. Парни из лагерной охраны долго не хотели нас пускать. Потом, справившись у кого-то по телефону, они позволили нам пройти. В белом административном здании лагеря мы поступились в дверь с надписью «Пресс-центр». Навстречу поднялся тучный мужчина. Лицо у него было недовольное — то ли от жары, то ли от беспрестанно звонящих телефонных аппаратов. Мы представились герру Маттау. В ответ он нам подарил такую улыбку, от которой стало ясно, что ничего доброго пресс-шеф нам не скажет. Так оно и получилось. Вот как протекал разговор:

— Мы журналисты из Москвы. Встреча представляет для нас определенный интерес, и нам хотелось бы аккредитоваться, чтобы получить информацию.

— Гмм... — Герр Маттал почесал переносицу, поправил очки, бросил взгляд на стол, где лежала толстая пачка незаполненных пресс-карточек. — К нам приехало больше журналистов, чем ожидалось. Трудно будет. Впрочем, заполните формуляры, и через два часа все будет в порядке.

Мы обменялись улыбками, рукопожатиями и вышли. Беседа, которую мы имели с герром Маттаном через два часа, была еще более «приятной». Аккредитовать нас руководители МКСП наотрез отказались. Правда, позже организаторы встречи, видимо, поняли, что совершили глупость, и к концу мероприятия сообщили, что в министерстве иностранных дел для нас есть пресс-карточки. Но теперь они нужны были только как напоминание о беспрецедентном случае дискриминации журналистов.

Нетрудно понять, чем объясняется такое отношение руководителей «всемирной» встречи к советским журналистам. Дело в том, что МКСП, которая заманила в лагерь Герндльвальд 4 500 юношей и девушек из разных стран, давно уже зарекомендовала себя как реакционная организация, действующая в угоду капиталу, пытающаяся привить рабочим массам идеи оппортунизма. Ее руководители давно променяли интересы рабочего класса на покровительство монополий и генералитета НАТО. Желая компенсировать падение своего авторитета среди рабочих масс, лидеры МКСП обратили свое внимание на молодежь. Одной из самых массированных атак лидеров МКСП на умы юного поколения была эта встреча, которую готовили четыре года и на которую затратили миллионы шиллингов. Целью ее было завербовать молодых людей в ряды антикоммунистов, сковать инициативу молодежи в борьбе за мир и демократию.

Чтобы добиться этого, были приняты меры предосторожности. Во-первых, на встречу не пригласили представителей молодого поколения социалистических стран, представителей тех организаций, которые объединяют демократическую молодежь мира. Получилось так, что в Вене удалось собрать участников в основном из Западной Европы. Из Африки и Азии приехали малочисленные группы — от одного до пяти человек. Таким образом, назвать эту встречу всемирной никак нельзя.

После первых же дней этого «мероприятия» стало ясно, что официальные доктрины руководства МКСП не нашли одобрения и поддержки среди основной массы участников встречи в Герндльвальде.

Оснований для такого вывода более чем достаточно. Приведу только один пример. В приемлются административном здании Герндльвальда только что закончилась дискуссия. Нас туда не пустили. Но мой новый друг, американец из Пенсильвании, все тщательно записал и, рассказывая о дискуссии, делал небольшие комментарии и замечания.

Прежде всего для «затравки» руководители дискуссии решили опорочить марксизм. Один из них заявил, например: «Маркс был прав, когда говорил, что рабочая сила — это товар. Но в связи с техническими успехами, изменением характера капитализма, работополучатель ныне перестал быть товаром».

— А что на это ответили участники дискуссии, Джон?

— Видишь ли, в чем дело. Большинство из них не сильны в теории. Марксизма они не знают, а если станешь изучать — объявят «красным» и выгонят на все четыре стороны. Поэтому ребята говорили о том, что касается их непосредственно, — жизни, работе. Вот я записал несколько реплик: «Почему существует дискриминация в оплате за равный труд?», «Почему растут налоги?», «Кто закрывает перед нами двери университетов?». Лучше всех сказал испанец: «В Испании рабочий — это товар».

И только ли в Испании? А в Италии, Швеции, Франции? Наконец, у нас, в США? Я несколько месяцев искал работу. Разве это моя вина? Мне часами приходилось простаивать на бирже труда, у ворот фабрик. Хозяин мог купить мой труд, а мог и не купить. Кто я? Конечно же, рабочая сила у нас — это товар, — закончил мой собеседник.

После подобных выступлений те, кто дирижировал встречей в Вене, сделали для себя вывод: открытые дискуссии, свободный обмен мнениями опасны. И они решили перенести пропаганду своих идей, так сказать, на улицу. Уже на третий день в лагере начали раздавать антисоветскую и антикоммунистическую литературу.

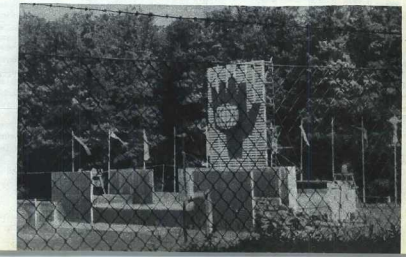
Кульминацией антикоммунистической обработки участников встречи явилась провокационная поездка к границам Венгрии, устроенная для того, чтобы «показать железный занавес и колючую проволоку». На границе не оказалось «железного занавеса с колючей проволокой». Больше того, молодежь пограничных районов Венгрии пригласила пассажиров автобусов завхать к ним в гости и своими глазами убедиться в том, как живут их сверстники при социализме. Реакция на приглашение? Был дан приказ: «Немедленно повернуть назад!».

Если семинар «Рабочий — человек или товар?» можно квалифицировать, как провал, то попытка обработать представителей профсоюзной молодежи Африки кончилась полным разгромом организаторов встречи. Как это произошло?

Уже долгое время лидеры МКСП ищут «ключи» к сердцам африканцев. Дело в том, что, желая поддержать неоколониалистов, МКСП стремится сделать все возможное, чтобы помочь вновь «завоевать» Африку. Используя демагогические заявления о своем желании содействовать становлению экономики развивающихся стран, МКСП из кожи вон лезет, чтобы расколоть африканское профсоюзное движение, запретить контакты с профсоюзами социалистических стран, навать западный путь развития, а в конечном итоге подготовить почву для полного подчинения этого континента интересам американских, английских, западногерманских, французских монополий. Эти цели МКСП нашли свое яркое отражение на встрече в Герндльвальде. Представителей Африки, лидеров национальных молодежных организаций профсоюзов буквально посадили под арест. Их оторвали от основной массы участников встречи, поселили в строго охраняемой школе.

В нашей прессе уже сообщалось о том, что семинары имели цель навязать точку зрения Запада, заставить капитулировать перед требованиями иностранных монополий, смириться с ролью бессловесных исполнителей воли империалистических кругов и их адвоката — МКСП. Как мы знаем, попытка эта провалилась. Молодые африканцы выразили свое отношение к семинару в резолюции, которую организаторы встречи хотели замолчать, скрыть от общественности. Участники встречи из Африки недвусмысленно заявили о своем глубоко отрицательном отношении к тем, кто пренебрег интересами их стран, кто пытался говорить с ними языком колонизаторов, языком проповедников «холодной войны».

Встреча в Герндльвальде закончилась красивым фейерверком. Но разноцветный золотой дождь, конечно же, не мог подсластить пилюлю поражения, которую проглотили реакционеры из МКСП.



«Фестиваль» за колючей проволокой.

ГИАНЗЯ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

(Продолжение. Начало см. «Смену» №№ 11—18)

Г. МАРТЫНОВ Рисунок **А. БАБАНОВСКОГО**

В от! — сказала Гианзя.— То, что вы ищете.

Радиосвязь между четырьмя вездеходами работала все время. Ее слова услышали все одновременно. И можно было с уверенностью сказать, что все участники поисковой экспедиции на всех четырех машинах радостно и взволнованно встрепенулись, так же, как Стоун.

— Где? — спросил он.

Найти на второй день поисков! И это после почти трехлетних неудач.

— Прямо перед вами. И близко.

Муратов перевел ответ. Вездеходы остановились.

Впереди были только те же мрачные, коричнево-серые скалы, изрезанные трещинами, желтоватая пыль, толстым слоем покрывавшая почву. Прямо впереди, метрах в двухстах, изгибался горный хребет, заканчиваясь острым выступом, с огромным нагромождением хаотически наваленных друг на друга камней — следами когда-то рухнувшей большой лавины. Глубина изгиба скрывалась в непроглядно-черной тени.

Сколько таких изгибов уже попадалось раньше!

Прямо туда, в эту тень, указывала рука Гианзи.

— Там? — спросил Стоун.

— Да, в самой глубине.

— Прожекторы! — приказал Стоун.

С четырех машин четыре сильных луча рассеяли черный мрак.

— Здесь мы не могли ничего найти,— сказал Вересов.— Так близко от станции...

— Вы уверены? — спросил Стоун.

— Я вижу,— просто ответила Гианзя.

Как выяснилось позднее, у всех мелькнула в этот момент одна и та же мысль:

«Здесь вечная тень. Никогда это место не освещается солнцем. Горные породы охлаждены почти до абсолютного нуля. Никакого инфракрасного излучения здесь не может быть. Как же Гианзя может что-нибудь видеть? Значит, не только инфракрасная часть спектра доступна ее зрению».

В том, что Гианзя действительно видела загадочную базу, невозможно было сомневаться.

— Какую примерно площадь занимает база? — спросил Стоун.

Выслушав перевод вопроса, Гианзя задумалась. Муратов решил было, что она не знает земных мер длины и площади, но оказалось, что Гианзя молчала по другой причине. Она просто хотела ответить точнее.

— Мне трудно определить на глаз,— сказала она наконец,— но мне кажется, что ее площадь — около шести тысяч квадратных метров.

— Значит,— сказал начальник экспедиции,— примерно восемьдесят метров на восемьдесят. Такую небольшую площадь мы сможем обработать четырьмя рабочими машинами.

Он тут же отдал распоряжение, чтобы к этому месту вышел еще один вездеход с оборудованием.

— Полным ходом по нашим следам! — приказал он в микрофон.— Открытых трещин нет, дорога безопасна. Предупредите Сабо. Жду через пятнадцать минут.

Прожекторы ярко освещали горные уступы в глубине изгиба. Отчетливо виднелись тени от вперевые проникшего сюда света. Но по-прежнему ничего постороннего не было видно.

Тревожная мысль мелькнула у Стоуна.

— Спросите ее,— сказал он,— безопасно ли освещать эту базу?

Гианзя ответила, что этого она не знает.

Из осторожности Стоун приказал погасить прожекторы.

— Когда будет нужно, снова зажжем их.

— Странно,— заметил Муратов.— Спутники непрозрачны. Почему же они не заслоняют скалы. Почему от спутников нет теней?

— Может быть, они уже не здесь? — высказал предположение Токарев.— Может быть, тут только покинутая база?

— Спросите об этом Гианзю,— сказал Стоун.

Муратов объяснил как мог лучше, что именно смущает его и остальных участников экспедиции.

— Мне немного странно,— ответила Гианзя,— что вы не видите этого сами. Но я понимаю, отчего это происходит. Мы (она имела в виду своих соплеменников) не подозревали такой особенности вашего зрения. Я узнала об этом только на Земле.— Гианзя словно забыла вчерашний разговор.— Вы ничего не видите, когда нет света. Я хотела сказать, такого света, который вы воспринимаете. Мы видим гораздо больше. Темные, по-вашему, предметы для нас освещены. Странно, не правда ли, Виктор? Ведь вы так похожи на нас!

Он подумал, что она неудачно выбрала время для подобной беседы. И не мог скрыть нетерпения, попросив ее ответить на заданный вопрос.

— Почему вы говорите со мной в таком резком тоне? — как ни в чем не бывало, спросила Гианзя.— Я не привыкла, чтобы со мной так разговаривали.

— Простите, но мы очень взволнованы.

— Нет причин волноваться. То, что вы искали, найдено. Чего же вам еще нужно?

В ее тоне ясно слышалось: «Я выполнила то, что вы хотели. Оставьте меня в покое».

— Вы видите, Гианзя,— сказал Муратов,— а мы нет. Так помогите нам еще раз.

Она повела плечом — характерный жест, свойственный только ей одной.

— Опустите прожекторы ниже,— сказала она так, как мог бы сказать учитель беспонятливому ученику.— База (она впервые четко произнесла это слово) расположена в углублении. Кажется, оно искусственное, потому что оно имеет ровные границы. Лучи вашего света проходят выше, и потому вы ничего не видите.

— Подождем,— сказал Стоун, когда Муратов перевел ему все, что сказала Гианзя.— Неизвестно, как подействует свет на установки этой базы. Мы и так сильно рисковали, когда зажгли прожекторы, не подумав хорошенько. Но это моя вина.

Точно через пятнадцать минут подошла пятая машина. Наступил долгожданный момент операции.

Стоун отвел свой вездеход немного назад и в сторону. Четыре рабочие машины выстроились в одну линию. От них до границы не видимой пока базы было, таким образом, больше ста метров — расстояние, вполне безопасное и удобное для работы. Даже если произойдет взрыв любой силы, вплоть до аннигиляции, то он не причинит никакого вреда. Сотрясения воздуха не приходилось опасаться здесь, где не было никакого воздуха. Оставалась только теоретическая возможность, что база взорвется, как ядерная бомба, с огромным повышением температуры. Но вездеходам, сконструированным специально для поисков базы, ничто не грозило. Экипажи были в безопасности. Какая-то степень риска, конечно, оставалась, но с этим приходилось мириться. Отвести машины еще дальше, на абсолютно безопасное расстояние, было никак нельзя. Тогда стало бы очень трудно управлять роботами-автоматами.

Никто из участников экспедиции и не думал о какой-либо опасности. Они знали одно — база найдена, и надо ее уничтожить.

Надо! Этого слова было совершенно достаточно.

В машине Стоуна появился прибывший на пятом вездеходе руководитель технической части всех шести предыдущих экспедиций инженер Ласло Сабо — плотный, широкоплечий человек небольшого роста и неопределенного возраста. Его лицо с резкими, волевыми чертами оттеняла небольшая клинообразная бородка — украшение, очень редко встречающееся в эту эпоху.

Муратов еще в пути с Земли на Луну заметил явную неприязнь Гианзи к инженеру. Дело заключалось не только в том, что Сабо был небольшого роста. В последнее время Гианзя стала заметно терпимее относиться к подобным людям. Видимо, она поняла или начинала понимать, что люди Земли одинаковы независимо от их роста. Антипатия Гианзи имела еще какие-то, пока неизвестные причины.

Она вздрогнула, когда Сабо, проходя по вездеходу на свое место, кивнул ей головой в знак привета. Муратов видел, какого труда стоило Гианзе ответить ему таким же кивком.

В руки Сабо перешло руководство всей операцией.

— Внимание! — сказал он, едва успев снять лунный скафандр.— Приступаем к выполнению первой части программы — разведке. Выпустить робот номер один!

Из машины, в которой находился Синицын, выполз ярко блеснувший под лучами солнца металлический шар на гусеничном ходу.

Вересов накануне отлета подробно описывал Муратову его устройство. Это была очень сложная и совершенная машина, плод конструкторского и технического труда многих людей, теперь, по всей вероятности, обреченная на гибель.

Робот отполз от вездехода метров на десять и остановился.

Он ждал команды.

Сабо произвел переключения на пульте радиосвязи.

— Впе-ред! — сказал он, раздельно произнося каждый слог.— Первый поиск!

Робот качнулся и быстро пополз к горному изгибу.

Гарсиа пересел к пеленгатору. Нужно было проследить, не появится ли какой-нибудь радиосигнал. Стоун склонился к инфракрасному экрану.

Они не принимали никаких мер защиты против возможной вспышки, подобной той, которая появилась при аннигиляции робота-разведчика три года тому назад, во время экспедиции на «Титове».

Экраны не пропускали чрезмерно сильных световых лучей, глаза людей были в полной безопасности, что бы ни произошло.

Приблизившись к границе черной тени, робот замедлил движение. Точно живое и разумное существо, он подходил к цели очень осторожно. Машина обладала высокоразвитым «мозгом».

Потом робот остановился. Его передняя часть погрузилась в тень и

сразу исчезла из глаз. Задняя продолжала блестеть на солнце. Было такое впечатление, что чьей-то невидимой рукой машина была внезапно разрезана пополам.

Щелкнул контакт приемного аппарата, и раздался отчетливый металлический голос:

— Трещина. Два метра глубины. Расстояние — девятнадцать метров. Видимость — нуль.

— Это не трещина,— сказал Стоун.— Это искусственная выемка, в которой находится база. Что будем делать, Лесло? Включеть свет рискованно.

— А в чем риск? — возразил Сабо.— Взорвется? Ну и пусть взрывается. Мы же сами хотим уничтожить эту базу.— Он слегка наклонился вперед, к микрофону и произнес так же, как раньше, разделяя слоги: — Свет! Те-ле-пе-ре-да-ча!

На всех вездеходах люди поспешно повернули переключатели. Нижняя часть обзорных экранов чуть потемнела. Теперь эта нижняя половина превратилась в телеэкран. Верхняя оставалась прежней, для визуального наблюдения.

В черной мгле, где скрылась передняя часть робота, вспыхнул сильный луч света. Было видно, что робот направил свет прожектора вниз. На телеэкранах появилась ровная, как по линейке проведенная, линия обрыва. От робота она находилась метрах в двадцати, как казалось людям, а по определенно самого робота — в девятнадцати.

— Подойти ближе! — скомандовал Сабо.

Робот совсем исчез. Только свет его прожектора указывал место, где он находился.

Линия обрыва приблизилась. Не могло быть никакого сомнения, что она искусственная.

— Шире свет! — последовала команда.

Было хорошо слышно, как там, внутри шара, защелкали контакты переключателей. Луч света разошелся в стороны. Его яркость усилилась.

Теперь хорошо была видна вся выемка, вырубленная в скалистом грунте. Она была правильной квадратной формы, глубиной в два метра, с ровным, гладким дном.

Вот она, наконец, таинственная база чужого мира, три года тщетно разыскиваемая людьми!

В первый момент всем показалось, что база пуста. Ни спутников-разведчиков, ни каких-либо аппаратов. Но потом люди заметили тени, отбрасываемые как будто пустым местом. Абсолютно невидимые агрегаты базы не были прозрачны, как и предполагалось; они поглощали свет полностью, не отражая его.

Теней было много, и они спутывались друг с другом. Ничего нельзя было определить.

Робот стоял теперь у самого края выемки, совсем близко от спутников, которые, безусловно, находились здесь. Но ничего не происходило, робот оставался цел. Ожидаемая всеми вспышка аннигиляции не появлялась.

Может быть, защитные установки сейчас выключены? Может быть, они действуют только в полете?

— Подойдем сами,— предложил Стоун.— Или пошлем разведчиков-людей.

— Рано! — отрывисто ответил Сабо.— Внимание! Выпустить роботы номер восемь, девять, одиннадцать и двенадцать!

Четыре машины вышли на лунную почву. В отличие от первой они были длинной, сигарообразной формы. На носу каждой далеко выдавался вперед конический выступ.

— Вперед! Фронтом!

Как хорошо вышколенные солдаты былых времен, роботы выстроились в одну линию и быстро исчезли во мраке изгиба. Свет прожектора первой машины не освещал их, и на экранах их не было видно.

— Они понимают все, что им говорят? — спросила Гианэя.

— Нет,— ответил Гарсиа.— У них определенный запас слов, которые они понимают и могут произносить.

— У вас есть такие машины? — спросил Муратов.

Гианэя поморщилась, точно вопрос был ей неприятен, но ответила:

— Я не видела. Но у нас есть думающие машины.

Металлический голос робота номер один сообщил, что четыре вспомогательные машины на месте и готовы к работе.

— Пыль! — скомандовал Сабо.— Вторая программа!

Муратов с особым интересом смотрел на экран. Сейчас осуществлялась его идея.

Было хорошо видно, как в ярко освещенную прожектором выемку с огромной силой влетела веерообразная струя черной краски. За ней последовала вторая — красного цвета. Третья — желтого. И, наконец, последняя — зеленого. Разнородная дымка закрыла всю выемку.

А когда закончилась работа пульверизаторов, рассеялась дымка, глазам людей предстала замечательная картина.

...Момент был настолько волнующим, что те участники экспедиции, которым было поручено заснять базу, не сразу вспомнили о своих обязанностях.

Не меньше десяти минут экипажи всех пяти вездеходов молча смотрели на то, что появилось перед ними. Каждый хотел навсегда запомнить это зрелище.

Пестрые, как детские игрушки, стояли два огромных яйцеобразных тела. Они были совершенно гладкие, без выступов, раструбов, без чего-либо напоминающего дюзы, каждое около сорока метров в длину.

Это и были таинственные спутники-разведчики, так долго занимавшие мысли ученых, доставившие столько беспокойства и хлопот космической службе.

Со всех сторон к каждому «яйцу» подходили длинные шланги от небольших возвышений, имевших форму куполов, поднимавшихся над землей примерно на двадцать сантиметров. Было ясно, что это только верхняя часть сооружений, а все остальное упрятано в лунную почву. В глубине выемки, у противоположного ее края, виднелся какой-то длинный ромбический предмет.

Затаив дыхание, люди рассматривали возникшую словно из небытия базу спутников.

Все было неподвижное, застывшее, будто скованное ужасающим морозом лунной тени.

Краска почти не затронула почвы, и картина была чрезвычайно рельефной. Ромб, купола, шланги и сами спутники-разведчики казались металлическими, но были ли они таковыми в действительности, мешала определить та же краска, сделавшая их видимыми.

Долгую тишину нарушил Сабо.

— Убрать распылители! — Его голос звучал так же спокойно и ровно, как и раньше.— Внимание! Выпустить роботы номер второй и третий!

Теперь появились механизмы, ничем не напоминавшие первые. Это были роботы-«людоеды» — с ногами, руками и круглыми стеклянными «головами». Немного неуклюже, но быстро они зашагали к выемке.

Четыре сигарообразные машины вернулись каждая к своему вездеходу и спрятались внутрь.

Наступил наиболее ответственный и самый интересный момент операции.

Кибернетические автоматы были способны произвести полное и детальное исследование любого предмета как снаружи, так и внутри, не вскрывая наружной оболочки. Быстро и очень точно они определяли размеры, материал, химический состав, могли разобраться в любой схеме, однако на более сложной, чем их собственная.

Подобные роботы применялись часто для самых разнообразных целей и обычно хранили полученную информацию в своей «памяти», выдавая ее по требованию. На этот раз было внесено изменение в их конструкцию. Приходилось считаться с возможностью уничтожения роботов защитными установками базы или спутников. Все, что им удастся узнать, роботы немедленно передадут на пульт штабного вездехода.

Сабо приготовился к приему сообщений.

Но удастся ли узнать что-нибудь? «Допустят» ли это спутники и их база?

Многие сомневались в успехе.

Робот номер два, подойдя к краю отвесного обрыва, ловко спустился на площадку. Номер третий почему-то замешкался, но потом спустился и он.

— Номер первый! — сказал Сабо.— Передаю управление! Второй поиск!

— Второй поиск,— равнодушно повторил невидимый на экранах шар.

Муратов помнил объяснения Верасова. Оба робота-«человека» поступили под команду электронного мозга, заключенного в шаре, и теперь будут выполнять только его приказы. Шар находился ближе к месту действия и имел прямую «зрительную» связь с исполнителями. И у него хватит «сообразительности», чтобы при любой неожиданности, гораздо быстрее, чем мог бы это сделать человек, принять правильное решение.

Роботы разошлись. Один направился к ближайшему спутнику, другой — к ромбу.

База не реагировала. Создавалось впечатление, что никаких защитных установок против вторжения посторонних тел здесь нет. Но было хорошо известно, что спутники имеют такую защиту.

Почему же она бездействует?

Муратов посмотрел на Гианэю. Она с видимым интересом наблюдала за происходящим. Никакой тревоги не было на ее лице.

О чем она думала сейчас? Что чувствовала?

Люди Земли готовились проникнуть в тайну, которую соотечественники Гианэи хотели скрыть от них. Она не могла относиться к этому с полным равнодушием.

Но по ее внешнему виду ничего нельзя было определить.

Робот номер три вдруг остановился и, повернувшись, пошел обратно к шару.

— Видимо, он решил, что обследование нужно производить по очереди,— сказал Стоун, имея в виду электронный мозг.— Он опасается путаницы одновременной информации.

— Да, видимо, так,— согласился Сабо.

Робот номер два беспрепятственно подошел к ромбу.

Загоралась зеленая точка сигнальной лампочки на панели приемного аппарата, с легким шелестом поползла за стеклом узкого «окошка» лента записи.

Робот приступил к работе.

Он действовал по порядку с хладнокровием машины. Сообщил размеры ромба, указал, что бо́льшая его часть заключена в скале, и приступил к обследованию материала, из которого была сделана наружная поверхность.

Сначала все шло гладко. На ленте быстро отпечатывались символы химических элементов. Железо, алюминий, марганец, кальций.

Но вот появился вопросительный знак. Это означало, что роботу встретился неизвестный ему элемент или сплав, который он не мог разложить на составные части.

Второй вопросительный знак! Третий!

— Плохо! — сказал Сабо.— Конструкция не продумана до конца. Он не умеет производить незнакомый анализ.

— Ничего подобного,— раздался чей-то голос из динамика другого вездехода.— В него заложена программа любого анализа, который когда-либо производился на Земле. А то, чего не могут или пока не умеют делать люди, естественно, не может уметь и он.

Они увидели, как робот достал какой-то инструмент. Видимо, это был резак. Посыпались искры.

— Материал не поддается,— холодно сообщил электронный мозг.— Пришлите другого.

— Более совершенного нет,— ответил Сабо.

— Прекращаю,— сказал шар.

И тотчас же робот номер два убрал электрический резак.

Муратов никогда не видел работу таких машин. Ему было немного странно слушать обмен фразами и сознавать, что между собой говорят не два человека, а человек с машиной.

— Плохо! — повторил Сабо.— Именно в том, чего не сумел понять наш разведчик, заключена тайна невидимости.

— Может быть, попробовать отрезать кусочек купола,— предложил Стоун.

Электронный мозг шара сам пришел к такому же решению. Робот направился к ближайшему куполу.

Но и здесь ничего не вышло. Материал, из которого были сделаны агрегаты базы, не поддавался.

Робот вернулся к ромбу.

Он поднял руки и положил их на его поверхность.

И снова ничего не случилось.

Резким скачком изменилась окраска экранов. Они стали чуть зеленоватыми. Ромб и стоявший возле него робот приблизились и заняли всю площадь экрана.

Потом все увидели, как потускнела, расплылась поверхность ромба, и стали видны какие-то провода, рычаги, острые выступы неизвестных приборов.

Открылась внутренность ромба.

— Если это и есть электронный мозг базы,— сказал Токарев,— то при чем здесь рычаги?

— Может, это вовсе и не рычаги,— отозвался Сабо,— а только что-то похожее на них. Не забывайте, что перед нами не земная конструкция.

— Об этом забыть никак нельзя.

Робот застыл в неподвижности. Лента приемного аппарата продолжала двигаться, что указывало на продолжающуюся работу «мысли» в стеклянной «головке» гиберната.

— Схема не поддается, пришлите другого,— раздался металлический голос шара.

— Более совершенного нет,— ответил Сабо.

Но слова «прекращаю» не последовало. Очевидно, шар не терял надежды, что его помощнику удастся все же разобраться в схеме электронного мозга базы, видимо, более сложной, чем его.

Внутренность ромба все так же держалась на экране телесвязи.

А на визуальном экране было видно, как робот номер три снова направился к спутнику. Шар не желал терять времени. Поскольку от робота номер два передача информации временно прекратилась, он приказал номеру третьему начать работу.

— Похоже, что нам все же удастся исследовать базу и основательно познакомиться с ее агрегатами,— сказал Стоун.— Где же та опасность, о которой говорила нам Гианэя?

Она услышала свое имя и вопросительно посмотрела на Муратова.

Он перевел ей слова начальника экспедиции, стараясь не обидеть ее. Выслушав, Гианэя повела плечом.

— Я не знаю, в чем заключается опасность,— сказала она,— но хорошо помню слова Риагэи. Он сказал, что если люди Земли попытаются подойти к базе, то вызовут этим катастрофу. Вот и все. Я считала своим долгом предупредить вас.

Ее слова смутили всех.

— Может быть...— начал Токарев, но Стоун перебил его.

— Гианэя могла неправильно понять Риагэю,— сказал он.— Или, сама того не подозревая, придать его словам другой смысл. Нельзя из-за ни на чем не основанного страха упускать единственную возможность.

— Ни на чем не основанного! — сказал Токарев.— Разве так?

— Все равно! — Стоун досадливо махнул рукой. Он явно был сильно раздражен.

«Не потому ли, что чувствует свою неправоту?» — подумал Муратов.

— Я согласен с Генри,— сказал Сабо.— Раз начали, надо продолжать. Остальные промолчали.

Пока шел этот разговор, робот номер три вплотную приблизился к спутнику.

— Товарищи, смотрите! — воскликнул Муратов, указывая на телеэкран.

Но все уже увидели одновременно с ним.

Внутри ромба возникло движение. Короткие вспышки, как стая искр, побежали по проводам или по тому, что люди принимали за провода.

— Сигналы,— сказал Гарсиа, сидевший за пеленгатором.— Ультракоротке волны.

Едва успели прозвучать его слова, как сильная вспышка света залила экраны. Она была очень ярка и только благодаря смягчающему действию экранов не ослепила людей.

— Так и знал! — сказал Стоун.

Аннигиляция!

Экраны продолжали светиться. Это означало, что робот номер один не пострадал. И не только не пострадал, но и продолжал руководить операцией.

Изображение, передаваемое им на телеэкран, отодвинулось. Снова стала видна вся база.

Робот номер два по-прежнему стоял возле ромба.

Робота номер три нигде не было видно.

Его судьба была ясна. Он подошел вплотную к спутнику, тот сообщил об этом ромбу. Последовала команда, и робот был тут же уничтожен.

Точно так же, как был уничтожен робот-разведчик, посланный три года назад с борта «Титова».

Видимо, и тогда спутник получил приказ от этого же ромба.

— А вы говорили! — сказал Токарев.

— Не изменяю своего мнения и сейчас,— ответил Стоун.— База для нас безопасна. Защиту имеют только спутники.

— Внимание! — сказал Сабо.— Выпустить робот номер четыре!

Слово «Внимание!» произносилось специально для того, чтобы роботы, находившиеся в действии, знали: это к ним не относится.

— С самого начала надо было послать четвертый номер! — проворчал Сабо.— Зря погубили машину!

— Вы сами согласились, что надо испытать степень опасности,— сказал Стоун.

Муратов знал, что робот номер четыре — это такая же машина, как номера два и три, но снабженная противоаннигиляционной защитой. Он понял, что Сабо решил испытать ее, послав к тому же спутнику.

Третий «человек», гораздо выше и массивнее первых двух, зашагал к выемке.

Но он не успел пройти и половины пути, когда случилось то, чего никто не мог предвидеть и ожидать.

Ближайший спутник-разведчик вдруг покачнулся и быстро поднялся, встав вертикально.

За первым последовал второй.

Что-то блеснуло в нижней части аппаратов...

И оба «яйца» взлетели над выемкой, на секунду остановились... снова сверкнули две молнии... и спутники-разведчики исчезли в черной бездне лунного неба.

5

Сабо выругался грубо и зло.

— Доигрались! — раздался из динамика голос Синицына.

Стоун нахмурился, но ничего не сказал, хотя замечание Синицына явно относилось к нему.

— Не об этом ли говорил Риагэя? — сказал Муратов.— Не это ли подразумевал он под словом «катастрофа»?

— Не вину катастрофы,— сказал Стоун.— Спутники отправились в полет. Мы достанем их там. База осталась в нашем распоряжении.

— Сомнительно! — заметил Вересов.

— Именно так!

На площадке базы все было по-прежнему спокойно. Но вот возникло движение. Многочисленные шленги стали быстро укорачиваться, пока не скрылись внутри куполов.

И снова все замерло.

Внезапно раздался смех — смеялась Гианэя.

— Что же вы наделали? — сказала она.

— Откуда мы могли знать? — ответил Муратов.— Вы же нас не предупредили.

— Я сама этого не ожидала.

— Тем более мы.

Неожиданный поворот событий смутил всех участников экспедиции. Слова Муратова заставили призадуматься. Выходило, что команда на взлет была подана ромбом, и именно потому, что на базе появились люди, потому, что база была ими увидена. Такой случай предвидели ее строители и заранее приняли меры. Видимо, они ничего не имели против того, чтобы земляне познакомились с базой, но отнюдь не со спутниками. И, выполняя их волю, оба «яйца» улетели от нежелательного соседства.

Но только ли улетели? Только ли отправились во внеочередной полет вокруг Земли? Ригэя вряд ли назвал бы простое бегство катастрофой.

Но гадать было совершенно бесполезно.

— Вы не знаете,— спросил Гианэю Гарсиа,— через какой промежуток времени эти спутники возвращаются сюда?

— Не знаю. Но они летают долго.

— Придется доставить их в небе,— сказал Сабо.— Это гораздо сложнее. Жаль, что так получилось. Уничтожить их здесь было просто. Но нет худа без добра. Теперь мы сможем основательно ознакомиться с оборудованием базы. И нет смысла уничтожать ее вообще.

— Как сказать,— возразил Токарев.— Может быть, как раз наоборот, надо уничтожить базу и тем лишить спутников возможности заряжаться. И, вернувшись, когда придет время, они окажутся в наших руках.

— Совсем уж невероятно,— сказал Вересов.— Они могут защищаться неопределенно долго, даже потеря способности летать. Вряд ли они смогут вернуться на базу, если будет уничтожен ромб.

Стоун долго молчал.

— Я кое в чем ошибся,— сказал он.— Вот мое решение. Базу уничтожим, но после того, как детально ее обследуем. Спутников тоже уничтожим, в небе. Есть возражения?

— Обследование надо производить крайне осторожно,— сказал Синицын.— Кто может знать, какие сюрпризы здесь заготовлены!

— Мы будем осторожны.

Предложение Стоуна было принято.

Робот номер два все еще неподвижно стоял у ромба. Четвертый оставался там, где застал его неожиданный отлет спутников. Видимо, приказ остановиться он получил от шара.

Но вот оба робота зашевелились. Электронный мозг шара разобрался в обстановке и принял решение продолжить работу. Второй номер снова поднял руки и положил их на поверхность ромба, четвертый двинулся вперед.

— В сущности, он уже не нужен,— сказал Сабо.

— Неважно,— ответил Стоун.— Противоаннигиляционная защита ему не помешает.

Гианэя повернулась к Муратову.

— Зачем вы продолжаете совершать ошибку? — сказала она.— Или вы хотите погубить ваши машины? Мне жаль их, они выглядят очень умными.

— Разве им угрожает опасность, когда нет спутников?

— Я вам говорила: уничтожьте!

— Объясните ясней, Гианэя.

— Разве я это знаю! — сказала она, как показалось Муратову, с грустью в голосе.— Я мало знаю.

— Так почему же вы так настойчиво рекомендуете уничтожить, и притом скоро?

— Потому что я слышала. Ригэя сказал кому-то из наших, что никогда люди Земли не смогут узнать устройство ни спутников, ни базы, даже если найдут их. Он прибавил: «Такая попытка дорого им обойдется». Он хорошо знал.

Муратов поспешно передал ее слова остальным.

— Мне теперь кажется,— прибавил он,— что этот Ригэя имел в виду, что, тронув базу, мы приведем в действие что-то относящееся к спутникам и, вероятно, опасное.

— Мы совсем упустили из виду: как только была обнаружена база, спутники улетели,— с тревогой проговорил Стоун.— Может последовать команда к действию.

— И даже наверное,— раздался голос Синицына.— Они, безусловно, должны были предусмотреть возможность нахождения нами этой базы и отлично понимали, что в этом случае она будет нами уничтожена.

— Номер первый! — На этот раз голос Сабо не был так невозмутимо спокоен.— Прекратить поиск! Назад! — Он повернулся к Стоуну.— Риск действительно очень велик. Лучше не искушать судьбу.

— Как ни жаль, но, по-видимому, это будет самое лучшее.

— Уничтожаем?

— Да,— твердо ответил Стоун.

Решение было принято.

Но оно опоздало.

Хозяева базы решили все раньше.

На Луне нет звуков. И первый взрыв люди увидели. Робот номер один еще не погасил своего прожектора, ожидая, пока выйдут из выемки оба его помощника. Они как раз показались на краю площадки, когда один из куполов вдруг точно раскрылся, изнутри вырвался снop огня, и через мгновение на этом месте осталась только глубокая яма.

И тотчас же взорвался второй, потом третий...

Четвертый взрыв произошел уже в темноте. Шар быстро полз к вездеходам. Впереди его «бежали» оба робота-«человека».

А там, в черной мгле тени, с методической аккуратностью, через равные промежутки времени, взлетали столбы огня, уничтожая неизвестные людям сложные установки базы, доставленные сюда предками Гианэи с другой планеты, сгусток технической мысли неведомого народа.

Наступила прежняя «тишина».

Пять прожекторов без чьей-либо команды, но одновременно осветили изрытую ямами площадку.

Все обратилось в пыль. Там, где стоял ромб, сила взрыва обрушила часть скалы, обломки гранита засыпали половину выемки.

И только ровные линии ее границ указывали, что здесь находилось искусственное сооружение.

Это все, что осталось людям на память о пришельцах из космоса.

Нет, не все!

Оставались еще два спутника!

Где-то в пространстве они снова кружились возле Земли, неся в себе неизвестную опасность.

Нельзя было сомневаться, что «команда действовать», как говорил Стоун, уже отдана. Это логически вытекало из того факта, что база перестала существовать. Ромб должен был выполнить и, конечно, выполнил свое последнее назначение.

Что же грозит Земле в ближайшие часы, а может быть, и минуты?

Ведь там ничего не знают!

Штабной вездеход полным ходом помчался обратно к станции. Волнение и тревога были настолько сильны, что об остальных машинах вспомнили только в пути и по радио объяснили причину такого стремительного отъезда.

Уже через десять минут Сабо и Стоун находились в радиорубке. Прямая связь с космическим институтом была установлена меньше чем за минуту, и Сабо, внешне спокойный, передал тревожное сообщение.

Гианэя же сразу по приезде на станцию отправилась в бассейн. Она до странности любила воду.

— Извините,— сказал Муратов, входя в бассейн.— Я вам помешал.

— Это ничего,— улыбнулась Гианэя.

— Мы просим вас припомнить, не говорил ли Ригэя, в чем именно заключается опасность спутников для людей Земли?

— Я не слышала.

— Но вы знали, зачем летите к Земле?

— Мы знали это.

— Зачем же?

— Чтобы осуществить давно задуманный план.

— Какой?

Гианэя засмеялась.

— Вы непоследовательны, Виктор,— сказала она насмешливо.— Если бы я могла ответить на этот вопрос, то ответила бы и на первый. Это одно и то же. Я знала, что мы хотели осуществить наш план. А какой? Об этом знали Ригэя и еще трое.

Марина говорила брату, что Гианэя способна на ложь. И он был совершенно уверен в том, что и сейчас она лжет. Его уверенность в этом подкреплялась ее же фразой: «Люди Земли не заслуживают той участи, которую им готовили». Чтобы так сказать, надо знать, что готовилось.

— Вы знаете, Гианэя,— сказал он тихо.

Снова раздался ее мелодичный смех.

— Допустим,— сказала она, нимало не смущаясь.— Но вам этого знать не нужно.

Муратова взорвало.

— После того, что вы нам уже сообщили,— сказал он резко,— вы обязаны сказать все!

— Вы меня упрекаете?

Муратов понял, что надо изменить тон. Огонек в глазах Гианэи был опасен.

— Я ни в чем вас не упрекаю, Гианэя,— сказал он.— Наоборот, я восхищаюсь вашим благородным поступком. Вы оказали нам огромную услугу. Но будьте же последовательны. Нас очень тревожит неизвестность.

— Конечно, она должна вас тревожить. Но если бы я и сказала, вы этого не поймете.— Гианэя в третий раз повторила эту фразу.

Муратов силой воли заставил себя не реагировать.

— Попробуйте,— сказал он только.— Может быть, мы способны вас понять.

Она взялась руками за край бассейна и легко поднялась из воды. Ее движения всегда были легки, а здесь, на Луне, в особенности. И непринужденно села рядом с ним. Электрический свет бликами играл на ее влажном зеленоватом теле.

— Для этого вам надо знать, что послужило причиной возникновения нашего плана.

Муратов же смотрел на нее. Ее близкое соседство в таком «откровенном виде» было ему неприятно. Он был воспитан несколько иначе, чем Гианэя.

— Так расскажите это,— сказал он.

— Я расскажу.

— Когда?

— Когда-нибудь потом. Здесь не место для столь длинного разговора.

— Но пока вы будете собираться,— снова не выдержал Муратов,— может произойти непоправимое.

— Возможно. Но теперь уже ничего нельзя исправить или изменить. Не говорите со мной резко, я этого не люблю. Наш план уже осуществляется. Так случилось по вашей вине. Я вас предупреждала.

Был момент, еще на Земле, когда Муратов подумал, что слова Гианэи «спасаю вас» вызваны не опасением за судьбу людей, а инстинктом самосохранения. Ведь, живя на Земле, Гианэя разделяла любую участь человечества Земли. Но сейчас он понял, что она была тогда искренна. Ее собственная участь ей безразлична. Если бы это было не так, Гианэя сказала бы все немедленно.

— То, что сделал Ригэя, оказалось напрасным,— задумчиво произнесла Гианэя, очевидно, думая вслух.— Но так и должно было случиться...

Муратов расслышал эти слова, хотя они и были сказаны очень тихо.

Он не задал напрашивающегося вопроса: она говорила не ему, а самой себе.

И вдруг он осознал, что Гианэя сказала эту фразу по-испански!

(Продолжение следует.)

Радуга

С. МИХАЙЛОВ

Фото М. МУРАЗОВА

Прежде чем рассказать о «Радуге», я напишу несколько слов о своей невесте. Вы думаете, она солистка балета? Ничего подобного. Просто у нее прекрасный характер. При чем здесь ее характер? А как же! Узнав, что мне надо в «Радугу», она спокойно сказала: «Иди, пожалуйста». Другая бы ни за что не сказала таких слов. Почему? На вопрос я отвечу вопросом: а вы знаете, что такое «Радуга»? Это тридцать четыре девушки сразу. Увидев за кулисами первую, я обалдел от ее красоты. Вторая была еще очаровательней. Третья — тут у репортера уже нет слов. Чтобы рассказать об этом, надо быть поэтом. Почему я не поэт! Писал бы стихи. И если бы не было у меня невесты... Я поправил сбившийся галстук и пригладил свои взлохмаченные космы. Но тут прозвучал третий звонок — пора было идти в зрительный зал.

В новом, третьем по счету спектакле Московского мюзик-холла «Радуге» выпало сыграть Время. Дело в том, что спектакль этот рассказывает о времени, о том, как надо беречь его, ценить, не тратить даром ни единой минуты. Ибо из этих самых минут и складывается эстафета времени. Да, кстати, кто отец минуты? Может быть, час? Признаюсь честно: ответа на этот вопрос я не нашел. Зато «отца». Минут из «Радуги» я знаю отлично. Это его творческая

фантазия породила танцевальный образ Минуты. Их тридцать четыре в спектакле «Тик-так». И у каждой свой характер. Как в жизни. Минуты откровений, подвигов, открытий. Минуты грусти, а больше светлые, красивые, вот-вот эти самые девушки. «Папу» Минут зовут Николай Сергеевич Волфин. Он удостоен высокого звания заслуженного деятеля искусств и в Туркмении и в Киргизии. Три года назад приехав в Москву, он «придумал» и новый ансамбль с неповторимым хореографическим почерком, основанным на синхронности движений, и его название — «Радуга».

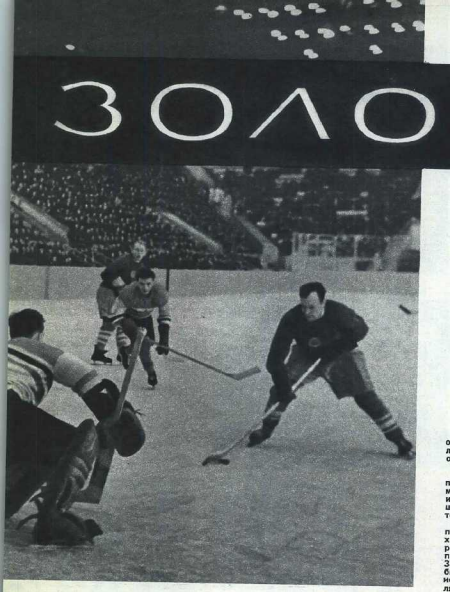
...В антракте я вновь был за кулисами. Мне рассказывали о большом совместном труде актрис. Такой труд всегда рождает дружный, добрый коллектив. У Люды Крузо сегодня экзамен в институте (она будущий театровед), надо подменить подругу на спектакле. У Тани Колбиной, Нины Борисенковой, Жени Калошиной большой праздник — их приняли в комсомол. И не где-нибудь, а на борту крейсера «Аврора». Надо отметить это событие после спектакля. Гремит туш, звучат стихи самодеятельных поэтов, рождается новая песня. У Олечки родился сын. Ура молодой маме!

Тридцать четыре молодые артистки. Тридцать четыре дарования. Одни пришли в ансамбль после лучшей в мире балетной школы, школы Большого театра. Это Люся Стецкая, Оля Сафонова, Светлана Соколова. Але Соколовой не довелось учиться в «академии танца». Она пришла из самодеятельности Магнитогорского Дома культуры строителей. И Лариса Алихаджанова тоже из самодеятельности — любовь к танцам Лариса несколько лет совмещала с другим увлечением: она работала сверловщицей на заводе. Балерина Наташа Городниченко и не думала о профессиональной сцене, работала маляром, но судьба... и главное, талант...

А потом я выхожу из мюзик-холла и вижу свою невесту. Она ждет меня в окружении, наверное, двух с лишним десятков молодых людей.

— Это и есть мой жених,— говорит она.— А это мужья Минуток.

ЗА ШАЙБОЙ



Виктор ФРОЛОВ

Нетрудно себе представить те чувства, с которыми наши хоккеисты летели в февале 1954 года в Стокгольм на первый в своей жизни мировой чемпионат. Коротко эти чувства можно выразить двумя словами: сомнение и неизвестность. Предстояло знакомство с канадцами, которых во всем мире называли не иначе, как «чародеями хоккея». Да и других соперников, кроме разве сборной Чехословакии, мы знали лишь понаслышке. Правда, и советская сборная представала перед соперниками «ледяной лошадиной». Ведь до стокгольмских встреч о нашем хокнее за рубежом имели весьма туманное представление. Говорили о небывалой скорости, на которой советские хоккеисты любят вести состязания. Однако шансы команды СССР расценивались невысоко.

ЗНАКОМСТВО

Тем более понятен огромный ажиотаж, связанный с приездом советских хоккеистов. Как сейчас, вспоминает ся встреча в стокгольмском аэропорту. Не успели наши спортсмены выйти из самолета, как их буквально атаковала толпа репортеров, представителей спортивных клубов и просто любителей хоккея.

...Вот — любопытством разглядывают русских: с чем, мол, их едят... Специалисты поражены небывалым ростом прибывших хоккеистов. «Лев новесов» Борис Петелина, Александр Комаров, Николай Хлыстова репортеры тут же тащат к весам. Происходит настоящее, чуть ли не боксерское взвешивание. Щелкают затворы фотоаппаратов...

На следующее утро эти фотографии появятся на первых полосах стокгольмских газет. А под ними будут броские и красноречивые подписи: «Эти русские хоккеисты весят всего по шестьдесят килограммов! Как же они будут играть против девяносто-килограммовых канадцев?..»

А пока идет своего рода допрос. Шведским журналистам не дает покоя одна деталь: кто из канадских тренеров готовил советскую команду к чемпионату?

— Никто!..

Наши собеседники в недоумении. Ведь все страны, добившиеся каких-либо успехов в хокнее, неизменно приглашают канадских специалистов.

— Мы обходимся без них,— говорит наш тренер Аркадий Иванович Чернышев.— И как будто дело идет неплохо!

— Как вы думаете выступить в первенстве? — продолжают неугомонные журналисты.

— Будем играть...

— Канадцы говорят, что обязательно займут первое место. На какое место претендуете вы?

Но разве могут удовлетворить бурлящие репортеров, прибывших в сенсационным сообщением, такие более чем скромные ответы, как «Будем играть» или «После первенства сможем дать точный ответ»... Не куда больше устроили слова прибывших в несколько дней раньше канадцев, которые, едва ступив на шведскую землю, заявили, что не видят себе серьезных конкурентов и «выиграют первенство, как из пушки»...

Конечно, неприятно видеть разочарованные лица репортеров. Но что поделаешь? Советские спортсмены не хвастуны. Они всегда готовы честно, по-спортивному бороться с любым соперником. Готовы учиться, если у соперника действительно есть чему поучиться. Но они никогда не станут болтать о своем превосходстве, не станут принимать спортивный авторитет будущих конкурентов...

И тому же в этот вечер у наших хоккеистов была особая причина, побуждавшая их побыстрее отделаться от назойливых репортеров. Мы летели в Стокгольм, и каждый твердил одно и то же:

— Только бы не опоздать!..

Поэтому, в чем дело, в тот вечер проводился первый тренировочный матч команд Канады и Швеции — именно тех соперников, которых наши спортсмены еще не видели, с которыми на разу не встречались.

Какой при этом мог быть «разговор по душам» с журналистами! Мы на ходу отвечали на вопросы репортеров, кое-как удовлетворяя их любопытство. Молнией переодеться и автобусу. Заезжаем на минуту в отель, чтобы оставить вещи. И с той же поспешнике курьерской скоростью устремляемся на Королевский стадион, желая одного — увидеть будущих соперников.

Канадцы начали самоуверенно. Каждый из их игроков стремился сам пройти и воротам. Бросалось в глаза, что хоккеисты хорошо владеют клюшкой, точно играют в средней зоне, чаго и успешно применяют на деле. Только очевидная рисовка канадцев, играющих понаслышке, яяя «на публику», не позволяет им сразу добиться ощутимого перевеса. А потом? Потом произошло чудо. Шведские хоккеисты буквально за несколько минут забили подряд три шайбы! Канадцы словно заболели. Они устремились вперед, как-то сразу «задавив» противника. И три очередные шайбы одна за другой влетели в ворота шведов... Но самое интересное ожидало нас в последнем периоде. Шведы уже не трусят. Их не узнаты! Они сами смело идут вперед. И вот результат: еще две шайбы в воротах Канады! Канадцы тоже становятся волком. Они мечутся по площадке, ища брешь в обороне противника. Шведов то и дело спасает Четль Свенссон, тогда еще совсем молодой спортсмен, ставший затем лучшим шведским вратарем. Только однажды шайба проскочила у него под клюшкой. Победа же так и осталась за шведами — 5:4!

Со стадиона мы уходили явно обескураженными. Что же такое? Неужели хваленые канадцы могут там легко проиграыать? Ведь шведская команда ничем особым не блистала... Правда, наш на несколько охладил тренер канадской команды, известный в прошлом профессиональный игрок Гиррин Гуррин. Когда его спросил, какого он мнения о прошедшем матче, тренер ответил коротко и резко:

— Подожмите до завтра. Мы покажем настоящий канадский хокнеи!

ЭТО ЛИ «НАСТОЯЩИЙ КАНАДСКИЙ ХОККЕИ»?

На следующий день команды Канады и Швеции вновь встретились в тренировочном матче.

О, что это был за поединок! Последствия мне удалось повидать много матчей с участием канадцев. Я помнил, что резкая силовая борьба — это у них в крови. Не случайно один из пунктов «Кодекса канадского хоккеиста» говорит прямо: «Если ты увидел шайбу и соперника, забудь о шайбе и вревьься в игрока!..» Но тут же оговорюсь. Да, впоследствии я видел многих канадских хоккеистов, свято выполнявших этот пункт кодекса, любивших мужественную борьбу и одновременно никогда не играющих умышленно грубо. Тут же на поле процветали ничем не прикрытые грубость и нагрузки!

...Вот судьи останавливают игру и удаляют двух канадских игроков. Куда там! К судейскому столику бросается тренер Гуррин. Он возмущенно размахивает руками, кричит: «Но верно, удалили одни «мальчиков».

Судьи стоят на своем.

— Мы лучше вас знаем правила,— заявляет тренер и уводит команду с поля.

Под свист зрителей канадские хоккеисты скрываются в раздевалках. Проходит 15—20 минут. Трибуны недовольно гудят, а хоккеистов все нет. Хозяева стадиона и спортивные деятели в эти минуты уговаривают канадцев и их тренера. Ведь если матч будет сорван, зрителям придется возвращать деньги.

Наконец канадцы, встреченные еще более негодующим свистом, появляются на площадку. Гуррин сумел-таки «разъяснить» судьям, как надо понимать хоккейные правила. Канадцы буквально избивают хозяев поля. Шведские хоккеисты боятся даже приблизиться к соперникам, ибо каждая встреча с канадцами грозит им увечьем. В общем, канадцы во всех смыслах «разнесли» противника. Счет был 12:3 в их пользу...

На этот раз мы уходили со стадиона не обескураженные, а прямо-таки обалдевшие. Неужели это и есть «настоящий канадский хокнеи»?

НА ТРЕНИРОВКЕ

Потом мы увидели канадских хоккеистов на... нашей тренировке.

Как ни бахвалились канадцы своим превосходством, а все же решили посмотреть своих будущих конкурентов в действии (именно нашу сборную они считали наиболее опасной). Канадцы пришли на первую тренировку советской команды.

Что в такие минуты делать журналисту? Присматриваться к поведению канадцев. Какое впечатление производят на них наши спортсмены? Канадцы веселы. Улыбаются. Хлопают друг друга плечу. Проходит минут десять, и, видимо, окончательно успокоившись, наши будущие соперники гурьбой покидают раздевалку. В всякий случай, хотя заранее знаю ответ, спрашиваю тренера Гуррин:

— Что можете сказать о советской команде?

— Ничего особенного... Команда как команда. Рядовой противник!..

Канадцы не увидели в действиях наших хоккеистов привычных для них эффективных ударов и приемов. Внешне очень простая игра советских спортсменов непонятна им. Они не считают нашу сборную серьезным противником. Это ясно. Что ж, пусть думают как хотят! Мы знаем мы настоящую цену. И чем больше они уверены в своей победе, тем легче их обезоружить!

СУДЬИ ДЕРЖАТ ЭКЗАМЕН

Вот в такой, прямо скажем, «накаленной» обстановке начался первый в жизни наших хоккеистов чемпионат мира. Мы не станем сейчас подробно вспоминать перипетии всех поединков. Скажем только, что каждое выступление канадцев еще больше разжигало ажиотаж вокруг турнира. Действительно, их победы внушали уважение — 8 : 1, 8 : 0, 8 : 0, 8 : 1 и, наконец, даже 20 : 1! Это был натиск, слепивший глаза. Наши же успехи были куда скромнее — 7 : 1, 7 : 0, 6 : 2, 5 : 2, 4 : 2. А когда в предпоследний день турнира канадцы победили команду Чехословакии (5 : 2), а советская сборная сделала ничью со шведами (1 : 1), мало кто в Стокгольме сомневался, что титул чемпиона мира будет увезен за океан. Не случайно уже поутру в день матча СССР — Канада на Королевском стадионе началась продажа билетов на дополнительный поединок СССР — Швеция(?). Ведь если бы канадцы выиграли у нас (а в этом, повторяю, никто не сомневался), сборные СССР и Швеции имели бы одинаковое количество очков, и для выявления чемпиона Европы в этом случае потребовался бы дополнительный матч претендентов. Так гласило тогда положение о чемпионате.

Однако нужды в дополнительном поединке не оказалось...

Сейчас же мне хочется вспомнить о встрече СССР — Швеция. И не только потому, что поединок этот был, пожалуй, самым упорным на чемпионате. Меня в этом поединке в хорошем смысле слова поразили и обрадовали действия судей.

...Заканчивался второй период. Счет 0 : 0! Шведы, до этого долго отбивавшиеся от наших атак, сами перешли в наступление. На трибунах творится что-то невообразимое.

— Хейя!.. Хейя!.. — скандируют зрители.

Все повскакали с мест. Все жаждут гола. И вот шайба под рев трибун влетает в сетку наших ворот! Вокруг ликование. Шапки летят вверх. Зрители в экстазе продолжают скандировать:

— Хейя!.. Хейя!..

Я обескураженно оглядываюсь по сторонам.

Но что такое? На лед выскакивает судья-хронометрист. Он размахивает руками. Что-то случилось! Трибуны постепенно утихают. И вскоре репродуктор разносит по стадиону слова судьи-информатора. Оказывается, за секунду до того, как шайба оказалась в воротах, кончилось игровое время второго периода.

О, я был вне себя от радости. Значит, счет по-прежнему 0 : 0!.. Любопытно, что и зрители встретили решение судейской коллегии, не засчитавшей шайбу, как само собой разумеющееся. Потом команды обменялись голами, и матч окончился вничью. Но несмотря на то, что потеря очка была весьма ощутимой для нашей сборной, мы уходили со стадиона в хорошем расположении духа. Радовала предельная объективность судей (ведь секундометристами были шведские судьи, кровно заинтересованные в выигрыше своей команды).

ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА

Наступило 7 марта 1954 года. Воскресенье. Утром, во время завтрака, вся наша делегация поздравила с днем рождения старейшего защитника команды Александра Виноградова, преподнесла ему памятный подарок.

— Сегодня все мы должны стать именинниками! — пошутил наш капитан Всеволод Бобров, обнимая Сашу.

И тут же разговор перешел на канадцев.

Дело в том, что в день решающего матча канадцы предприняли, так сказать, последнюю психическую атаку. Они заявили в печати, что «выиграют у русских с разницей минимум в четыре шайбы». Комментируя это хвастливое заявление, одна из стокгольмских газет напечатала карикатуру. На ней гигант-канадец усаживал за школьную парту маленького Боброва (журналисты в те дни любили олицетворять советский хоккей в образе Всеволода Боброва) и раскрывал перед ним... азбуку. Подпись звучала весьма недвусмысленно: «Канадцы будут учить сегодня русских азбуке хоккея!»

...После завтрака, как всегда, проводился разбор прошедшей игры и определялся план следующего матча. Собрание было немногословным. Каждый понимал, что настраивать ребят на боевой лад нет нужды: они и так рвались в бой.

— Итак, играем в своей обычной манере,— подвел итог обсуждению Аркадий Иванович Чернышев.— Основная ставка на скоростную атаку широким фронтом. Помните, скорость — наше верное оружие. Наши комбинации должны измотать силы соперника. Канадцы не любят играть в своей зоне. Значит, нужно принудить их к этому. Надо заставить их обороняться. Для этого придется атаковать всей пятеркой. Ну, а самоотверженности, я думаю, нам у канадцев не занимать. Они на нас силой — и мы их силой!..

УЧЕНИКИ В РОЛИ УЧИТЕЛЕЙ

Однако пора перейти к матчу СССР — Канада, кульминационной точке стокгольмского турнира.

...Немногие из собравшихся на стадионе верят в то, что команда СССР сможет победить канадских хоккеистов. Уж слишком сильными, просто непобедимыми казались канадцы шведским зрителям. Рядом со мной на трибуне один из жителей Стокгольма. Как я узнал позже, он торговец, владелец небольшого магазина и к тому же большой любитель спорта.

— Трудно будет вам,— говорит торговец с явным участием.— Я поставил в тотализаторе счет 5 : 2 в пользу Канады.

Но что такое? Мой сосед явно насторожен. Матч начался. И никакого преимущества канадцев. Атакует неизменно советская команда. Бросок Алексея Гурышева. Гол! Зрители сдержанно аплодируют. Во взглядах явная неуверенность. Еще одна шайба, забитая Виктором Шуваловым!

— Сейчас канадцы разыграются,— произносит мой сосед.

Канадцы растеряны. Третья шайба влетает в сетку их ворот от клюшки Всеволода Боброва. Теперь уже тысячи стокгольмских зрителей с восторгом аплодируют. Четвертый гол! Вверх летит шляпа торговца, а его голос присоединяется к единому мощному «браво!».

Перерыв. Мой сосед сам напоминает о своем прогнозе.

— Они говорили, что устроят вам бой. Будут играть резко, по канадским правилам. А боятся! Неудобно грубить, когда их чисто переигрывают...

И все же в дальнейшем канадские хоккеисты пытаются сорвать встречу. При счете 5 : 1 они грубо сбивают Евгения Бабича. Наши спортсмены устремляются на выручку товарищу. Все канадцы — даже не участвовавшие в этот момент в игре — уже тут. В ход идут кулаки... Лишь через две-три минуты судьям удается унять разбушевавшихся канадских хоккеистов.

Трудно себе вообразить матч, когда перед решающим периодом тренер дает хоккеистам задание... не забивать больше шайб. Нечто подобное случилось в Стокгольме. Второй период закончился при счете 7 : 1 в пользу советских спортсменов. Разгром? Да. Но канадцы уже пытались сорвать встречу. Они грубили, устраивали откровенную драку, спорили с судьями... Что предпринять, чтобы любой ценой закончить состязание? И тренер Аркадий Иванович Чернышев решает:

— Ребята, игра в общем сделана. Теперь главная задача не дать канадцам возможности сорвать встречу... Надо по мере сил сбивать темп, охлаждать пыл канадцев. Для этого придется подержать шайбу, поиграть побольше в своей и средней зоне. В общем, наша цель — выиграть время. Оно теперь работает на нас!..

И в последней двадцатиминутке игра выглядит своеобразно. Канадцы пытаются лезть вперед. Отобрав шайбу, наши хоккеисты подолгу разыгрывают ее на середине площадки. Канадцы не в силах что-либо противопоставить. Минуты бегут. Канадцы пытаются снова устроить скандал. Стадион возмущенно гудит. Каждая комбинация наших спортсменов встречается аплодисментами. Нет, ничего не выходит у канадцев!..

Наконец игра окончена. Счет 7 : 2 в пользу тех, кого собирались учить азбуке хоккея. Ученики, как видно, больше подошли к роли учителей!..

СИЛА КОЛЛЕКТИВА

Триумф советского хоккея вызвал поистине хвалебный гимн в зарубежной прессе. В печати много говорилось о высоком мастерстве наших лучших хоккеистов, описывался каждый шаг «русских звезд». Но никто не отметил силу всего нашего коллектива. Это и понятно. За рубежом вся ставка в игре на «звезд». В основе же нашего хоккея лежит коллективная игра.

Сила нашей команды заключалась прежде всего в дружбе, товариществе и взаимопомощи всех игроков. В ходе состязаний серьезные травмы получили Евгений Бабич, Павел Жибуртович, Александр Виноградов, Юрий Крылов, Всеволод Бобров. В таких случаях спортсмены других команд покидали коллективы. Никто из наших хоккеистов и слушать не хотел о том, что ему нужно отдохнуть, поправиться. Хоккеисты снова выходили на поле и продолжали борьбу так же самоотверженно, как и раньше. Каждый думал только об интересах команды. И не раз приходилось видеть, как, например, Евгений Бабич врезался в гущу противника, рискуя получить травму, и, выйдя из жестокой схватки победителем, не бросал шайбу в ворота, а отдавал ее партнеру. Неважно, кто забросит шайбу. Важно, чтобы она оказалась в воротах противника. Ведь сражается вся команда!

И еще одно качество хочется отметить в нашей сборной 1954 года. Это необычайно разнохарактерную игру отдельных звеньев команды. Две пары защитников — обе надежных, но одной (Виноградов — Жибуртович) ближе позиционная игра, второй (Кучевский — Уколов) больше по нраву острая, самоотверженная, наступательная борьба. Три тройки нападения, и у каждой свой игровой почерк. У первой тройки (Бобров — Шувалов — Бабич) ставка на высокое индивидуальное мастерство каждого хоккеиста, на умение обыграть соперника в единоборстве, ее сила в неудержимых прорывах к воротам Всеволода Боброва. Основной козырь второй тройки (Крылов — Уваров — Кузин) — предельно точная комбинационная игра на больших скоростях. Эта тройка, как ни одна другая, умела запутать противника каскадом комбинаций. Наконец, сила третьей тройки (Бычков — Гурышев — Хлыстов) в молниеносных проходах крайних форвардов по флангам (особенно Хлыстова) и прекрасном умении Гурышева послать шайбу с лета в сетку ворот.

Да, все звенья абсолютно разные, со своим игровым почерком (оттого-то так трудно к ним было подлаживаться сопернику!), а вместе они составляли на редкость слаженный боевой коллектив. В этом ансамбле голос каждого звучал громко и гордо...

АТАКИ ВОЗГЛАВЛЯЕТ ВСЕВОЛОД БОБРОВ

И все-таки об одном нашем «солисте» стоит рассказать особо. О Всеволоде Боброве — капитане команды. Он был признан сильнейшим нападающим стокгольмского чемпионата. Это о нем писала газета «Свенска дагбладет»: «Всеволод Бобров проявил себя превосходно, он уверенно дирижировал игрой, проводил атаки, быстро оценивал обстановку. Его, без малейшего сомнения, можно назвать лучшим игроком чемпионата».

— Такие спортсмены, как Бобров, родятся раз в десятилетие,— сказал мне однажды известный чехословацкий хоккеист Владимир Забродский,— его умению забить гол как в хоккее, так и футболе можно только позавидовать.

Всеволод Бобров еще 18-летним пареньком был включен в сборную команду Ленинграда по хоккею с мячом. Потом началась война. Пришлось переехать в Омск. Учеба в военном училище. Но и спорт не заброшен. Во всяком случае, и в Омске гремит слава о Боброве-хоккеисте и футболисте.

В 1944 году Всеволода Боброва переводят в Москву. Теперь он хоккеист сильнейшей в стране команды ЦДКА. Он признанный лидер своего коллектива. А через год становится лидером армейской футбольной команды. Весьма любопытен рассказ о Боброве известного футбольного тренера Бориса Андреевича Аркадьева. Вот что он поведал автору этих строк:

— С Бобровым я познакомился поздней осенью 1944 года. Он уже славился как хоккеист. С уважением говорили о нем как о футболисте. Поэтому футболисты, выезжая на юг, решили взять Боброва с собой. И что вы думаете? Что ни матч, то Бобров забивает гол-два. Коряво, но забивает!.. Многим казалось, что ему просто везет. А ведь еще Суворов говорил: раз везение, два везение, когда-то должно быть и умение!.. Я рассудил именно так и с весны 1945 года принял Боброва в футбольную команду ЦДКА... Помню, в первых тренировках он выглядел рядом с Григорием Федотовым, Валентином Николаевым, Алексеем Грининым и Владимиром Деминым просто новичком. Я подходил к Боброву и говорил: «Вот посмотри, Сева, как выполняет этот прием Федотов. Делай так же, как он». И через несколько тренировок Бобров осваивал прием не хуже самого Федотова! В общем, новичок через два-три месяца представлял собой уже настоящего мастера, ничем не уступавшего именитым партнерам. А к концу сезона во многом даже превосходил своих напарников: такая была у него «двигательная восприимчивость»!..

Прочитав эти строки, вы, наверно, скажете, что Всеволод Бобров — просто спортивный талант. Безусловно, это так. Огромный талант. Но, кроме того, он отличался и завидным трудолюбием. Бобров тренировался без устали, до самозабвения. И это помогло ему достичь больших спортивных высот.

О Всеволоде Боброве — хоккеисте можно рассказывать без конца. Недаром мальчишки складывают о нем легенды. Мне однажды пришлось прочитать письмо одного юного поклонника Боброва. Он спрашивал: «Правда ли, что Боброва после первенства мира 1954 года приглашали в Канаду, что там он один обыграл целую команду канадских профессионалов?» Этого не было. Но и среди спортсменов профессионального хоккея, я уверен, Бобров занял бы видное место. Он выгодно выделялся умением обыграть защиту и забить гол. Стремительная скорость, виртуозная техника, неистощимая жажда гола — вот что характерно для Боброва. Мягкое, доброе в обычной обстановке лицо, пожалуй, даже немного флегматичное. Однако в минуту решительной схватки на спортивной арене оно преображалось. Искры вспыхивали в зрачках, твердели губы, движения становились собранными, решительными. Он шел напролом, поражая всех бесстрашием. Таким был Бобров на хоккейной площадке. Можно сказать без преувеличения: у нас еще не было хоккеиста, равного ему по индивидуальному мастерству!

Бобров любил притаиться где-нибудь у борта, выждать момент, когда шайба будет выброшена к средней линии. Тут он стрелой устремлялся к ней. Опередить его не мог ни один хоккеист (не случайно Боброва называли «форвардом с реактивной скоростью»). Да и отобрать у него шайбу в единоборстве было почти немыслимо. Нет, невозможно забыть эти прорывы Боброва! Молниеносно преодолевал он площадку, обыгрывая по пути двух, а то и трех соперников. Выходил к воротам и не спешил произвести бросок. Он ждал, что предпримет вратарь. Если вратарь выезжал навстречу, Бобров легким движением обыгрывал его и «клал» шайбу в пустые ворота. Если вратарь стоял на месте, Бобров каким-то шестым чувством находил незащищенный угол и неотразимым броском направлял шайбу в сетку...

Но, пожалуй, самый излюбленный прием Боброва — прорыв с фланга с объездом ворот. Что это такое? От борта Бобров устремляется к ближней штанге ворот. Вратарь спокоен. Забить гол с такой позиции почти невозможно. Прижавшись к штанге, вратарь целиком закрывает телом ворота. И все же Бобров шел к ближней штанге. Замах для броска! Вратарь еще плотнее прижимается к штанге. А Бобров, сделав резкий вираж, объезжал ворота с тыла и мгновенно забрасывал шайбу с другой стороны в незащищенный угол. Вратарь не успевал шелохнуться. Каждый такой маневр Боброва вызывал бурю оваций.

Много спортивных наград хранится у Всеволода Боброва. Но самой дорогой он считает приз, полученный им на чемпионате мира в Стокгольме. Это большие позолоченные настольные часы. Глядя на них, Бобров всегда вспоминает стокгольмские битвы, свою первую встречу с канадцами.

— А что, неплохо мы тогда дебютировали! — улыбаясь, говорит первый капитан нашей сборной.— Вот если бы всегда наши спортсмены играли так дружно и самоотверженно! Тогда нам никогда не пришлось бы за них краснеть!..

(Окончание следует)

ШАЙБЫ

МОЯ МИЛИЦИЯ

Бор. СЕМЕНОВ Фото **В. ДРУЖКОВА** и **Г. ЮРЬЕВА**

...Конечно, это от неосведомленности, но, приехав в Высшую школу милиции — собственный милицейский вуз, я поразился: здесь работали десять милиционеров с учеными степенями докторов наук, докторам помогали деяяности три доцента. Двадцать офицеров милиции заканчивали работу над своими диссертациями. На некоторых факультетах школы физика преподается в объеме технического вуза, а криминалистике уделяется в шесть раз больше времени, чем, скажем, на юридическом факультете МГУ.

Я встретился со студентами-заочниками. Капитаны, майоры, полковники. За плечами большой опыт. Здесь, в школе, к нему плюсуются знания. Шли экзамены. Ожидал своей очереди предстать перед профессором и начальник одного из отделов управления Московского уголовного розыска Фридрих Дмитриевич Светлов. Когда Светлов вышел с пятерной, меня познакомили с ним. Я попросил интервью.

— Только не здесь. Мне срочно надо на работу.

Мы поехали на Петровку. А едва Фридрих Дмитриевич пригласил меня в кабинет, туда вошел его коллега — Сергей Иванович Дерковский. То, что они рассказывают, я скрупулезно записываю в блокнот...

«С НАУКОЙ НЕ СПОРЯТ...»

«Оркестр» звучать перестал. Его «контрабасы» и «виолончели», «тромбоны» и «литавры» уже коротали дни в камерах предварительного заключения. А следствие шло полным ходом. Из большой и сложной организации жуликов, расхитивших много государственных ценностей, на «воле» оставались двое: «Главарь» и «первая скрипка» — Борис Николаевич. Против них мы не имели прямых улик.

Главарь тем временем снял дачу под Москвой, где

Знание логики тоже обязательно. Куда мог скрыться преступник? Впрочем, одной логики для решения такой задачи мало. Надо еще самому быть шофером, ориентироваться в окрестностях, уметь рассчитывать время...

и поселился со своей огромной свирепой овчаркой. Дача находилась в двух километрах от другой, в которой до поры до времени помещался, если хотите, «штаб» «оркестра». В «штабе», теперь опечатанном, был тайник с документами. Тут была одна деталь: документы получали обличительную силу в том случае, если они были бы найдены не в тайнике, а у самого Главаря. Именно поэтому мы не изъяли их, а принялись ждать, когда Главарь попытается их выкрасть.

Переезд Главаря на дачу означал, что дело «на мазе».

Все чаще и чаще его замечали прогуливающимся со своим псом мимо дачи, ставшей теперь камнем преткновения и для Главаря и для следствия.

Тем временем мы думали и о Борисе Николаевиче. И вдруг он исчез. Через сутки в районе Звенигорода был найден его труп. Вам все ясно? Нам тоже было ясно, что, боясь разоблачений, «скрипача» убил Главарь. Но одно дело — домысел, даже самый логичный, другое — доказательства. И нам позарез нужны были доказательства.

В криминалистике существует раздел, именуемый трассологией. Это наука о следах. Шины автомобиля на асфальте. Башмаки на тропинке. А нож? Он тоже должен оставить след, присущий только ему, этому самому ножу...

След от ножа мы нашли на ребре. Снимки этого следа, увеличенные в сотни раз, показали нам его рисунок: гладкая поверхность, потом щербинка, потом выпуклость. Оставалось найти сам нож. Мы достали все ножи, имевшиеся у Главаря: столовые, кухонные, для резки хлеба и перочинный. У нас оказался двадцать один нож. Каким из них было совершено убийство? Эксперты Муромцев и Жунов принялись резать ножами... сыр. Ломтик за ломтиком. Почему именно сыр? Он полностью воспринимал характерные черты заточки ножей, но не повреждал эту заточку. Мы фотографировали отрезанные ломтики в косых лучах света. Крошечные царапины и щербинки становились рельефными из-за глубоких теней. Эти снимки увеличивались в сотни раз. Наконец, рисунок надреза на сыре совпал с рисунком следа на ребре. Проверка. Еще одна. И еще. Неопровержимая улика была добыта. Настала пора арестовывать Главаря.

И все же мы надеялись, что не сегодня-завтра Главарь пойдет в бывший «штаб», чтобы забрать содержимое тайника.

Мы не делали засады, как

Наука о следах — одна из главнейших в милицейской работе.

И, конечно, чтобы охранять покой людей, надо быть сильным, ловким, смелым.

принято в кинокартинах. Засада была бессмысленна. Во-первых, собака, всегда находившаяся при Главаре, оповестила бы его об этом. Во-вторых, взяв документы, он мог бы тотчас сжечь их. И мы бы остались ни с чем.

Ночью Главарь пронин на дачу. Не зажигая света, он разыскал тайник. А на следующее утро на моем столе лежали фотографии: Главарь нащупывает тайник, вскрывает его, достает документы. В темноте он не может прочитать их, а на снимке я вижу четкие машинописные строчки. Затем Главарь сжигает документы в печке.

В 10.30 его вводят в мой кабинет. Формальности в начале допроса. И сразу, без обиняков: «Признаете себя виновным в организации преступной группы?» «Что за ерунда?» — возмущается Главарь.

Мы выкладываем перед ним снимки, сделанные ночью в полной темноте. Он как-то сразу весь обмяк. Некоторое время молчит. Потом неожиданно резюмирует: «С наукой не поспоришь...»

А еще через час, насмотревшись на фотоснимки трассологической экспертизы, где бороздки, оставленные на ребре, подклеены к бороздкам на сыре, да так, что и не различишь, где шов, Главарь сознается в убийстве «первой скрипки».

В И В Е Я

Ограбление было нестолько дерзким, что видавшие виды мурловцы помяли плечами. В три часа ночи в комнату на втором этаже дома в самом центре Москвы через окно ворвались грабители. Они избили хозяина квартиры, забрали кое-какие вещи и скрылись. Подобные преступления в наши дни — «библиографическая» редкость. Ей-богу, легче купить у букиниста первое издание «Евгения Онегина», чем услышать о подобном случае.

Через несколько минут после грабежа оперативная группа МУРа была на месте. Хозяин дома с разбитым лицом успокаивал жену, непрерывно предлагая ей то валидол, то валерьянку, то капли Зеленина.

Началась наша работа. Следственные версии рождались одна за другой, проверялись и... рушились. Украденный пиджак не поступал ни в скупочные, ни в комиссионные магазины. Часы как в воду канули. А деньги? Нам было ясно, что деньги давно пропиты.

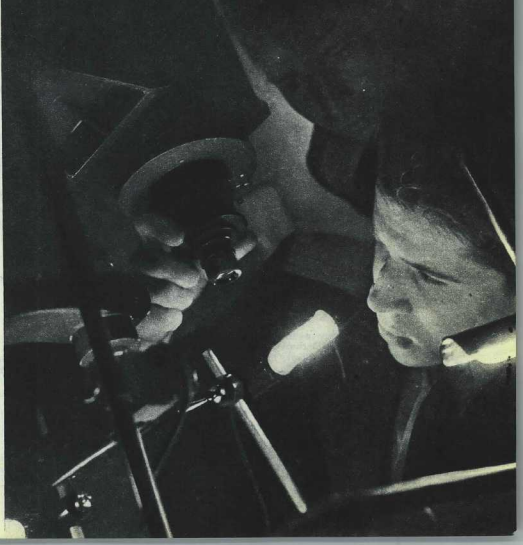
Время от времени мы встречались с потерпевшими, но, к стыду своему, ничего утешительного сказать им не могли. Они очень хотели помочь нам в работе. Жена хозяина квартиры каждый раз напоминала нам о приметах преступников: «Первый был темно-рыжий, в синем комбинезоне». Тут в разговор обязательно вступал супруг, утверждавший, что преступник был «блондином в сером костюме».

У следователей в большом почете догика. Но во время очередной встречи с потерпевшими был момент, который с логикой никак не вязался. Мы говорили о лестнице, с помощью которой преступники проникли в квартиру, а потерпевшая вдруг ни к селу, ни к городу начала опять о приметах. О синем комбинезоне на рыжем парне. К этой теме она вернулась еще раз уже в дверях: «Запомните, и хорошенько: он был рыжий, в синем комбинезоне». Дверь закрылась, но я слышал, как супруги спорили между собой.

Дело наше шло «со скрипом». Потерпевшие вновь приходили ко мне. Вновь жена утверждала, будто это самое главное для следствия, что «преступник был рыжий», а муж уже и не спорил, а только отрицательно мотал головой.

Словом, прав был муж. Попортив себе много крови, мы наконец встретили блондина в сером костюме. Он попивал в ресторане водку, за которую расплачивалась... потерпевшая. Я тотчас вспомнил ее «ошибку» — «синий комбинезон»: уж очень этот парень не подходил ей в товарищи. Потом еще сутки напряженной работы. Потерпевшая превратилась в организатора... разбойного нападения. Это она уговорила Юрку и его друзей как следует избить мужа.

Вам, наверное, смешно? А мне после «дела Вивея» хоть в санаторий отправляйся. Что такое Вивея? А разве я не сказал сразу? Так это же женское имя.



Будущие офицеры милиции — вчерашние рабочие, вчерашние воины. Сегодня главное для них — учение. Завтра они встанут на охрану общественного порядка. Сколько «умений» требуется офицеру милиции? Десять, сто, тысяча? Их не счесть. На «вооружение» приняты и наука и новейшая техника.

Питекантропы шутить не любили. Чувство звериного эгоизма было для них переживанием ближайшего прошлого. Они не сетовали и не жали, а довольствовались готовыми плодами, которые при случае сбивали наземи или палкой. Это они уже умели. Остальному им предстояло еще научиться. Путь от питекантропа к человеку предстоял долгий и извилистый...

Ненин Помолев полагает, что этот путь он благополучно прошел. Вернее, он считает, что путь этот благополучно прошли его предки, а он сам появился, так сказать, на последнем этапе, у самой финишной ленточки. Появился, посмотрел на мир ясными голубыми глазами и решил, что будет в нем жить, не обременяя себя чрезмерными моральными принципами. Заповедь «не укради», которую предыдущие поколения выработали в результате неудачных экспериментов с чужой собственностью, назалась ему элементом детского лепета. Тут, правда, ненин Помолев делал одну существенную поправку. Свое имущество он считал священным. На основах взаимности он еще готов был уважать чужой холодильник или велосипед. Но что касается имущества общего, собственности государственной или общественной, то тут Помолев чувствовал себя ничностью, ничем и никем не связанной. В нем в полный голос начинал говорить питекантропп. Говорил он разные слова на своем зверином языке, а Помолев чутко вслушивался. Однажды питекантропп сказал: «Видишь, на путях стоит ваон номер одни миллион четырреста десять тысяч семьдесят два?» «Вижу,— ответил Помолев.— Сейчас я собираюсь вплочить его в хлебный состав». «Значит, ты знаешь,— сказал питекантропп,— что в этом вагоне зерно?» «Как не знать,— ответил ненин Помолев,— ведь я составитель поездов». «Очень хорошо,— сказал питекантропп.— Возьми бурав, просверли пол вагона и насыпь себе мешок зерна. Украдешь один мешок из этого вагона, другой из другого, третий... И так далее. Зерно, как вода. Оно потечет в твои закрома широкой рекой и сделает тебя богатым человеком. А на остальных тебе наплевать».

...Только не имеющий понятия о том, как добывается хлеб, ваог сделать то, что сделал затем Помолев. Он действительно взял бурав и просверлил дно вагона. Зерно потекло тонкой струйкой, заполнило его мешок. Помолев взвалил его на плечи и отправился в обратный путь от человека к питекантропу. А вагон тем временем отправился со станции Мысовая Восточно-Сибирской железной дороги на станцию Посольская. Неизвестно, кто из них двигался с большей скоростью. Но когда вагон прибыл на место и его взвесили, оказалось, что в дырку, просверленную Помолевым, утекло триста тридцать шесть килограммов зерна. Помолева не взвешивали. Однако, если бы кому-нибудь пришло в голову это сделать в конце его пути, можно не сомневаться, что ни грана совести в нем обнаружено не было бы.

Каким тупым безразличием и человеческому труду, каким звериным эгоизмом нужно было обладать, чтобы совершить такой гнусный поступок! Кто-то растил зерно, кто-то его убирал, молотил, сеозил на приемные пункты. Для этого нужны были машины. Их делали из металла. Металл варили в домнах и мартенах. А для этого нужны были руда и уголь. Шахтеры, металлурги, машиностроители, комбайнеры, трактористы, шоферы не жалели своего труда, чтобы зерно легло к зерну и стало хлебом. Ненин Помолев тоже не пожалел их труда. Он сделал так, что зерно отпало от зерна и стало мусором на дороге. Гнусен сам по себе акт воровства, но тринды гнусно то, что сделал Помолев.

Для того, чтобы проявить питекантропсное отношение к чужому труду, довсе не обязательно сверлить дырки в полу вагона и уносить домой двадцать пять килограммов зерна. Достаточно, как это сделала весовщица Заобаа на станции Харанор Забайкальской железной дороги, просто не проверить дверцы пломбов, просто не придать значения тому, есть ли в них щели, просто не подумать о том, что в эти щели может утечь зерно. На языке юристов это называется преступной халатностью. А я бы назвал это преступлением против хлеба. Вот именно — преступление против хлеба. Здесь все: и равнодушие к общему делу, и оскорбление личности хлеборобов, и ущерб, нанесенный основе народного достояния. Ведь по милости Зыбовой из вагона, пока он дошел до станции Борзя, высыпалось полтонны зерна. Полтонны!

Стучат, стучат по рельсам

ЗАГАДКЕ — ПОЛТОРА ВЕКА

Владимир ПРОКОПЕНКО

В № 18 НАШЕГО ЖУРНАЛА БЫЛО ОПУБЛИКОВАНО ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ «СОДРУЖЕСТВА СЛЕДОПЫТОВ «СМЕНЫ». ПРЕДЛАГАЕМ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ЕЩЕ ОДИН ПОИСК ССС.

Это случилось морозным осенним днем 1812 года... Наполеоновская армия покидала Москву. Когда-то тщетно пытавшийся бороться с мародерством, маленький корсиканец сам превратился в откровенного грабителя. За его экипажем везли ценнейшие реликвии древности, старинное оружие, золото, украшенные драгоценными каменьями ризы, иконы, старинные чаши...

По события внесли свои коррективы в планы вояителей «цней» армии: интерпретам пришлось думать уже не о вывозе награбленного, а о спасении собственной шкуры. Но имея возможности вывезти «золотую карету» за пределы России, император не желал оставлять ее и нашоящему владельцу — русскому народу. И вещи, ценность которых не измеримпъ миллионами, исчезли бесследно...

Узник острова святой Елены сохранил свою тайну.

Несколько лет назад было выдвинуто предположение, что золотая «московская добыча» Наполеона была затоплена им в озере Стоячем, близ Вязьмы. В розыски «московской добычи» включились самые различные общественные и государственные организации, историки, журналисты, геологи. К месту предполагаемого затопления выехали специальные экспедиции. Кстати, работы по розыску продолжаются и по сей день.

Решили пойти по следам «золотой кареты» и мы, старший научный сотрудник Центрального государственного архива РСФСР Лидия Павловна Типаева и автор этих строк. Только начали мы эти поиски не в селе Семлево, близ старой Смоленской дороги, а в Москве, в архивах. Там-то и довелось нам встретиться с новой странницей до сих пор еще не разгаданной тайны...

В документах Наполеона и его сподвижников, хранящихся в советских архивах, судьба золотой «московской добычи» обходится молчанием. Поэтому мы решили заняться изучением документов Высочайшей Комиссии по описанию боевых трофеев русского воинства, к которым почти не обращались исследователи.

Знакомясь с документами комиссии, мы неожиданно обнаружили лаконичное сообщение минского губернатора. Чиновник доносил в столицу, что в 1911 году у жителя города Ельгрудок, Гродненского уезда, Минской губернии, Станислава Антоновича Череповецкого хранилось 120 писем Наполеона и его маршалов, приказы атамана Платова, французские знамена, кубки, оружие «и другие вещи, относящиеся к 1812 году».

Прочли мы это и в первый момент просто остолбенели от удивления: можно было ожидать чего угодно, но только не того, что целое столетие мог оставаться неизвестным своего рода «русский архив» Наполеона Бонапарта и лиц из его ближайшего окружения! А в документе прямо говорилось:

«С препровождением настоящей переписки и списка Наполеоновским вещам, относящимся к 1812 году, и принадлежащим проживающему в городе Новогрудке, по Замковой улице, в доме Мошковича, Станиславу Антоновичу Череповецкому, Полицейское Управление предоставляет Управление Новогрудского Уездного Воинского начальника, что на предложение о высылке этих вещей в Комиссию для снятия копий он отказался, объясняя, что в 1909 и 1910 годах копии с этих предметов уже сфотографировали офицерами, приезжавшими осматривать редкости; более же сведений, требуемых п.п. 3, 4 и 5 Циркуляра, в Новогрудском Уезде не имеется. Июля 20 дня 1911 года...» И все!

Стоит ли говорить, что, конечно, никаких следов копий, якобы снятых с писем Наполеона мифическими офицерами, не оказалось: Череповецкий без труда обвел вокруг пальца тупоголовых чиновников. Ответы на запросы, направленные нами в рукописные отделы Государ-

Хлебоеды

П. САНЬКО

ФЕЛЬЕТОН

вагоны. Бегут, бегут они к элеваторам и зернохранилищам. Несут, несут они тепло и силы человеческие руки. А другие руки, руки преступные и холодные, что-то недоделают, в чем-то сжалтурят, что-то отлынчут от себя. И вот из вагона № 1366259, который шел со станции Червленская Северо - Кавказской железной дороги до Батайска, из-за неисправности хлебных щитов просыпалось две тысячи килограммов зерна. Из вагона № 855509, отправленного со станции Пролетарская, просыпалось около трех тонн ячменя. Что это, как не преступление? А ведь преступления эти совершены на той самой железной дороге, которая по идее находится в лучах «Комсомольских прожекторов», тех самых прожекторов, которые по идее должны вырывать из темноты разные неприглядные вещи и освещать их со всей присущей комсомолии непримиримостью. Почему же «Комсомольский прожектор» не осветил двери вагона № 855509? Может, на станции Пролетарская комсомольцы считают своей святой обязанностью бороться только против хулиганства и пьянства, а за порядок на транспорте пусть, мол, старшие братья борются?

А как, интересно, чувствуют себя боевая, задорная молодежь со станции Харанор, где весовщица Зыбова на глазах у растерявшейся публики прохлопала пятьсот килограммов золотого зерна? Не кажется ли здешним комсомольцам, что тяжесть ответственности за это зерно ломится и на их плечи?

Преступление против хлеба... Как и во всяком другом преступлении, здесь могут быть свои соучастники, свои пособники и укрыватели, свои молчаливые созерцатели. Для одних ответственность должна быть уголовной. Для других — моральной. Но, ох, как тяжела моральная ответственность за подобные дела!

Я не знаю, какой характер ответственности компетентные лица изберут для начальника орса Владимирского отделения Горьковской железной дороги Гусева, но я бы избрал какой-нибудь самый позорящий. Этот человек распорядился кормить орсовских свиней... овсяной нашей. Он будет, конечно, утверждать, что заботился не о свиньях, а о людях, что свиньи не его собственность, что они, мол, предназначались обществу на съедение. Но крупа! Почему нужно было скормить свиньям полтонны тонны овсяной крупы? Да потому, что Гусеву наплевать на все, кроме своих собственных интересов. А его личные интересы требуют добиться на службе максимального успеха при минимальных усилиях. Для того, чтобы пронюхнуть свиней обычным способом, нужно организовать сбор пищевых отходов, привлечь к этому население и вообще иметь массу морок. Куда проще кинуть свиньям под рыло овсяную кашу, а спасать ее на кормление детей. Ведь вот, скажут, какой мастак Гусев! И кашей население обеспечил и свиней на славу откормил. А не пора ли нам дать ему повышение по должности?..

Преступление против хлеба... Оно особенно опасно. Потому что точно так же, как можно собрать хлебное богатство по зерну, его можно по зерну и разбазарить.

Питекантропы шутить не любили. И с ними тоже шутить не надо.

ственной библиотеки имени Ленина в Москве и Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, а следовало ожидать, были неутешительными: никаких сведений о коллекции С. А. Череповецкого крупнейшие книгохранилища страны не имели. То же самое сообщили из архивов Белоруссии. Казалось, все следы уникальной новогудской сокровищницы безнадежно утеряны.

И все же у нас теплилась одна, совсем крохотная надежда, настолько призрачная, что мы сами почти не верили в ее успех. Дело в том, что невольное сомнение вызывала кипка полицейского рапорта: «...более же сведений, требуемых пп. 3, 4 и 5 Циркуляра, в Новогудском уезде не имеется». Не была ли эта фраза просто выражением явного нежелания полицейского начальства утруждать себя таким «незначительным» делом? Словом, нам оставалось надеяться почти на чудо. И «чудо» произошло! Мы нашли в новгородском уездном комитеты начальника. Из рапорта следовало, что в том же Новгородском уезде, в деревне Лоски, у местного жителя Александра Романовича в том же 1911 году хранилась богатейшая коллекция старинных монет, религиозной утвари, документов и других древних исторических реликвий. Многие вещи из этой коллекции совпадали с реликвиями, указанными в коллекции Череповецкого. Этого оказалось достаточно, чтобы заронить в нас слабую надежду: а вдруг обе коллекции как-то связаны между собой?!

И снова полетели запросы: на сей раз мы на свой страх и риск соединили имена Романовича и Череповецкого призрачной логической связью...

Попытка выяснить судьбу С. А. Череповецкого и его наполеоновской коллекции по адресу, указанному в рапорте — «Замковая улица, дом Мовшовича», — кончилась крахом. Известно лишь отсюда, откуда мы его почти не ждали: из Минска. Получив наше письмо, сотрудники Белорусского историко-краеведческого музея отнесились ему с особенным вниманием. Немедленно на розыски в Новогудский район выехал заведующий отделом музея Г. Самсонов. То, что он узнал, было поразительно: не существовало коллекции С. А. Череповецкого! Не существовало коллекции А. С. Романовича! Была одна коллекция, разделенная позже на две части. Дело в том, что Череповецкий был женат на сестре Романовича, а коллекция принадлежала Федору Романовичу — страстному коллекционеру. После его смерти она и перешла в руки двух наследников и, видимо, по их настоянию была разделена.

Поскольку в коллекции вместе с письмами имелось семь золотых дворянских цепей, 48 пар золотых и серебряных серег, 20 золотых заколок и серебряных перстней патриарха Филарета — отца первого царя династии Романовых, 24 золотых барельефа, сотни кусков золота, множество древних золотых кувшинов, тарелок, шпаг, сабель, мы сделали предположение, что все эти ценности, принадлежавшие Череповецкому и Романовичу, были частью вещей, награбленных наполеоновской армией в России, может быть, даже частью знаменитой «московской добычи» Наполеона.

Это, конечно, не значит, что предположение о затоплении Наполеоном «золотой кареты» в озере Стоячем, близ села Семлево, опровергнуто. Возможно, дело обстояло таким образом: по приказу следования императорского кортежа на конвойный отряд было совершено неожиданное нападение крестьянским партизанским отрядом. Такое предположение подтверждается обстановкой конвоирования «золотой кареты», описанной Вальтером Скоттом: «Вслед за войском шла беспорядочная толпа отставших и пленных, из коих многие были вынуждены нести на себе или вести на телегах добычу завоевателей. Кроме того, была тут собрана тьма всякого рода повозок, нагруженных поклажею армии и «московскою добычей», как трофеями, взятыми Наполеоном с тем, чтобы позабавить парижан, а также и вошами, забранными частными лицами».

Поскольку это был чисто крестьянский партизанский отряд, о его нападении не было известно русскому командованию, и оно осталось незамеченным. С другой стороны, для Наполеона (уже пережившего не одно такое нападение и едва не попавшего в плен под Малоярославцем в партизанам Сеславина) этот эпизод мог иметь решающее для судьбы коллекции значение: он должен был убедить императора в заведомой обреченности его попытки вывезти награбленное из России и навести на мысль об уничтожении обоза.

Г. Самсонов выяснил, что А. С. Романович умер в 1909 году и после его смерти коллекция досталась его детям. Накануне первой мировой войны часть ее находилась у родственника Романовича сельского учителя М. М. Мухи. Его-то и разыскал историк. В беседе с сотрудником музея М. М. Муха, которому сейчас 78 лет, рассказал, что до 1915 года ряд ценностей находился у него на квартире в деревне Лоски. Он даже вспомнил некоторые из них, например, бюсты Платона и Сократа из белого мрамора, две урны с иероглифическими надписями на них, часы, увенчанные фигурой Наполеона I, и ряд других. Слова его в точности подтверждают данные описи.

В августе 1915 года Романович и Череповецкие эвакуировались в город Елец. Накануне отъезда ценности были запакованы в три больших ящика и закопаны М. М. Мухой в сарае в деревне Лоски. Но когда Михаил Михайлович вернулся из эвакуации, ценностей не оказалось: ящики были выкопаны и бесследно исчезли. Михаил Михайлович считал, что это сделала вдова его шурина К. А. Романовича — Вера Иосифовна (мы Путтурн так как она знала место, где были зарыты ценности. В деревне Волковичи, Новгудского района, разыскали Веру Иосифовну Путтурн. Она сообщила, что действительно ценности выкопала в 1920 году продала их участковому полицейскому (а то время западная часть Белоруссии принадлежала Польше). Полицейский отвез эти предметы в Варшаву. Она сообщила, что наиболее ценные предметы были заложены еще до первой мировой войны в Русско-Азиатском банке в Минске. Кем? Этого она не помнит.

Самое важное, что удалось установить из встреч с М. М. Мухой и В. И. Путтурн, — это сведения о судьбе владельца остальной части коллекции и писем Наполеона и его маршалов — Станислава Антоновича Череповецкого. Семья его также была эвакуирована в Елец, где он вскоре и умер. В Ельце у Череповецких осталась дочь Елена, которой в 1920 году было 25 лет. Она вышла замуж за Георгия Ярового, вскоре у них родился сын (имя сына установить пока не удалось). Известно, что Е. Яровая умерла в Ельце. Известно также, что никто из членов семьи С. А. Череповецкого не вернулся в Новгудок. Какова же судьба наполеоновских реликвий Череповецкого?

«Возможность узнать нам руководитель оргруппы Белорусского историко-краеведческого музея С. Сапешко,— что эти предметы закопаны где-то в Новгудуке. Но об этом никто не знает. Может быть, сын Елены Яровой является владельцем остальной части коллекции. Но как об этом узнать? Вот и все данные, что нам пока удалось установить».

До сих пор нам пока не удалось найти сына Елены Станиславовны и Георгия Ярового. Может, в этом розыске нам помогут читатели «Смены». Ведь внук С. А. Череповецкого или его родственники могут разрешить интересейшую загадку таинственного «русского архива» Наполеона I.

Еще хранит свою тайну маленький корсиканец. Но поиски продолжаются...

Молодой художник третьекурсник ВГИКа Сергей Ивов ездил этим летом на практику в Сибирь, на стройки Красноярской ГЭС. Оттуда он привез много веселых рисунков. О некоторых из них мы рады вам познакомиться на этой странице.

Первая страница обложки: молодой инженер-технолог Элла Мень. Она трудится на Даугавпилсском заводе синтетического волокна. Репортаж с этой Всесоюзной ударной комсомольской стройки «Большой химии» см. на стр. 1—5.

Фото М. МУРАЗОВА

Внимание! У «Смены» новый адрес:

Москва, А-47, Бумажный пр., 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 3-31-57; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-03; международной жизни — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-69; информации — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редколлегия: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), В. А. Костров, В. А. Кочетов, Б. П. Краевский (ответственный секретарь), Е. И. Рябчиков, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Будкина.

А 00192 Подписано к печати 22/X 1963 г.
Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 1859.
Заказ № 2542. Формат бумаги 70 × 108 1/8.
2 бум. л.—5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил **Е. ИВАНОВ** (рудник Анбеит, Целиноградский край)

По горизонтали:

1. Герой русской былины. 6. Вращающаяся часть турбины. 11. Река на Кольском полуострове. 12. Русская народная песня. 13. Советский скульптор, лауреат Ленинской премии. 14. Композитор, автор оперы «Мовзиян твардиа». 16. Роман К. А. Федина. 17. Деревенская лачуга. 20. Сотрудник газеты, журнала. 21. Электромеханическая трубка в телевизоре. 22. Наука, изучающая процессы жизнедеятельности. 26. Организатор первой русской консерватории. 30. Крупное музыкальное произведение. 31. Плодородная почва. 34. Место для запуска специальных летательных аппаратов. 36. Вид транспорта. 39. Искусственная синтетическая смола. 40. Луговое растение. 42. Общественный и государственный деятель Болгарии, лауреат международной Ленинской премии. 44. Искусственная приманка, применяемая в спортивном рыболовстве. 46. Городок, место действия в романе Р. Роллана «Кола Брюньон». 48. Организация комсомольского контроля. 51. Город на Украине. 52. Общественный и государственный деятель Кубы, лауреат международной Ленинской премии. 53. Центр угольной промышленности в Приморском крае. 54. Высокогорное озеро в Армении.

По вертикали:

1. Прибор для записи колебаний земной коры. 2. Автор музыки «Интернационала». 3. Порт в Японии. 4. Сварливый город в Белоруссии. 5. Столица советской союзной республики. 6. Музыкальный ансамбль. 7. Сорт гречневой крупы. 8. Название советского научно-популярного журнала. 9. Телеграфный аппарат. 10. Спортсмен, достигший высшего результата в состязании. 15. Древнегреческий драматург. 16. Ледокол арктического флота СССР. 18. Советский живописец, народный художник Армянской ССР. 19. Рабочий, специалист по обработке металла. 23. Приток Невы. 24. Музыкальное произведение для нескольких инструментов. 25. Композитор, автор «Гимна великому городу». 27. Город, героизм которого героически сражался в Великую Отечественную войну. 28. Повесть А. Гайдара. 29. Государство на Аравийском полуострове. 32. Болотный газ одной из финских рек. 33. Часть автоматического устройства, передающая электрические сигналы. 34. Форма государственного правления. 35. Путь движения планет, их спутников. 37. Детский писатель, лауреат Ленинской премии. 38. Государство в Азии. 39. Шерстяная ткань. 41. Автор книги «Повести гор и степей». 42. Порода голубей. 43. Рекка, впадающая в Ладожское озеро. 45. Пресноводная рыба. 47. Столица Нигерии. 49. Русский сатирический журнал эпохи революции 1905—1907 годов. 50. Топливо, получаемое из каменного угля.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 20

По горизонтали:

5. Абрикос. 7. Кировск. 11. Атмосфера. 12. Гидроплан. 14. Днепр. 15. Овчарка. 16. Волынь. 19. Нуха. 22. Козерог. 23. Титр. 25. Бондарчук. 26. Вахтель. 28. Ибрагимов. 29. Ньюфаундленд. 30. Приз. 34. «Наварин». 36. Лавинка. 38. Пурна. 40. Инкубатор. 41. Котлингенс. 42. Воронин. 43. Лопатка.

По вертикали:

1. Титовка. 2. Конфликт. 3. Микрофон. 4. «Торпедо». 6. Бетховен. 8. Скафандр. 9. «Труд». 10. Кипр. 13. Персей. 17. Полубак. 18. Конарни. 20. «Узник». 21. Ажаев. 23. Трапп. 24. Туган. 27. Анкара. 28. Шевченко. 31. Задачник. 33. Гексарий. 33. Варламов. 35. Рисунок. 37. Арагуаи. 38. Пеон. 39. Анод.

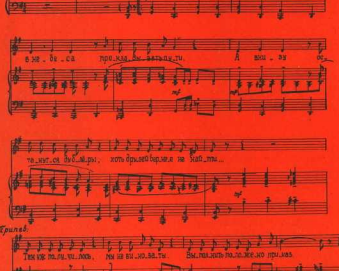
О подвигах наших замечательных космонавтов создано немало песен. Тема покорения космоса, мужества и героического труда советского народа всегда будит вдохновение поэтов и композиторов.

Песня, с которой вы познакомитесь в этом номере «Смены», написана композитором Оскаром Фельцманом в содружестве с молодым поэтом Игорем Шафераном. Тема ее не совсем обычная. В беседе с корреспондентом «Смены» Оскар Борисович сказал:

— Есть множество песен, написанных к торжествам и к знаменательным датам, посвященным славным героям, которых знает и любит вся страна. Но нам захотелось написать о других героях, о тех, чьи имена пока неизвестны, о людях, которые приезжают на стартовую площадку в космических скафандрах, но пока... остаются на земле. Долгие поиски и раздумья привели нас к созданию песни о дублерах космонавтов.

О. Б. Фельцман — подлинно «космический» композитор. Его песня «Я верю, друзья!», написанная за полгода до полета Гагарина, завоевала огромную популярность в нашей стране и за ее пределами. В день старта корабля «Восток» по радио прозвучала вторая «космическая» песня Фельцмана — «Ты — первый». А сейчас, спустя два с лишним года, появилась «Песня о дублерах».

Мы надеемся, что и эту песню подхватят и запоет наша молодежь.



ПЕСНЯ О ДУБЛЕРАХ

Музыка **О. ФЕЛЬЦМАНА** Слова **И. ШАФЕРАНА**

Нам лететь в далекие
звездам скоро,
В небеса прокладывать
путь.
А внизу останутся дублеры,
Хоть друзей верное
не найти.

Припев:

Так уж получилось, мы
не виноваты,—
Выполнить положено
приказ.
Ничего, ребята, ничего,
девчата,
Полетите в следующий раз!

Вот уже костюм застегнут
летный,
И у нас вполне воздушный
вид.
Мы бы взяли всех с собой
охотно,
Да конструктор главный
не велит.

Припев.

Пусть пока находитесь вы
дома,
По тропинкам бродите
земным.
Час придет, и возле
космодрома
Вы дублерам скажете
своим:

Припев:

Так уж получилось, мы
не виноваты,—
Выполнить положено
приказ.
Ничего, ребята, ничего,
девчата,
Полетите в следующий раз!

Путь на перевал труден и опасен. Здесь и поныне — следы войны. Дорогу восходителям открывают мины.

В печати уже сообщалось, что осенью прошлого года на Западном Кавказе, у подножия мрачной вершины Кара-Кая, были найдены останки советских воинов, павших смертью храбрых во время Великой Отечественной войны, но не пропустивших фашистские части в солнечные долины Грузии.

Прошел год, и нынешним летом на Кавказе собрались оставшиеся в живых участники героической обороны Марухского перевала. Вместе с альпинистами и туристами они прошли по памятным местам, по дороге мужества.

На Марухском перевале был открыт обелиск Славы. В металле высечены слова: «Героям ледяной крепости».

Фотокорреспондент В. Арсеньев был участником восхождения на Марух. Его снимки мы сегодня публикуем.

Цена номера 20 коп.

Индекс 71391

Перед молодежью, пришедшей на Марух, выступали участники героической обороны перевала.

— Здесь люди стояли насмерть,— говорит бывший комиссар полка Н. С. Васильев.